

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ В ШКОЛЕ

Журнал для педагогов, методистов, исследователей, студентов и всех,
кто интересуется историей православной культуры

№ 1, 2015

Редакционный совет:

Епископ Савва (Михеев)
Нотин А.И.
Жигарев Г.А.
Рязанов Ю.В.
Замостьянов А.А.
Орлов А.В.
Тарасов Б.Н.
Николаева О.А.
Саввиных М.О.
Костров В.А.
Петракова Т.И.
Торопцев А.П.
Остапенко А.А.
Катасонов В.Ю.
Протоиерей Михаил Ходанов
Шлякова Е.Н.

Выпускающий редактор – Арсений Замостьянов
Макет – Людмила Вагнер
Вёрстка — Татьяна Серёгина

Адрес: 109341, г. Москва,
ул. Люблинская, д. 157, корп. 2

Тел./факс: (495) 345-52-00

E-mail: narob@yandex.ru, narodnoe@narodnoe.org

Учредители:

ПЕРЕПРАВА

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Наталья и Григорий ЕМЕЛЬЯНОВЫ

ФОРПОСТЫ ПРАВОСЛАВНОЙ РУСИ

Этот номер журнала посвящается защитникам Отечества

ВНАЧАЛѢ
БѢ СЛОВО

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
Глава 1 . ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ПЕРВАЯ СТОЛИЦА?	7
ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД	9
ДОМ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ	14
ПОЭЗИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ГОРОДА	19
РОДИНА НЕБЕСНОГО ЗАСТУПНИКА	21
ЗАГАДОЧНОЕ БЕЛОЗЕРЬЕ	25
ГРАД СТОРОЖЕВОЙ	27
Глава 2. ВЕТЕР С ВОСТОКА	29
ДОРОГАМИ ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА	29
ОТЕЦ ГОРОДОВ РУССКИХ	32
БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО	36
ГДЕ ОКА ЛОМАНА	40
СВЯЩЕННАЯ ГРОЗА КУЛИКОВА	43
Глава 3. ПОДВИЖНИКИ РУСИ	47
ЕХАЛ ЧЁРТ В РОСТОВ, ДА ИСПУГАЛСЯ КРЕСТОВ	47
НЕБЕСНЫЙ ГРАД ЗВЕНИГОРОД	49
В КРАЮ СВЯТОГО ИОСИФА	53
ДВЕ ОБИТЕЛИ СТАРЦА ФЕРАПОНТА	56
Глава 4. СМУТНЫЕ ГОДЫ	61
НАКАНУНЕ БУРИ: ОПРИЧНАЯ СТОЛИЦА	61
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В УГЛИЧЕ?	64
СЕРДЦЕ КНЯЗЯ ВОЛКОНСКОГО	66
СКАЗАНИЕ О НЕИСЧЕЗНУВШЕМ ГРАДЕ КАЛЯЗИНЕ	69
ТОРГОВЕЦ И ВОИН	72
СТОЛИЦА ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА	75
ЦАРСКИЙ ПУТЬ КОСТРОМЫ	78

Глава 5. НА СТРАЖЕ ЦАРСТВА И ИМПЕРИИ	83
ЗАПАДНЫЙ СТРАЖ.	83
МЕЧ И ПРЯНИК	88
БЕЛАЯ ВОЛОГДА	92
СТАВНИ ДЛЯ «ОКНА В ЕВРОПУ»	95
ГОРДОСТЬ РУССКИХ МОРЯКОВ	97
Глава 6. ДВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ	103
ПОЛЯМИ СЛАВЫ	103
ВЫСОКО СТОИТ ВЯЗЬМА	106
ПРЕДСЕРДИЕ СТОЛИЦЫ	109
ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ.	112
ПОД НАПОРОМ СТАЛИ И ОГНЯ	115
ВОЗДУШНЫЙ ЩИТ	119

От авторов

Может, и существуют где-то страны, способные в долгосрочной перспективе жить вне исторического контекста, без оглядки на пройденный предками путь. Также более чем не исключено, что есть страны, способные спокойно жить в контексте выдуманной истории — и не испытывать при этом ни малейших затруднений.

Но Россия искони была жива исторической традицией и преемственностью поколений. Десятками и сотнями лет национальный код — как на державном, так и в первую очередь на бытовом уровне — формировался «по обычаю дедову». Кто-то может счесть это признаком ретроградства, косности — но это, кажется, слишком примитивный подход. Странно ведь было бы упрекать британцев в том, что они блюдут файв-о'клок и славят королеву. Странно и близоруко было бы посмеиваться над США, где со сменой президента не изменяется национальная стратегия. Ведь традиция — это тоже признак того, что долгосрочная стратегия существует. И как же она сильна, русская стратегия, если вот уже столько лет вызывает параноидальное, замешанное на ужасе непонимания (или понимания!) озлобление Запада и западников: мол, «лапотные», «сермяга». Нет, никоим образом русская традиция не призывает никого вновь обуваться в лапти, коль скоро прогресс подарил нам более удобную и соответствующую времени обувь. Традиция вообще не опровергает прогресса, как одна сторона медали не может опровергать вторую, иначе и самой медали-то не получится.

Так уж сложилось, что попытки перекроить национальный код по принципу «до основанья, а затем» в России рано или поздно порождали мощный откат той или иной степени драматизма. Реформа церковных обрядов вызвала многовековой раскол. Преобразования Петра I, сколь великие, столь и неоднозначные, сделали Россию империей мировой величины, но посеяли зерна далеко идущих противоречий — а когда век спустя кризис отношений с Европой стал очевиден, Петру заочно ответило контрэхо славянофильства и русско-византийской эклектики. Попытка большевиков построить государство без исторического фундамента едва не привела к потере не только государственности, но и национальной идентичности, и настоящую державу пришлось создавать не вопреки, а на основе опыта прошлого. Не обошлось без идеологических казусов — так персонажами со знаком плюс оказались и повстанец Пугачев, и его прославленный конвоир полководец Суворов. Но в том и смысл истории, что она не переваривает однозначных оценок.

Нашему поколению довелось обрести бесценный, хотя и печальный, опыт. Мы видели, как историю ставят на службу идеологии. Видели, как с помощью истории нас пытались принудить каяться и посыпать голову пеплом. Видели, как за разные трактовки истории спорили до хрипоты и взаимных оскорблений. *Хватит ползать на брюхе*, как писал один наш современник, *пора учиться свою историю просто уважать*.

Отправной точкой этого уважения может стать любовь к собственной исторической среде. Помните — с чего начинается Родина? Наша история — это не только сухие архивы (хотя куда же без них!), это наши города и села, где архитектурным, монументальным, планировочным языком зашифрованы наши трагедия и слава, позор и доблесть. Наша память, не поддающаяся реставрации с заменой конструкций и не оживающая с возведением «новоделов». Это — история страны, написанная её городами. Конечно, в одной книге никогда не рассказать обо всём. Но можно начать. И коли так, начать с понимания того, что наша история — здесь, с нами, в этих улочках и домиках. И осознать глубинный, а не показательно-пафосный смысл слов «не нужен мне берег турецкий». И полюбить эти такие разные, иногда забытые, иногда изменившиеся до неузнаваемости старинные русские города.

Потому что они — наши.

Глава 1

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА ПЕРВАЯ СТОЛИЦА?

Если этой книге суждено начаться с вопроса, лучше задать его там, где можно максимально отрешиться от проблем и суеты современности. И пусть это будет бывший город, а ныне село Старая Ладога на берегу Волхова, в паре десятков вёрст от устья — места, где былинная река впадает в легендарное озеро. Голубое небо, белые облака, пронзительно-синяя вода, зелень травы и деревьев — и вот, как чудесный орнамент, раскрывается невероятная, дух захватывающая панорама. Посредине — крепость, настолько осязаемо старинная, что даже не верится в то, что из руин её подняли в 60-е — 70-е годы XX века: советские реставраторы знали своё дело. По левую руку — Никольский монастырь, хоть и подпорченный «псевдорусскими» башенками, но сохранивший собор XVII века. По правую руку — другой монастырь, Успенский, тут храм аж XII столетия; ещё правее — Предтеченская церковь бывшей Ивановской обители. Дивное сочетание крепостной мощи и пасторали! Здесь, как принято говорить, русский дух! Не без варяжского задора, правда.

В древней истории города-крепости викинги играли роль, наверное, не меньшую, чем славяне. Ладога, тогда ещё совсем не старая, заложенная не позже 753 года (данные археологии), была первым опорным пунктом русской земли на знаменитом торговом пути «из варяг в греки». Для славян — «окно в Европу»; для «наших западных партнёров» — ворота в сказочную восточную Гардарику. Для тех и других — место торговых и дипломатических встреч, купеческий перевалочный узел, точка «культурного обмена», наконец. Ну просто не могла не родиться на свет теория о том, что основатель первой «всероссийской» правящей династии Рюрик изначально пришёл «володеть и княжить» не в Новгород, а в Ладогу!

О призвании варягов — речь особая. Уж сколько лет твердят миру, что в 862 году навести порядок в «великой и обильной» земле славян были призваны три брата — Рюрик, Синеус и Трувор. Этот магический, в силу сакральности числа, триумвират прочно угнездился в русских умах из-за ошибки летописцев и пристрастий норманистов. Многие историки признают только Рюрика, а его «братья» — это всего лишь искажённые старосведские *sine hus* (свой род) и *thru varing* (верная дружина). То ли кто-то что-то недотолмачил, то ли переписчик вспомнил русские сказки... ну, а норманистам, наверное, было просто приятно, что новгородцы призвали «володеть и княжить» не одного варяга, а сразу трёх.

Оставим в стороне измышления на тему, что вообще произошло в 862 году — фактическое рождение русской государственности или же рядовое для того времени событие внешней политики, приглашение «независимого арбитра» на уже существующее к тому времени «игровое поле»? Конец этим спорам, пожалуй, может положить только Страшный суд. Тем более что старые споры породили новые — а куда «сел» приглашённый Рюрик? Традиционно пунктом прибытия варягов, согласно «Повести временных лет», считался Новгород; да только по Ипатьевскому списку той же летописи (а он считается одним из важнейших документальных источников древнерусской истории) выходит, что до 864 года Рюрик сидел в Ладоге. Теория о «Старой Ладоге — первой столице Древней Руси» оказалась привлекательной для романтиков, дотошных скептиков и вообще искренних любителей маленького древнего села, давно утратившего городской статус. Настолько, что в ревнивом Питере 15 августа на общегородском уровне празднуется «День Ладоги, первой столицы Руси, предшественницы Санкт-Петербурга». Новгородские и московские смотрят искоса, о стены Старой Ладоги до сих пор ломаются копья — так столица или нет?

Что уж говорить о такой — на этом фоне — «мелочи», как споры о том, где похоронен легендарный Вещий Олег? Поставленный Рюриком при малолетнем сыне регент, о котором узнают раньше Рюрика, которого помнят в первую очередь по знаменитому стихотворению А.С. Пушкина. Из уроков литературы, ещё не истории, мы вынесли: «кудесник, любимец богов» предсказал князю «смерть от коня своего», а до этого Олег прибил свой щит «на врата Цареграда»... А дальше начинаются разногласия. Часть летописей «хоронит» князя на Днепре, в Киеве, на горе Щековице, другие — в Ладоге.

Тут вот в чём дело. В окрестностях Старой Ладоги сохранилось несколько курганов — стоят цепочкой к северу от города. Эти древние насыпи не первое столетие будоражат воображение и простых людей, и учёных. Особенно один из них. Одни говорят, будто тайные ходы соединяет его с пещерами, монастырями и крепостью, другие наделяют курган эзотерической силой, а третьи спорят о том, не является ли он могилой Вещего Олега.

Собственно, никаких княжеских захоронений ни в одном из этих мест не обнаружено. Да и смертельно опасных для человека змей ни на Днепре, ни на Волхове не водилось. Так, может, летописцы использовали образ змеи-убийцы как иносказание? Неоспоримый факт: незадолго до смерти Олег отправился в Ладогу. И конечно, не для того, чтобы взглянуть на кости своего почившего верного коня, которого, кстати, он действительно после предсказания волхвов отправил подальше от себя — в Ладогу. Есть предположения, что княживший в городке Игорь, сын Рюрика, тогда затеял бунт. И, мол, бунтовщики расправились с Олегом и его дружиной. В таком случае змеей, образно говоря, оказывается воспитанный самим Олегом Игорь. А может, Вещий Олег отправился в Ладогу будучи больным, после очередного похода, чтобы закончить свои дни там, где (по одной из недоказанных версий) похоронен и сам Рюрик?

Ну кстати, чтобы и Киеву было «не обидно»: туда вполне могли доставить частицу пепла, оставшегося после сожжения Вещего Олега в соответствии с варяжской погребальной традицией. Это вполне было в духе древних обычаев викингов.

И ещё одна забавная деталь. В 1783 году императрица Екатерина Вторая задумала масштабный проект — своего рода историю государства Рос-

Глава 1. Откуда есть пошла первая столица

сийского, отчеканенную в памятных медалях. Одна из них была посвящена Вещему Олегу, с надписью: «Олег скончался в 912 году, погребен на горе Щековице». Вот только на уже готовой медали красовались четыре кургана, очень напоминающие старолadoжские...

ЗАБЫТАЯ МАТЬ

«Да будет это мать городов русских», — сказал варяг Вещий Олег в 882 году, установив свою власть над Киевом и казнив варяжских же самопровозглашенных наместников Аскольда и Дира.

Древнему Киеву, чье начало овеяно легендами и мифами (от креста апостола Андрея до трёх братьев Кия, Щека и Хорива — о, эта троебратица!), высокий титул пожаловал хоть и родовитый, но всё же не вполне «династичный» викинг, к тому же захвативший город силой.

Но прижилось.

В IX–XIII веках Киев — столица Руси и «венец карьеры» для расплодившихся князей и княжичей из рода Рюриковичей. Иерархическая система городов делала киевского правителя главным над всеми другими — хотя история знала и массу случаев прямого неподчинения, магия «киевского стола» привораживала князей вплоть до Юрия Долгорукого. Благодатный климат, «внешнеполитически удобное» расположение, верность традициям сделали город колыбелью русской цивилизации, оставив позади хронологически более верные Ладогу и Новгород. В Киеве стоял величественный Софийский собор, напоминая крещеной Руси, «откуда есть пошло», подчёркивая связь и преемственность с Византией, откуда Москва не взяла на себя почётное и тяжкое бремя «Третьего Рима».

Монгольское нашествие стало крахом киевского владычества. Строго говоря, первым гвоздем в гроб «Киевской» Руси стала дерзкая выходка Андрея Боголюбского, фактически основавшего своё независимое государство во Владимиро-Суздальских землях, откуда так стремился переехать в пресловутый Киев его отец — Юрий Долгорукий. В 1155 г. Андрей переехал во Владимир, дав начало новому этапу русской истории — без Киева. А 1240-м пришёл Батый. Массовая резня, устроенная захватчиками, вывела «мать городов русских» из исторической колени. Город не был уничтожен, но утратил и силу, и вес, и самостоятельность; в 1243 г. ярлык на княжение в Киеве из монгольских рук получил Ярослав Владимирский — отец Александра Невского, признанный в Сарае правителем всех русских земель. Это был сокрушительный апперкот поверженной столице. Южнорусские славяне, в отличие от славян северных, не смогли сориентироваться, сманеврировать, сгруппироваться перед лицом новой угрозы. К началу XIV в. Киев в качестве политического центра Руси уже никого не интересовал. В 1362 г. он перешёл под власть Литвы, потом автоматически вошёл в состав Речи Посполитой, и только в 1654 г. при царе Алексее Михайловиче вернулся к России. Но к тому времени это событие уже имело (не считая территориальных приобретений) скорее символическое значение.

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Когда смотришь на могучую твердыню новгородского кремля-детинца, на мощные краснокирпичные стены, увенчанные «ласточкиными хвостами», на громоздящиеся над кромкой Волхова суровые башни — как-то даже оgorошивает мысль, что эта красота и мощь так ни разу не оказала сопротивления иноземным захватчикам.

Впрочем, вплоть до Смутного времени, когда город без боя ненадолго сдался шведам и был «просвещённой Европой» вчистую разорён, иноземцы сюда просто не доходили. И до тех пор Новгороду (до 1478-го — Господину Великому Новгороду, с 1999-го — просто Великому, уже без «Господина») удавалось благополучно разминуться с войной.

Главным образом причиной тому — успешная стратегия, избранная новгородцами ещё в незапамятные времена (а Великий Новгород — из древнейших русских городов, из тех, чья дата основания теряется в пыли веков; известно, что в XI веке город уже вовсю был, остальное — домыслы и гипотезы). В основе этой стратегии лежало территориальное расширение — желательно, до естественных границ. Огромные и мало-

заселённые просторы Русского Севера тому способствовали. На осваиваемых пространствах выбрасывались вперёд новгородские аванпосты, становившиеся административными центрами государства — центробежная сила уравнивалась с центростремительной. На западе (рубежи рек Шелонь, Ловать, Великая) — Порхов, Луки, Псков; на юге владения Новгорода распространялись до Торжка и Волоколамска; зато на востоке и на севере, где не было столь жёсткой территориальной конкуренции со стороны других русских княжеств или «наших западных партнёров», границы раздвинулись до Уральского хребта и Северного Ледовитого океана. Сохранившиеся до наших дней крепости Корела в Приозерске, Орёшек в Шлиссельбурге, Копорье под Ломоносовым — все бывшие новгородские форпосты.

Вот и получилось, что все войны и неурядицы, которые сотрясали Новгородскую землю, случались где-то на периферии, вдали от сердца огромного государства. Север сражается со шведами, запад — с Ливонским орденом, восток умирят непокорных черемис и зырян, монголы разоряют Торжок, прокатываются по Валдаю, но дальше не идут — разворачиваются по непонятной причине у Игнач-креста... А сердце, Новгород, живёт и развивается — грозные XII–XIV века стали периодом его расцвета. Взгромоздившись на «путь из варяг в греки», город успешно торговал и с западом (Ганза держала здесь свою контору), и с востоком, и со своими братьями-славянами из соседних княжеств. Собственно Великий Новгород — не столько воин, сколько купец. А кремль — символ могущества.

Ещё Новгород называют родиной русской демократии. Это, в общем-то, действительно так, если вам по душе такие формы «демократического волеизъявления», как кулачный бой на мосту через Волхов со сбрасыванием проигравшей стороны в реку... Но это, кроме шуток, не правило, а скорее исключение из него, хотя и нередко имевшее место — когда часть горожан, недовольных решением основного вече на Софийской стороне, собирало своё альтернативное вече на Торговой, у Ярославова дворища. Вообще же, общегородской совет сходился в детинце, у Софийского собора. Вече решало важнейшие вопросы Новгородской республики: занималось внешней политикой и торговлей, судопроизводством, вече же объявляло войну и приглашало или «отправляло в отставку» князя — наёмного менеджера, да, всё верно. Историки до сих пор не могут определиться в однозначной оценке этого института самоуправления — народная демократия или умело маскирующаяся под неё боярская олигархия? Но что сомнений не вызывает — то, что вече серьёзно ограничивало власть князя. Что испытал на себе, например, Александр Невский: в 1240 году он выгнал шведов за пределы Новгородской земли (Невская битва), в том же 1240-м «благодарные горожане» вышвырнули князя, но только затем, чтобы через год призвать вновь — немцы заняли Псков и Копорье, хозяйничали уже в тридцати вестах от Новгорода... В общем, услуги «кризисного менеджера» вновь пришлись ко двору, но об этом позже.

Новгородское вече просуществовало до 1478 года, когда феодальная республика была присоединена к Великому княжеству Московскому.

Тогда крепости пришлось померяться силами не с иноземцами, а со своими же, русскими Иванами. Иваном Васильевичем Третьим «Великим» и Иваном Васильевичем Четвёртым «Грозным». Оба Васильича сыграли в жизни Новгорода роль роковую, а в существовании независимой Новгородской республики — катастрофическую.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

Едва ли найдётся народ, в истории которого не было этапа, когда люди писали послания или составляли документы на древесной коре. На древесине писали и в Индии, и в Южной Америке, и на Тибете, и в Золотой Орде. Да и в латинском языке слова «книга» и «древесный луб» обозначают одним словом — *liber*.

У нас больше всего берестяных грамот нашли в Великом Новгороде. Ещё в начале прошлого века археологам встречались костяные и металлические палочки конца X столетия — их сначала принимали за гвозди. Но перед самой Великой Отечественной войной специалисты пришли к выводу, что это писала — палочки для письма. Вот только самих образцов письменности найти тогда не могли. И вот 26 июля 1951 года беременная женщина, решившая просто подработать на раскопках, вдруг наткнулась на кусок бересты, покрытый буквами. Руководитель раскопок А.В. Арциховский вначале потерял дар речи, а потом воскликнул: «Премия — сто рублей! Я этой находки 20 лет ждал!». С тех пор в Новгороде ежегодно отмечается День берестяной грамоты.

На бересте писали чаще всего бытовые документы, записки и личные письма. Или, в крайнем случае, черновики официальных документов, которые потом попросту выбрасывались. Вообще, в Новгороде большая часть населения была грамотной, умели писать даже женщины и дети. Поэтому грамоты дают прекрасное представление о повседневной жизни новгородцев, об их языке, их межличностных отношениях и их фольклоре.

В 1470 году новгородцы достаточно грубо нарушили условия Яжелбицкого мира с Москвой. Этот договор они вообще не особо жаловали — он сильно подрывал их самостоятельность, в частности, не давал возможности вести независимую внешнюю политику. Итак, в 1470-м, после смерти архиепископа Ионы, новгородцы приняли посланников от Великого княжества Литовского, более того — нового кандидата в архиепископы отправили на утверждение не к московскому митрополиту, а к... киевскому, ходившему тогда «под Литвой». Одновременно наметился союз с дряхлеющей, но всё ещё опасной Ордой. В Москве подобный манёвр расценили как «предательство православия», и в 1471 году новгородское войско было разбито на Шелони. Генеральное сражение решило исход кампании, новгородский посадник Дмитрий Борецкий и многие бояре были казнены, и на семь лет воцарился Коростынский мир, закреплявший положение Новгорода как неотъемлемой части Русской земли, подчинённой Великому князю, но... формально независимой. Дьявол, как говорится, в деталях, и эта «незавершённость», половинчатость договора оставляла пространство для политических интриг. К 1477-му они вылились в раскол — часть бояр, пользуясь поддержкой посадских (то есть налогоплательщиков), требовала безоговорочного присоединения к Москве; другая, большая часть, «державшая» новгородское вече, требовала сохранения статус-кво и отказывалась признавать Ивана III государем. В ходе демократической дискуссии на вече над сторонниками «промосковской партии» учинили физическую расправу, правда, до этого они успели отправить посольство в Москву... Иван Васильевич немедленно отправился на усмирение мятежа. Памятуя крах на Шелони, новгородцы не вышли из города, а подготовились к осаде и, вдохновляемые небезызвестной Марфой Посадницей (матерью Дмитрия Борецкого), попытались вступить в переговоры. Но Иван III понимал, что время полумер прошло — он и слышать не хотел о сохранении в строптивом городе какого-либо посадника или веча. В осаждённом Новгороде начался голод, «промосковские» подняли головы — и в 1478-м горожане сочли за меньшее зло полностью подчиниться Москве.

Иван III не стал учинять массовых казней. Марфу Посадницу постригли в монахини. «Неблагонадёжных» бояр расселили из Новгорода по другим землям Московии. Вечевой колокол увезли в столицу.

Сто лет спустя четвёртый Иван не был столь благодушен. Историки убеждены, что карательный поход на Новгород Грозный устроил, что называется, «на ровном месте», не имея реального повода. Донос некоего бродяги Петра о новгородской «измене» был безоснователен и противоречив, и по здравому разумению следовало, конечно, казнить за клевет самого бродягу, а не тысячи невинных людей. Но... то было время опричнины, было не до здравых разумений. Показательно разорив по пути Клин, Тверь и Торжок (в Твери Малюта Скуратов собственноручно удушил опального митрополита московского Филиппа II, отказавшегося благословить карательную экспедицию), царское войско подошло к Новгороду. 2 января 1570-го город блокировали стрельцы, 6 января явился сам царь, 8 января, после неудачных попыток местного духовенства решить вопрос дипломатией, начались казни.

До сих пор неизвестно, сколько народу погубили опричники в Новгороде. Цифры из синодиков Грозного — две с лишним тысячи человек — откровенно неполны и занижены, по поздним оценкам, погибли от пяти до пятнадцати тысяч. Массовые казни, совершаемые с чудовищной кровавой изобретательностью, разбой и грабежи, а потом ещё голод и эпидемия чумы выкосили город — Волхов был буквально запружен телами, говорили современники. По самым смелым оценкам, террор выкосил до половины городского населения...

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РОССИИ

Памятник «Тысячелетие России» можно смело назвать уникальным. Возведённый в 1862 году, он пережил революцию, не был снесён в угаре борьбы с «приспешниками царизма» и даже «выжил» во время оккупации Новгорода фашистами.

Но обо всём по порядку. В 1857 году, в преддверии тысячелетия призвания на Русь варягов, Кабинет Министров предложил увековечить эту дату в монументе. Проект оценили в полмиллиона рублей. Предполагалось, что памятник сделают на народные пожертвования, но народ жертвовал неохотно — собрали всего 150 тысяч. Остальное добавило государство.

Из полусотни конкурсных работ выбрали проект художника Михаила Микешина. Никогда не занимавшийся скульптурой Микешин пригласил себе в помощники своего друга архитектора Виктора Гартмана.

Проект долго дорабатывался, согласовывался на высочайшем уровне. Александр II лично вносил поправки и предложения, а также утверждал список из 128 политических деятелей, военачальников, дипломатов, художников и писателей, которых надо было запечатлеть в бронзе. В процессе отсеивания не нашлось места адмиралу Ушакову, архитекторам Баженову и Казакову, поэту Тарасу Шевченко.

Памятник заложили в конце мая 1861 года. Его фундамент уходит под землю на 10 метров. Тут же поместили гранитный камень с вмонтированным в него ящиком, который наполнили медалями и монетами, отчеканенными в том же году. Гранитный пьедестал тоже сделали полым внутри.

На изготовление памятника ушло 100 тонн металла. Работы длились больше года, и в сентябре 1862-го монумент открыли. Специально к этому событию Новгород привели в идеальный порядок — дома отремонтировали, улицы заново вымостили, а кроме того, впервые в истории города выпустили путеводители по нему!

После Октябрьской революции сначала решили памятник снести. Но местные власти не пошли на поводу у центра: скульптурную композицию «идеологически закамouflировали» — обшили досками, на которых развесили революционные плакаты, а также соорудили помост-трибуну для проведения коммунистических митингов.

Потом началась Великая Отечественная война, уже в августе 1941 фашисты оказались в Новгороде, и немецкий генерал решил было разобрать памятник, чтобы отправить его в Германию в подарок своему другу. Все фигуры были демонтированы, но вывезти их немцы не успели, заврали только ленту решётки и фонари.

После освобождения Новгорода было решено восстановить памятник в кратчайшие сроки. С тех пор его регулярно реставрируют, причём специалисты время от времени делают удивительные находки. Так, в 90-х годах в полых частях монумента обнаружили лестницу, забытую строителями при монтаже скульптур.

Глава 1. Откуда есть пошла первая столица

Неудивительно, что Ивана Грозного очень не любят в Новгороде. То есть большими буквами — ОЧЕНЬ. Не любят до сих пор, что не лишне помнить гостям города. На памятнике «Тысячелетие России», установленном в 1862 году в кремле, Грозного нет, хотя есть его первая жена Анастасия Захарьина-Юрьева и целых четыре ныне малоизвестных литовских князя — Гедимин, Ольгерд, Витовт и Довмонт.

Коль скоро речь зашла о памятниках... Великий Новгород — это поистине уникальный заповедник средневековой русской архитектуры, недаром его наследие включено в золотой фонд ЮНЕСКО, что называется, в списочном порядке — так и числится: «Исторические памятники Новгорода и окрестностей». Разумеется, с первого взгляда влюбляет в себя кремль — сердце города, а «сердце сердца» — Софийский собор. Преемник Софии Константинопольской, время постройки — 1045–1050 годы, древнейший славянский православный храм на территории нашей страны, с тех пор, как после 1991-го София Киевская осталась на Украине, а София Полоцкая — в Белоруссии. С древнейших времён сохранились величественный, массивный объём храма, фрагменты фресок XII века, уникальный памятник художественного литья — парадный вход в собор, Магдебургские ворота, очевидно, привезённые новгородцами из Европы в качестве трофея. А ещё собор — усыпальница новгородских епископов и архиепископов, многие из которых причислены к лику святых.

На правом берегу Волхова, напротив кремля — Ярославово дворище и Торг. В прошлом — княжеская резиденция, гостиный двор и место собрания «альтернативного веча». Ныне — хорошо сохранившийся уголок старины: семь средневековых храмов на одном пятачке, визуально объединённых построенной у береговой линии аркадой. Она появилась лишь в конце XVIII века, но удачно «вписалась», подчеркнула общность древних соборов. Из приходских храмов Новгорода обязательно нужно увидеть Спаса на Ильине улице (а внутри — уникальные росписи Феофана Грека), древнейшую, XII века церковь Петра и Павла на Синичьей горе, её «тезку» — Петра и Павла в Кожевниках, храмы Спаса на Ковалёве и Спаса на Нередице. И это только самое-самое! А новгородские монастыри? В прежние времена город буквально обрастал ими, они, как и в Москве, играли роль сторожей, взявших Новгород в защитное кольцо. Древний Антониев, основанный в самом начале XII века. Антонием Римлянином — трёхглавый собор этой обители числится среди жемчужин новгородской архитектурной школы; видный Хутынский, где нашёл упокоение великий русский поэт Г.Р. Державин; яркий Вяжицкий, в окрестностях Новгорода; также вдали от городской черты, возрождаемый из небытия Клопский... Опять же, это далеко не всё! Но как не упомянуть ещё одно архитектурное сокровище — Юрьев монастырь, на южной окраине города? Георгиевский собор XII века, тоже трёхглавый — одна из вершин архитектуры не только местной, но и общерусской, без упоминания этого грандиозного сооружения не обходится ни один обзор древнего нашего зодчества! А раз уж прибыли в Юрьев — грех не заехать и в близлежащие Витославицы, посетить один из лучших в России музеев деревянного зодчества, увидеть непарадную, сельскую сторону жизни Новгородской земли... Нет, решительно, Новгород не из тех городов, в которые можно «заглянуть ненадолго». Столицу Русского Севера нужно постигать неспешно, в ритме жизни средневекового города, и вдумчиво, как опытный исследователь.

И оторопь берёт, когда понимаешь, что этого — если не всего, то очень, очень большой части, могло не быть! Что Великая Отечественная война,

гитлеровская оккупация и хищническое разграбление города захватчиками едва не лишили Россию и мир бесценной сокровищницы средневекового искусства! Расхищены были коллекции городского музея; вражеская артиллерия прицельно обстреливала кремль и в особенности золотой купол Софийского собора; в кошмарных руинах лежали Спас на Нередице, Спас на Ковалёве, Никола на Липне и Хутынский монастырь; в разбитых снарядами храмах гибли бесценные фрески. Отступая из Новгорода в январе 1944-го, фашисты вывозили всё, что могли и сжигали то, что оставалось. Освободители пришли на дымящиеся развалины...

...Не все военные раны удалось залечить Новгороду. Что-то погибло безвозвратно, что-то можно было восстановить, да не дошли руки, не хватило денег (или желания, если говорить о новейшем времени, когда деньги есть, да не на то). Но главное восстановлено, и это результат титанического подвига советских реставраторов, архитекторов, искусствоведов. Старинные постройки собирали буквально по камешкам, росписи, какие могли — по лоскуткам краски. Отдадим дань уважения этим великим труженикам, так для нас, потомков, незаметно сделавшим немислимо великое дело — возродившим к жизни историю.

ДОМ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Не родился ещё, наверное, такой человек, который, приехав в Псков и решив поближе познакомиться с историей этого города, избежал бы неизбежной «псковской инициации»: ему обязательно или расскажут, или дадут прочитать известное стихотворение уроженца города А.Н. Яхонтова. И вновь начнутся:

Меч тяжёлый Гавриила,
Пятиглавый наш собор,
Князя Довмонта могила,
Запах древности, простор,
Чудотворные иконы,
Стены старого Кремля,
Башня, славная в дни оны
Чудной силой обороны
От Батура короля...

Мало кто честно упоминает, что стихотворение вообще-то сатирическое, есть там и такие строки: «Клуб — должник неисправимый, члены — клубу должники, мир и сон неодолимый, немцы всюду, кабаки»...

Отметим всё же, что Яхонтов, иронизируя над современными ему (XIX в.) городскими реалиями, всё же отдавал должное великому прошлому.

Псков — город с неповторимым и легко узнаваемым лицом. Крепость, отражающиеся в неторопливых водах реки Великой башни, маковки одноглавых церквей с их характерными звонницами-«стеночками» — побывавший в Пскове однажды запомнит его на всю жизнь. Сами жители к этому суровому величию привычны: магические для уха приезжих слова «Кром», «Окольный город», «Завеличье», «Запсковье» — всего лишь названия главных исторически сложившихся районов. В новое время к ним прибавилось ещё и оригинальное «Завокзалье»: чисто псковская изюминка, странно-звучная смесь нового и былинного.

Глава 1. Откуда есть пошла первая столица

Впервые город упоминается в летописях в 903 году, когда, согласно «Повести временных лет», первому князю из династии Рюриковичей Игорю «привели жену из Пскова именем Ольгу». То есть город уже был, но почему-то псковичи почитают Ольгу как основательницу. Наверное, потому, что она заложила главный храм Пскова — Троицкий. По легенде, как-то княгиня увидела знамение — три луча света ударили в землю на противоположном берегу Великой. На том месте и поставили собор...

Существует ещё одна легенда — о том, что Игорь встретил будущую жену во время охоты, на переправе под Псковом. Князь влюбился, но Ольга «дала ему от ворот поворот», что Игоря, впрочем, только раззадорило. В результате Ольга всё же стала его женой. А когда в 945 году князя убили древляне, править пришлось княгине, ведь их сыну Святославу было всего три года. Летописи рассказывают, как княгиня жестоко отомстила древлянам: первое их посольство сбросила в яму и приказала закопать живьём, второе — сожгла в бане, а потом устроила бойню в древлянской столице...

Несмотря на нелицеприятные летописные подробности, в глазах Церкви Ольга стала святой, поскольку ещё до крещения Руси князем Владимиром приняла православие. Для этого она специально отправилась в Константинополь. В середине XVI века Церковь причисляет Ольгу к лику святых равноапостольных — такой чести за всю историю удостоились ещё только пять женщин.

В 2003 году, к 1100-летию Пскова, в городе появилось сразу два памятника Ольге. Первый — скульптора Вячеслава Клыкова — изображает княгиню мудрой правительницей и бабушкой крестителя Руси, Владимира Святого. Второй подарил городу Зураб Церетели: горожане шутят, что строгая молодая женщина в шлеме, со щитом и мечом — это кто угодно, царица Тамара, Родина-мать, но только не Ольга. Говорят, что Церетели сначала и валял именно Тамару, намереваясь подарить её родному Тбилиси, но что-то не сложилось, и пришлось «переделять»...

Издrevле псковичи были гордыми, вольнолюбивыми людьми. Как и в Новгороде, здесь существовала вечевая республика — на общем собрании решали насущные проблемы вплоть до избрания князей. В Древнерусском государстве Псковская земля стояла особняком, признавая верховенство Киева по сути лишь формально; в XII веке Псков попал под власть Новгорода, однако продолжил настойчиво проводить самостоятельную политику.

В сложной игре на противоречиях между Новгородом и западными соседями имелись свои выгоды, однако не меньшими были и риски. В Прибалтике утвердились рыцари Ливонского Ордена, грезившие о крестовом походе на восток. Беда пришла в 1240 году; немцы взяли псковский форпост — Изборск и осадили сам город. Крепость какое-то время держалась, пока боярин Твердила не отворил врагу городские ворота... Впрочем, долго хозяйничать в русской крепости ливонцам не дали. В 1242 году дружины Александра Невского освободили город. К немцам подошли резервы, к русским — подкрепления из Владимира и Суздаля, и 5 апреля 1242 года армии сошлись на Чудском озере у мыса Сиговец. Началась битва, вошедшая в историю как Ледовое побоище.

Об этом сражении мы знаем больше легенд, чем фактов. Похоже, что даже знаменитая сцена с проваливанием «псов-рыцарей» в воду — художественный вымысел. Невский не мог использовать «преимущество тонкого льда» хотя бы потому, что вес русского конного дружинника в полном облачении не сильно уступал весу закованного в латы «риттера». Точно не известно и соотношение сторон; указывают примерно 15 тысяч русских

против 10 тысяч немцев и их союзников. Популярный ныне миф о «чудовищных потерях русских при двадцати убитых немецких рыцарях» не более чем профанация: ливонцы действительно признали потерю двадцати братьев Ордена, но только их они и учитывали — потери простых воинов, наёмников и союзников из числа «чуди» никто не считал. Так или иначе, ливонцы безоговорочно признали поражение и отказались (хоть и ненадолго) от претензий на русские земли.

Александр Невскому словно от рождения была уготована судьба великого политика. Он был праправнуком Владимира Мономаха, правнуком Юрия Долгорукого и внуком Всеволода Большое Гнездо. А его отец на момент рождения своего второго сына княжил в Переславле-Залесском. Сам же Александр княжеский престол занял в 16 лет — ему достался Новгород.

Для Руси то было непростое время. Междоусобицы внутри, монголо-татары с востока и католический Ливонский орден с Запада. Шведские войска в 1240 году угрожали Новгороду, поднимаясь по Неве к устью Ижоры. Двадцатилетний князь не стал ждать, пока соберутся ополченцы или придёт подкрепление из других городов. Вместо этого он внезапно напал на врага. Бой был стремительным и успешным, он принёс новгородцам славу, а Александру — прозвание Невского. В 1242 году князю пришлось вытеснить ливонцев за Чудское озеро. Именно тогда произошло Ледовое побоище. В знаменитом фильме С.М. Эйзенштейна оно показано эпохальной битвой, хотя на самом деле таковой не являлось, однако же позволило переломить ситуацию не в пользу Запада.

А дальше Александр Невский сделал ставку на Восток. С представителями Золотой Орды договориться было легче: они, хотя и требовали уплаты дани (что вызывало недовольство в русских землях), были веротерпимы, в отличие от Ливонского ордена, который спал и видел, как бы сделать Русь отдалённой католической провинцией. Для Александра Невского же сохранение христианства и русских традиций играло огромную роль. Благодаря умной политике, которую Александр проводил в отношениях с ханами, он вскоре получил титул Великого князя Киевского и Владимирского.

Вклад Александра Невского в становление и сохранение государственности и национальной идентичности признавали не только в дореволюционной России. Его, давно причисленного к лику святых, не исключили из списка народных героев и после Октябрьской революции.

Так что Александр Невский по сей день является небесным защитником России от внешних врагов и покровителем нашего воинства.

Победа укрепила Псков. В середине XIII века новгородцы признали независимость псковитян — пример «национального самоопределения», свершившегося бескровно! Псковским правителем тогда был Довмонт; его княжением начался «золотой век» города. Литовец по происхождению, с родины бежал из-за междоусобных войн. Решил поселиться в Пскове, чтобы набраться сил для дальнейшей борьбы на родине, но принял православную веру, и вскоре местные жители избрали его своим князем.

Довмонт правил с 1266 года по 1299-й. В летописях о нём писали как о доблестном и честном воине. Он несколько раз успешно отражал нападения противника, для укрепления обороноспособности повелел пристроить к Крому с юга дополнительную каменную стену, которая до сих пор носит имя Довмонтова города.

В 1510 году Псков «добровольно-принудительно», но всё же бескровно присоединился к Московскому государству.

Свою самую знаменитую осаду крепости пришлось держать в Ливонскую войну. Это была славная страница той в целом неудачной для русских кампании. В 1581 году к городу подошли войска польского короля Стефана Батория. Осада продолжалась полгода; за это время польско-литовские силы предприняли несколько штурмов. В ходе первого (8 сентября) атакующим удалось ворваться в Покровскую башню; но в тот же день защитники горо-

Глава 1. Откуда есть пошла первая столица

да отбили её рукопашной контратакой. Спустя полтора месяца, 24 октября, неприятель атаковал всё ту же Покровскую башню, разрушив прясло стены (знаменитый Баториев пролом). Однако ворваться в город нападающие не смогли — оказалось, что за крепостной стеной псковичи успели воздвигнуть деревянный частокол, преодолеть который поляки уже не смогли. Последний штурм, 2 ноября, русские остановили артиллерийским огнём...

Героическая оборона Пскова заставила польского короля пойти на мировую. И хотя условия Ям-Запольского договора 1582 года трудно было назвать благоприятными для России (она отказывалась от своих владений в Прибалтике и Белоруссии), захваченные псковские земли — Опочку, Великие Луки, Порхов, Себеж — поляки возвращали Москве. И в этом велика заслуга псковичей, грудью вставших на защиту родной земли.

Мирная жизнь пришла не скоро. Псков достойно выдерживал вражеские осады и в Смуту, и в Северную войну 1700–1721 годов. Зато потом мир установился на целых два столетия: и Отечественная война 1812-го, и «Вторая Отечественная» (так современники называли Первую Мировую войну) обошли Псков стороной. А 2 марта 1917 года в императорском поезде, остановленном на станции Псков (вовсе не на станции Дно), подписал отречение последний русский самодержец — Николай II.

В XX веке Псков дважды был под немцами. В первый раз его заняли войска кайзеровской Германии. Вторая оккупация была куда страшней — фашисты удерживали Псков три года, с 9 июля 1941-го по 23 июля 1944-го. Эвакуировать всех жителей не успели, когда в город вошли враги, там оставалось 12 тысяч гражданских. Около трети из них погибли. К моменту освобождения город лежал в руинах. Залечивать раны Пскову пришлось не один год.

Именно в советское время была частично восстановлена Псковская крепость. В древние времена она считалась одной из лучших на Руси. Четыре пояса каменных стен общей длиной девять километров, сорок башен. Соразмерна только смоленская крепость, также защищавшая опасное западное направление... Сердцем крепости был кремль — Кром. И немногие из гостей города догадываются, что это величественное сооружение — скорее живой монумент советским реставраторам, нежели памятник средневекового зодчества. Разбирать аутентичную крепость начали ещё в XVIII столетии, к началу XX века руинированные стены Крома стояли максимум на треть от своей прежней высоты...

Сейчас «Псковским кремлем» называют как собственно Кром, так и прилегающий к нему Довмонтов город — вторую линию обороны. Третья — «Средний город» — не сохранилась. Четвёртая — Окольный город, охватывающая целиком нынешний исторический центр и продолжающаяся в Запсковье, районе города за рекой Псковой.

В центре Крома возвышается огромный красавец храм — Троицкий собор. Стоит на том самом месте, где, по преданию, построила свой деревянный храм Ольга. Нынешний собор был возведён в 1682–1699 годах. Даже сейчас его замечаешь издалека. А ещё лет сто назад золотой верх собора был виден из любой точки малоэтажного города! Издревле Троица была небесным покровителем и духовным символом Пскова. Благодарный город, в свою очередь, называл себя Домом Святой Троицы.

В иконостасе собора семь ярусов. Подобных в России немного (традиционно устанавливали в пять ярусов). Семиярусные есть ещё в Большом соборе Донского монастыря в Москве, Успенском соборе Рязани и Введенском храме Сольвычегодска.

За пределами кремля тоже много интересного. К сожалению, война сильно порушила Псков, поэтому рядов старой застройки здесь не увидишь — к жизни его возрождали советские градостроители. С другой стороны, согласно их концепции, историческую часть застраивали малоэтажными домами, что позволило максимально сохранить среду, сакцентировать внимание на уникальных храмах. А церквей в Пскове до наших дней дошло около пятидесяти! Особенно интересны церковь Николы со Усохи, Василия на Горке, Успения от Пролома (все три — XVI в.), и ещё более древние Архангельская с Городца и Георгия со Взвоза.

Отдельно остановимся у «Баториева пролома» — в юго-западном углу крепости. Святое место, покрывшее себя славой в Ливонскую войну, отмечено самой мощной в городе (и одной из мощнейших во всей Европе) башней — Покровской; диаметр её шатра у основания — 25 метров. Из-за могучей стены выглядят маленькие главки близняшек-церквей Покрова и Рождества от Пролома. Отсюда открывается прекрасный вид через реку Великую, на Завеличье и Мирожский монастырь, основанный в XII веке. Его главная достопримечательность — обязательно нужно видеть! — фрески XII века. Росписи удивительно хорошо сохранились — аналога им нигде в России больше нет. Правда, в XVII веке фрески забелили, но именно это спасло их от превратностей погоды. За восстановление росписей взялись было в конце XIX века, да чуть не испортили. Увидели, что краска местами потерлась, а некоторые фрагменты сбиты — ну и прислали по указу Синода неких владимирских «мастеров» из доморощенных грамотеев. Те сначала промыли фрески, что, конечно, не пошло им на пользу, а в довершение ещё и «домазали лишнее» масляной краской. Реально восстанавливать уникальные росписи начали только в 1930-е годы.

Живописнейшим уголком Запсковья по праву считается Гремячая гора. На крутом берегу Псковы возвышается стройный цилиндр Гремячей башни, серый известняк которой оттеняет и оживляет белоснежная церковка Козьмы и Дамиана.

А ещё немного в России найдётся городов, в которых сохранилось бы столько палат XVII века! Ценителям архитектуры широко известны солодежня и дом Печенко, палаты Меншиковых и двор Подзноевых... Знаменитые Поганкины палаты — один из символов города и центров его культурной жизни. Псковский историко-художественный и архитектурный музей собрал здесь бесценные коллекции икон XIV–XVII веков — самобытная псковская иконопись не имеет аналогов в древнерусском искусстве. Отдельные экспозиции посвящены художественному серебру и декоративно-прикладному искусству. А изначально палаты принадлежали купцу Сергею Поганкину. Был он крайне состоятелен, торговал льном, салом, пенькой и кожей не только с русскими городами, но и с зарубежными. О происхождении неблагозвучной фамилии купца ходят две легенды. Согласно одной, когда Иван Грозный обложил псковичей очередными поборами, предок купца якобы осведомился у царя, сколько же именно он хочет, на что Грозный воскликнул что-то вроде: «Ах, ты поганый, да разве ты можешь дать столько, сколько я захочу?». Остроумно, но едва ли исторически верно; по другой версии, Поганкиных прозвали так за то, что они вели не совсем честную торговлю.

Прогулка по Пскову будет неполной, если не отъехать от города немного на север. На горе Соколиха в 1993 году был открыт огромный монумент в память Ледового побоища (скульптор И. Козловский, архитектор П. Бутенко).

Центральная фигура — Александр Невский изображён вполоборота, конь его как бы направляется к месту грядущей битвы, а сам князь при этом оглядывается на Псков, на русскую землю. Невского окружают фигуры воинов, горожан, крестьян — это памятник не только князю, но и всему народу.

ПОЭЗИЯ ЖЕЛЕЗНОГО ГОРОДА

Изборск... Ныне село, а давным-давно — пригород Пскова. Удивительно русский и по-русски многослойный городок. Взобравшиеся на вершину холма белые грибы древних башен спокойно взирают на творящуюся под ногами суету: здесь всегда много туристов, кажется, тесновато всем желающим, особенно в «высокий сезон». Невелик Изборск! А когда-то ведь был одной из самых важных пограничных крепостей. Правда, не всегда располагался там, где сейчас, на Жеравьей горе: изначально крепость построили чуть поодаль, на городище, которое по несправедливому историческому недоразумению называется ныне Труворовым.

Вот где «отметился» второй варяг, легендарный, в отличие от исторического Рюрика! Народной молве факты не указ — стал Трувор одной из местных достопримечательностей. Стоит ли удивляться, что самый большой каменный крест на городище тоже называли Труворовым? Нелепица, конечно, невероятная, трудно представить, что задолго до Крещения Руси варяжский язычник (существуй он в самом деле) возжелал бы быть погребенным по христианскому обычаю. Да и крест помоложе будет, век XV-тый. Но опять-таки — традиция! Трувор так Трувор, тем более что сама матушка Екатерина на памятной в честь городка медали велела отчеканить — «Трувор скончался в Изборске в 864 году». Жаль только, что к юбилею Изборска с крестом перехимичили — отполировали так, что он выглядит не тысячелетним и даже не пятисотлетним, а каким-то современным, из евроматериалов. Остаётся надеяться, что время и погода возьмут своё обратно.

На деле же крепость на Труворовом городище, о которой упоминается с IX века, основал князь Словен, в нарекли её логично Словенском (существующее название город обрёл позже в честь правнука Словена — Избора). Кстати, именно эта крепость, а вовсе не нынешняя, была взята немцами «псами-рыцарями» во время их похода на Псков.

Шло время, город разрастался и вскоре уже не мог поместиться на небольшом мысе. В 1303 году Изборск перенесли на Жеравью, то есть Журавлиную гору. А противников у Руси меньше не делалось! Опасность исходила от немцев, литовцев, поляков, шведов... И на их пути вставал Изборск. Предусмотрительные горожане создали в нём внушительные запасы оружия и продовольствия. Вот только вопрос с питьевой водой стоял ребром — крепость располагалась на горе, а источники — под ней. Поэтому жители прокопали секретный подземный ход, ведущий к колодцу. Много раз он выручал изборян, но однажды, когда город в очередной раз осаждали враги, по чьему-то предательскому наущению они перекрыли подходы к водному тайнику. И «стояша под Изборском десять дней и воду отъяша от изборян... И мало не взяша его». Но даром, что ли, Изборск нарекли железным городом? Причём сами же неприятели нарекли, поражённые стойкостью твердыни. Выстоял форпост, не пал. И «отъидоша прочь» враг. Изборяне сочли это заступничеством Николая Чудотворца — покровителя города, в честь

этого святого в крепости стоит древний храм. Сколько легенд сохранилось о «местных» чудесах Николы! Одна из самых любимых здесь — о том, как во время очередной осады горожане хотели у Пскова попросить подмогу. И для этого отправили туда... целую башню вместе со звонарем. Причём по воздуху — город-то окружён был. Башня летела, а звонарь в сполошный колокол бил. Псковичи прислали войска, сняли осаду, а башню себе оставили, Гремячей с тех пор называют. Мы её в Пскове уже видели, правда, легенды там о ней рассказывают свои.

Брали Изборскую крепость лишь дважды — первый раз «случайно», в результате «изборской измены»: двое предателей, ряженые в опричников Ивана Грозного, именем царя приказали открыть ворота и впустили в город «литву». Потом Иван Васильевич жестоко расправился с виновными. Чуть позже в крепостных стенах успел «отметиться» Стефан Баторий. Впрочем, не долго «гостил» — обломал зубы о Псков...

...Обойдём изборскую твердыню кругом. Она невелика, башни коренастые, не то чтобы очень высокие, но за счёт положения на горе крепость кажется выше и мощнее. Если смотреть снизу, из долины, и вовсе мнится: плывёт град Изборск где-то между небом и землей — не крепость, а какой-то воздушный Китеж. Путь наш начинается от Никольского захабя, названного по главному крепостному храму. Это не оговорка, не «городскому», а именно «крепостному» — ведь вплотную приставленный к захабу крепкий собор был очень даже боевым: мог при необходимости выполнять роль дополнительной дозорной вышки, а его древняя звонница (не сохранилась) была взгромождена прямо на соседнюю Колокольную башню. Могла и на молитву позвать, и, если надо, в набат ударить. Мощный набатный колокол слышали в самом Пскове. Не на пустом месте возникают легенды о летающих звонарях!

А какие имена у изборских башенок! Такой древностью веет, интуитивно родной и в то же время уже глубоко экзотичной. Вышка... Рябиновка... Темнушка... Три башни-сестрицы защищают самое опасное направление — западную, «приступную» стену. А на стене — кресты, как скрепы. Поодаль, у обрыва, — четырёхгранная Талавская, единственная из изборских башен, которая не круглая. Трогательная Луковка, ещё одна башня-оригиналка, расположена внутри городской стены, запахнулась в неё, как в полукружие каменной шали. Отчего? Ведь древние зодчие стремились подальше вынести башни за линию стен, чтобы кинжалить огнём противника, подобравшегося вплотную, не дать ему подкопаться, заложить подрывной заряд. Необычному решению Луковки есть объяснение: прежде всего это самая древняя башня Изборска, строили её каменной уже тогда, когда всё остальное было ещё из дерева. А при перестройке крепости Луковку «обтекли» стенами из местного камня — известняка. Во-вторых (и в главных), в нижних этажах этой башни располагалось такое специфическое заведение, как пороховые склады. Изборяне прекрасно понимали: ухни в «погребя зеленые» какой-нибудь особо точно выпущенный вражий боезаряд — и крепость, и её обитателей мигом разберёт на составные части и раскидает по округе аж до Мальской долины. Так что дополнительное укрепление в виде опоясывающей башню стены, безусловно, имело смысл.

Сейчас на Луковке смотровая площадка. Как хорош вид с неё на крепость и её окрестности! Твердыня вся как на ладони, прямо у ног — бело-снежный, с зелёной кровлей Никольский собор. Слева раскинулось селе-

ние Старый Изборск, над деревьями и домиками возвышаются маячки маковки церквей: поближе — Сергия и Никандра, подальше — Рождества Богородицы. Ещё дальше — чуть всхолмленная долина, траченная болотами и подшитая по краям перелесками. Справа расстилается гладь Городищенского озера. Что это за цепочка людей тянется к нему вниз по склону от подножия Талавской башни? Пойдём и мы вслед за ними. Дорога недолга, всё под горку да под горку, а у подошвы холма попадаем в удивительное место. Крутой обрыв скалы, и прямо из него, из расселин известняка, бьют струи воды. Это знаменитые Словенские ключи.

Издавна стали они одним из символов Изборска. 12 источников бьют здесь более тысячи лет, хотя впервые упомянули о них лишь в XVII веке. Каждую секунду выбрасывают они на поверхность по три с половиной литра чистой воды: она очищается естественным образом, проходя через слои известняка. Благодаря постоянной температуре около восьми градусов ключи не замерзают даже в лютые морозы, они бьют из-под земли круглый год и сливаются в «Реку Жизни». А там, где эта «река» впадает в Городищенское озеро, зимой образуется полынья, в которой греются утки и лебеди.

Люди издавна наделяют Словенские ключи особой силой — даровать любовь, удачу, богатство... Надо лишь испить воды из соответствующего источника. Жаль, никто теперь достоверно не знает, какой из родников за что «отвечает». Так что, беря у ключей святую воду, надо внимательно слушать интуицию, ведь точно известно, что один из них называется в народе «Девичьи слёзы».

РОДИНА НЕБЕСНОГО ЗАСТУПНИКА

Коль скоро речь зашла об Александре Невском, несправедливо было бы обойти вниманием и его родной город — Переславль-Залесский. Он, может, и не вписал яркой страницы в боевую летопись, и выглядит сугубо мирным городком — однако ж тут и тысячелетняя история, и Золотое кольцо, и красоты на любой вкус — от белокаменного зодчества до Плещеева озера с его рыбаками и кайтерами. И вообще, место удивительное, с дивной энергетикой.

Не так давно об этом тихом уголке без тени улыбки говорили: «Переславль-городок — Москвы уголок». А ещё раньше — больше того: «Переславль — Москве старший брат». Полно! Не ирония ли? А вот и нет. Дело было так.

Переславль на его нынешнем месте основал в 1152 году Юрий Долгорукий, однако город здесь был и до него. Доказательство тому — валы древнего Клещина, ныне утратившего и статус, и имя — это село Городище к северу от Переславля. Не до конца ясно, что подвигло Долгорукого перенести город на пять километров южнее. Возможно, непокладистость клещинского населения — этнических меря, идолопоклонников, пляшущих на «Ярильной плеши» и поклоняющихся Синему камню. И то, и другое сохранилось, только на «плеши» — лысой Александровой горе — вбили крест в память об утраченном в смуту монастыре, и языческое капище запечатали православной святыней. А Синему камню по сию пору символические подношения приносят. Надо полагать, те же люди, что час назад свечку в храме ставили.

ТАИНСТВЕННЫЙ СИНИЙ КАМЕНЬ

Синего камня с дороги не видно, но мимо не проедешь — указатели и ряды вездесущих лотошников не дадут заблудиться. Торговцы сувенирами вдоль тропинки предлагают, помимо традиционных магнитов и чашек, ленточки (чтобы завязать на ветке, загадав желание) и стеклянные шарики (чтобы положить на камень и «зарядить» шарик на счастье и удачу). В последнее время среди безделушек появились даже «фрагменты Синего камня». Сразу заметим — это стопроцентная фальшивка: во-первых, если бы от камня действительно отколуывали кусочки в таких «промышленных» масштабах, от него уже не осталось бы ничего. А во-вторых, ни для кого не секрет, что Синий камень не прощает попыток себя дефрагментировать.

С виду он никакой не синий, а скорее серый. Правда, говорят, что по утрам, когда выпадает роса, или после дождя — действительно синееет. Всё дело в том, что с минералогической точки зрения он — мелкозернистый кварцевый биотитовый сланец. Свет, отражённый от влажных «зерен» и придаёт синий оттенок.

Пусть не вводит в заблуждение то, что камень очень низкий — едва достаёт до колен. Весит он предположительно тонн двенадцать, и менее полувека назад был высотой в человеческий рост! Просто он регулярно «закапывается» в землю, а потом «вылезает» наружу снова. А ещё Синий камень никогда не бывает покрыт снегом — тает тот на нём моментально.

Так откуда же он появился в этих местах, загадочный синий камень?

Примерно 30 тысяч лет назад здесь находился ледник. От тех времён остались озера, волота, холмы — и валуны. Синий камень — как раз из таких. Первые поселившиеся в этих краях люди обожествили огромный валун — ведь гор в окрестностях не было, значит, камень явно не простой, а магический, иначе откуда ему здесь взяться? Вот и решили, что в камне живёт некий дух — покровитель этих мест. Когда на смену всем языческим верованиям пришло христианство, камень, которому поклонялись «несознательные горожане», был объявлен демоном. Сначала решили пойти по пути наименьшего сопротивления — попросту закопать неудобный булыжник. Однако тот непостижимым образом вновь показался на поверхности. В конце XVIII века Синий камень решили заложить под фундамент церкви, вынули из земли и повезли по льду Плещеева озера. Естественно, лёд не выдержал, камень оказался на дне, откуда через шестьдесят лет снова «выполз» и остался на берегу — там, где находится по сей день. Правда, «выходу» вполне можно дать и научное объяснение: движение льдов, снижение уровня воды в Плещеевом озере.

Юрию Долгорукому язычество было не по душе, и в новом городе он первым делом стал строить Спасо-Преображенский собор. Не успел — строительство заканчивал его сын, Андрей Боголюбский в 1157 году. Практически первозданная сохранность этого красавца, оспаривающего у знаменитой церкви в Кидекше право считаться самым ранним владими́ро-суздальским белокаменным храмом — настоящее чудо. Ну нету другого такого во всем Ярославском Поволжье! А Переславль — поволжский город, хоть это и не очевидно — Плещеево озеро соединяется речушкой Вёксой через Сомино озеро с Нерлью Волжской. Хотя к Ярославлю город никогда исторически не тяготел. К Владимиру — да, к Москве... а в Ярославскую область его только в XX веке включили. Просто так.

В древние времена вплотную к Преображенскому собору примыкали княжеские хоромы, в которых то ли в 1220, то ли в 1221 году родился Александр Невский. Не совсем там, где сейчас стоит памятник полководцу — бюст поставили по центру Красной площади, но это очень удачное место, да и автор памятника, советский скульптор Сергей Орлов, изваявший уже к тому времени и Юрия Долгорукова у Моссовета — Переславлю пришёлся, что называется, «в тему».

Ещё одна архитектурная жемчужина — стоящая несколько в стороне, не привлекающая праздного взгляда церковь Петра Митрополита. Шатровый храм XVI века, не имеющий аналогов в русском зодчестве. Строителям его удалось создать нечто совершенно особенное по пропорциям и формам.

Глава 1. Откуда есть пошла первая столица

И очень «камерное», душевное по размерам. Советские реставраторы вернули церкви облик, близкий к первоначальному, убрав в первую очередь вызывающе-лиловую окраску стен — «художество» конца XIX века. Деликатную колокольню 1820-х годов, впрочем, оставили.

Поразительно, но состояние самого, наверное, красивого храма города до сих пор плачевное, ремонт — вялотекущий.

Валы, закольцевавшие сердце древнего Переславля — отдельная поэма инженерного искусства. Оплывшие со временем, они и сейчас поражают высотой — а в средние века они, с установленной сверху деревянной крепостью, полностью закрывали Преображенский собор! Двухкилометровый вал со всех сторон окружала вода — река Трубеж и засыпанные позже речонка Мурмаж и ров с пугающим названием Гробля. Мощной крепостью был Переславль, хотя изощрённые монголо-татары разорили его целых шесть раз.

С 1175 по 1302 год город был центром княжества, до монгольского нашествия включавшего и Тверь. Москве оно перешло, что называется, «без единого выстрела» — умерший в 1302 году переславский князь Иван Дмитриевич был бездетен и, по указанию летописца, завещал княжество своему дяде — Даниилу Московскому. В тех реалиях это был щедрый подарок «захолустному» правителю, получившему во владение крупный и знатный город, мощный в военном, торговом и культурном плане. На некоторое время Переславль даже оказался в эпицентре вооружённого соперничества Москвы и Твери! Да и потом долгое время считался де-факто «второй столицей» московского княжества. Вот и получается, действительно — Москве старший брат.

Особый статус города подкреплялся... гастрономически. Кулинарная звезда Переславля — копчёная ряпушка, реликтовая пресноводная сельдь, те самые рыбки, удостоенные чести красоваться на городском гербе. «Царская селедка» была не простой рыбой, а ритуальной — её подавали под занавес пира в честь коронации нового московского правителя. Ряпушка, сделавшая переславцев «государевыми рыбаками», теоретически водится в Плещеевом озере и сейчас, но практически стала сугубой редкостью. Ещё в XIX веке знаменитый писатель-славянофил Иван Аксаков сетовал: «В Переславле нет ни одной переславской селедки». Что уж говорить про наш экологически безрассудный XXI век?

Зато Переславль покоряет богатством архитектуры. Шесть монастырских комплексов — что называется, на любой вкус. Восстановленный из руин Никитский монастырь, где подвизался раскаявшийся мздоимец, столпник Никита — настоящая крепость, надёжный северный страж города. Скромный, самодостаточный Троице-Данилов, подкупающий аскетичностью средневековых форм при лёгком изяществе декора. Яркий Горицкий, с его сочной пластикой и выразительной игрой форм, царящих над безбрежной гладью озера. Монументальный Фёдоровский, некогда — богатейший в городе, ныне — более всего нуждающийся в помощи (это его собор был заложен по приказу Ивана Грозного в честь рождения сына Фёдора — последнего царствовавшего Рюриковича; место, где царица разрешилась родами, отмечено знаменитой часовней «Крест»). «Весёленький» Сретенский монастырь, недействующий, в кольце валов — эмоциональным барочным всплеском оттеняющий строгость Преображенского собора. Вот Никольскому монастырю, правда, сильно не повезло — в XX веке он лишился главного храма и колокольни, которые уже в наши дни заменили на нечто, по замыслу призванное намекать на древнерусское зодчество, но выглядящее для этого уж слишком «евроремонтно». И так бывает — красивые сами

по себе собор и звонница выпали из контекста города, внесли фальшивую ноту в гармонию его панорамы. Остаётся ждать, когда время внесёт свои правки и сотрёт с ансамбля слишком уж явные черты «новодела».

Трудно рассказывать о Переславле вкратце, как невозможно окинуть этот город «беглым взглядом» — по-хорошему, внимательно осмотреть его за день не получится, или это должен быть очень уж длинный световой день. Тут ведь не только архитектура. В последние годы город охватил настоящий бум маленьких частных музейчиков разной степени «исторической ценности» — от довольно познавательных собраний до, в общем-то, бессистемных коллекций «рухляди», обеспечивающей, однако же, весёлое времяпрепровождение. Недавно открылся музей Александра Невского... Можно заехать в дом к сказочным берендеям, узнать, насколько они сказочные: это ведь только в Костроме бают, что берендеи — лесные колдуны и медвежьи дети, в Переславле знают, что настоящих берендеев — древних кочевников юга — поселил на этих землях всё тот же Юрий Долгорукий, союзничавший с южным племенем... Обязательно стоит заглянуть в приветливый и ухоженный дендрологический сад, созданный в 1952 году заслуженным лесоводом Сергеем Харитоновым. А в окрестностях города, в селе Брынчаги — родина конструктора Михаила Кошкина, давшего «путёвку в жизнь» знаменитому танку Т-34... Ну и места вокруг — сказочные, какие трудно найти даже в нашей щедрой на спокойную лирическую красоту средней полосе: леса на юге — поля на севере, загадочная Александрова гора и устье Трубежа, отмеченное феерическим маяком Сорокосвятской церкви, поставленной у самой кромки воды — словно храм вырастает из озера. Ну и, конечно, само озеро, вдохновлявшее и писателей, и государственных деятелей, и Пришвина, и Петра Великого... Летом над ним кружат воздушные шары — в Переславле проводятся фестивали воздухоплавания. Зимой — заледенелая белая гладь. И во все времена года — жизнь и душа Переславля. И где-то там, под водой, прячется ставшая почти мифической ряпушка...

ДЕДУШКА РУССКОГО ФЛОТА

Между прочим, Переславль вполне может побороться за звание «колыбели русского флота». Здесь можно побывать в тех местах, где 300 лет назад строились первые петровские корабли. И пусть тогда они именовались потешными, строили их на совесть.

Плещеево озеро приглянулось Петру, когда он не был ещё ни Великим, ни реформатором, ни даже основателем Петербурга — в последней декаде XVII века. У села Веськово, на горе поставили деревянный дворец, а ниже, на самом берегу Плещеева, возвели вполне настоящие верфи, собрали мастеров, соорудили для них жильё. От рассвета до заката здесь постигались премудрости судостроения — и всего через несколько месяцев на воду были спущены яхты, фрегаты, галеры. Самый большой корабль назывался «Марс», по его бортам разместились 30 орудий. Торжественные смотрины и манёвры продолжались до конца лета 1692 года, а потом Пётр отправился в Архангельск: закладывать уже не учебную — настоящую морскую верфь. И хотя, уезжая из Переславля, царь распорядился веречь его потешный флот, подданные вскоре забыли о нём. И когда через двадцать лет Пётр I вновь побывал в этих местах и увидел полуразрушенные корабли, говорят, очень разозлился. Из-под его пера тогда вышел указ, который многие называют одним из первых указов об охране исторических памятников: «Воеводамнадлежитъ беречь остатки кораблейъ а буде опустите, взыскано будет на вас и на потомкахъ вашихъ». Решено было корабли перевезти в город. Для небольших соорудили навесы, более крупные поставили в «Большой Песощнице» (так называется клочок земли между валами переславского кремля и левым берегом Трубежа). Впрочем, как у нас часто бывает, этим и ограничились, вскоре снова забыв о кораблях. Остатки потешной флотилии продолжали ветшать ещё полвека, пока не погибли в пожаре 1783 года. Чудом уцелел лишь один бот — «Фортүна», название оказалось «везучее». По одной из версий, жители Веськова, желая сохранить память о Петре, не отдали в Переславль этот сделанный, вероятно, руками самого царя корабль.

«Фортуна» и положила, в итоге, начало музею. Специально для неё в Велькове построили каменный павильон. В нём, помимо самого бота, можно увидеть корабельные снасти, котёл для варки смолы, часовой механизм из царского дворца. В середине XIX века переславское дворянство выкупило землю вместе с павильоном у частного владельца. Рядом появился обелиск-памятник первому русскому императору, домик охраны, «Белый дворец», в котором устраивали торжественные вечера и приёмы. В середине XIX века музей-усадеба «Ботик Петра I» приобрела тот обелиск, в котором она дошла до наших дней. После революции удалось избежать разорения и усадьбы, и экспозиций — всё благодаря своевременному подтверждению музейного статуса в 1919 году.

ЗАГАДОЧНОЕ БЕЛОЗЕРЬЕ

Из трёх легендарно-мифических варягов нам осталось отследить путь того, чьё имя звучит столь забавно для русского уха. По Нестору, Синеус сел на Белоозере; а коль скоро и Новгород, и Изборск — безусловно города, то традиция отождествляет летописное Белоозеро с безусловным городом Белозерском.

Так-то оно так, да не совсем, и для того, чтобы отыскать «Синеусов след», придётся изрядно попетлять вокруг озера Белого. Ведь никто не знает, где находился тот, старый Белозерск, в который теоретически могли бы призвать варяга! Непростой оказался город — переезжий, и «место дислокации» менял несколько раз — вот задачка археологам! Долгое время бытовала кажущаяся убедительной версия, что летописное Белоозеро — это Киснема, нынешнее село Троицкое на северном берегу. «Тепло», но явно не «горячо» — раскопки в Киснеме так и не нащупали ничего ниже X века, соответственно, Белозерском образца 862 года она быть не может... Свою версию выдвигал историк русской архитектуры и градостроительства Михаил Кудрявцев, обнаруживший древнее городище в районе села Зубово (это уже западный берег). Большое городище, длина укреплений — целых восемь километров, и по времени вроде подходящее. Вот только на «практически официальном» уровне утвердилась другая версия, белозерам не столь приятная, но подтверждённая археологом Сергеем Захаровым: старый город — это нынешнее село Крохино на южном берегу Белого, близ того места, где из него вытекает река Шексна. Археологические исследования вроде подвели научный базис под теоретический спор, но у горожан переполох: ведь крохинское городище датируется никак не 862 годом, оно младше на столетие! А дальше со всеми вытекающими: значит, городу не 1150 лет, а «только» 1050, значит, не было никогда никакого Синеуса в Белозерске, значит, написанному в летописи доверяй, но проверяй, и ещё сколько таких «значит»... Ну и по-человечески обидно, конечно. До того, что добрая половина белозеров упорно празднует день рождения города «по старому стилю», как если бы он был основан в 862-м. Другая половина нашла компромисс: городу Белозерску — 1050 лет, а области Белоозеро — 1150! С одной стороны, вызывает улыбку, с другой... а что, если в поисках истины и впрямь придётся отказаться от общепринятых аксиом, перевести их в разряд теорем или даже заблуждений? Что, если летописное Белоозеро и нынешний Белозерск это, мягко говоря, не одно и то же?

Ладно, домыслы домыслами, а в середине XIV века Белозерск совершенно точно в очередной раз переехал. «Моровая язва» опустошила городок у истока Шексны (который теперь Крохино), и его перенесли на нынешнее место, где он и осел. Так что, если совсем уж строго говорить, не 862-й и не 962-й, а 1364-й — год основания того города, что дошёл до наших дней.

Именно этот город на несколько столетий стал торговой и культурной столицей края. Именно отсюда в 1380-м вышла на Куликово поле белозерская дружина во главе с великим князем Фёдором Романовичем. И сам правитель Белозерья, и сын его, и брат пали, защищая русскую землю. Но княжество, вопреки устоявшейся легенде, не осталось выморочным — его возглавил племянник погибшего Фёдора. Москве Великое княжество Белозерское отошло чуть позже — в 1389 году. Чтобы в 1432–1485 годах вновь почувствовать вкус «Величия», то есть самостоятельности. Правда, в несколько необычном виде — как Великое княжество... Верейско-Белозерское. Для внука Дмитрия Донского — Михаила Андреевича — семьсот вёрст, видать, не расстояние были. А после его смерти и Белозерск, и Верея снова стали «московскими». Теперь уже навсегда.

Но вот что интересно: и московские князья, и затем цари по какой-то причине уделяли очень пристальное внимание укреплению затерянного в северных лесах и болотах города! Нынешние валы (точнее, Валы — местное имя собственное белозерского детинца, столичное слово «кремль» здесь не особо жалуют) — это плод фортификационных работ, развернувшихся при Иване III. Крепость расширили, вал подняли, ров углубили. И после больше века поддерживали в боевой готовности — а от кого, спрашивается, было белозерам обороняться? Вражьи войскам в такую глушь заходить было не с руки... ну, или не с ноги. Известно же — даже в страшную Смуту иные города горели по многу раз, а в Белозерск лишь раз заглянули интервенты. Поляки заняли крепость «за здорово живёшь» — но только потому, что в ней практически не оставалось боеспособных мужчин. А когда вспыхнуло народное восстание — захватчики сочли за лучшее быстрее ретироваться.

Так от кого же планировали русские правители оборонять белозерскую глухомань? На этот счёт есть несколько точек зрения. Во-первых, Белозерск мог рассматриваться как «резервная ставка» — ну или просто место, где можно в случае чего тихо отсидеться. Известно ведь, прятал здесь тот же Иван III свою супругу Софью Палеолог, когда сам отправлялся на Угру, меряться силами с ханом Ахматом. Сама идея «царского бункера» до того льстит белозерам, что приходилось слышать даже такое — мол, библиотеку-то Ивана Грозного спрятали не в Москве, и не в Александрове, и даже не в Старице, а... где б вы думали? Неужели догадались? Ну, положим, про библиотеку — байки, но был и ещё один резон возводить в Белозерске мощную крепость. Глушь-то она глушью, но ведь Белозерье — это северо-западная граница Волжского бассейна, водораздел, перевалочный пункт в Северодвинскую систему, в систему Ледовитого океана... Это в XVI веке Вологда и Устюг перехватили роль опорных пунктов торговли; до того главными «воротами севера» было Белозерье. Физическое укрепление города способствовало и укреплению экономическому...

Валы — всё, что дошло до нас от средневекового Белозерска. Наследие конца XVI–XVII столетий — дивные и самобытные церкви, такие истинно северные с одной стороны, с другой — непохожие на то, что мы видели в других северных городах: Успенский собор 1552 года, Преображенский — 1668-го, да более поздний (1723), но вторящий им храм Спаса Всемилостивого, у местных получивший фривольное прозвище «Спас-на-Канале». Сам этот канал — памятник подвигам уже не души, а разума, инженерный шедевр XIX века: Мариинская водная система. Именно открытие в 1846 году Белозерского обводного канала завершило формирование

речной магистрали, ныне известной как Волго-Балт... Мариинская система вдохнула новую жизнь в экономику захиревшего было Белозерска, но не смогла изменить его сложившийся за сотни лет уклад — неторопливый, патриархальный, более сельский, нежели городской, удивительно сочетающий некоторую неряшливость по отношению к себе со спокойной, уверенной в собственных силах гордостью. Он такой и сейчас — чтобы понять это, нужно пройтись по этим улицам, посмотреть на эти старые домики и убеленные сединами храмы, вдохнуть этот воздух, взглядеться в эту безбрежную озерную гладь, синюю-синюю под искрящимся солнцем.

А в светлые летние ночи — действительно белую.

ГРАД СТОРОЖЕВОЙ

Муром — город, если вдуматься, парадоксальный. Прочно «прописался» на Золотом кольце — при этом находится на совершеннейшем отшибе, отгородившись, для полноты картины, от остальных городов знаменитыми муромскими лесами, которые и по сей день обширны и дремучи. Город головокругительно древний — упоминается среди первых русских поселений, — при этом памятников совсем уж седой старины в нём нет, и даже собор Спасского монастыря XVI века печати старости не несёт: советское время обитель пережила в небрежении, а после реставраторы перестарались и заштукатурили морщины... Город кажется воплощением христианской святости, когда видишь все эти маковки сбегающих к Оке церквей. Ажурные, как взбитые сливки, Благовещенский и Троицкий монастыри, кажущиеся близнецами, пока не начнёшь рассматривать их детально; ещё одна «вариация на тему» — задумчивый Воскресенский монастырь, отодвинувшийся от остального города за глубокий овраг; позитивно-рыжий Никола Набережный... А меж тем христианство приживалось в городе долго и с трудом, языческие мурома, пока ещё не ассимилированные, противились православию до XII века, да и в конце XIII было дело: изгнали горожане по чьему-то наущению епископа Василия — будущего святителя Василия Рязанского... Ну и ещё парадокс: Муром — важнейший юго-восточный форпост Древней Руси, «град сторожевой», а поди найди в нём сейчас приметы боевого прошлого! В какой-то момент крепостная суровость уступила место дородной купеческой ухоженности, которую историческая часть Мурома воплощает и поныне. О том, что город, вообще-то, родина богатырей — напоминает возвышающийся на месте утраченного городского собора с поднятым мечом скульптурный Илья Муромец (работа В. Клыкова), да паровоз одноимённого бронепоезда, поставленный на вечную стоянку у вокзала. Земляки богатыря подарили бронепоезд фронту в 1942 году, он дошёл почти до Берлина (закончил боевой путь в 50 километрах от него) и, между прочим, уничтожил немецкий бронепоезд «Адольф Гитлер». Очень символично.

Былинный богатырь Илья Муромец известен каждому ребёнку с детства: воин и надёжный защитник земли русской от всякой вражьей нечисти. Герой киевских былин потом перекочевал в русские народные сказки, а также в сказания некоторых неславянских народов, например, норвежских, германских и финских племён. Наверняка многие помнят, как Илья служил князю Владимиру, сражался с Идолищем и Соловьем-Разбойником. Но прежде, чем взяться за подвиги, он сидел сиднем 33 года, пока его не исцелили

странствующие калики переходящие. Между прочим, это были необычные старцы — в дореволюционных изданиях былин считается, что Илье явился сам Христос с двумя апостолами. Для советских ребят такие подробности опустили.

Скорее всего, у былинного персонажа был вполне реальный исторический прототип. «Настоящий» Илья жил в XI–XII веках. Он родился в крестьянской семье в селе Карачарово под Муромом. Правда, кое-кто стремится «поселить» богатыря в черниговском селе Моровск, но это вряд ли — в Карачарове ведь даже колодец есть, якобы образовавшийся от удара копыта богатырского коня Бурушки. Ещё об Илье Муромце известно, что незадолго до смерти он принял монашество, жил в Киево-Печерской лавре, где и был похоронен. Чтобы поклониться мощам, ехать в Киев не обязательно: часть их находится в Муроме. В 1643 году преподобный Илия Муромский был причислен к лику святых.

Для сомневающихся в историчности Ильи добавим: уже в наше время, в конце 80-х годов прошлого века, его останки были тщательно изучены с использованием новейших технологий. Исследования показали, что монах действительно был весьма внушительного по тем временам роста — 177 сантиметров — и богатырского телосложения. Учёные нашли подтверждения и тому, что Илья Муромец действительно одно время страдал болезнью, не позволявшей ему двигаться. Кроме того, возраст мощей вполне совпадает с тем, что указывают былины и сказания. Вот только в монахах он проходил недолго и не успел совершить подвигов во имя веры. Поэтому и жития Илии Муромского не существует. Но былины и истинная народность героя — чем не памятник?

Другие известнейшие муромские святые — Пётр и Феврония — почитаются сейчас как хранители семьи и брака. Между тем, об их земной жизни почти ничего не известно. Вернее — всё, что мы о них знаем, почерпнуто из «Повести о Петре и Февронии», написанной в XVI веке неким священником Ермолаем по заказу митрополита московского Макария. Ермолай же создавал свою «Повесть» на основе устных преданий, коих в Муроме было предостаточно. Так что это произведение, в первую очередь, всё же литературное и поэтическое — рассказывающее об истинной любви, способной преодолеть болезнь, социальные различия и вообще любые невзгоды. Так, мы узнаём, что Пётр, брат муромского князя, сразился со змеем, который мучил княгиню, убил его — но от крови чудища покрылся страшными язвами. Все лекари княжества оказались бессильны, но однажды Петру приснилось, что спасти его может только дочь бортника-пчеловода Феврония. Пётр разыскал девушку, но та согласилась вылечить княжеского брата лишь при условии, что тот женится на ней. Пётр пообещал, но едва исцелившись, нарушил своё слово (сыграл классический предрассудок — разница в происхождении). И вот болезнь вернулась. Тогда Пётр и Феврония всё же сыграли свадьбу.

Но счастье было недолгим. Как только Пётр вступил на муромский престол после своего брата, местная знать поставила ему условие — избавиться от «недостойной князя» жены. Супруги предпочли вообще уйти из города и терпеть лишения, лишь бы не расставаться. Правда, со временем княжество погрязло в междоусобицах, и Петра призвали назад, на сей раз вместе с Февронией...

Под старость супруги вместе приняли монашество, приняв имена Давид и Евфросинья, и поселились в соседних монастырях. Они завещали

Глава 1. Откуда есть пошла первая столица

похоронить себя в одной могиле. Пётр-Давид даже сам смастерил «двойной» гроб для себя и своей супруги. Умерли они в один день на пасхальной неделе, но люди не решились выполнить их просьбу — слишком уж необычная была. Супругов положили в разные гробы, но наутро они оказались лежащими вместе. В итоге, так их и похоронили.

Конечно, в «Повести о Петре и Февронии» вымысел и правда тесно переплетены, но исследователи не сомневаются в том, что у героев этого произведения были реальные прототипы. Скорее всего, это муромский князь Давид, которого летописец вполне мог называть его монашеским именем, и его жена.

Но как бы то ни было, такие истории необходимы, их надо знать и помнить — особенно сегодня, когда после духовного и этического безвременья люди заново открывают для себя такие вечные понятия, как честь, любовь и верность. Ведь семья — это та самая животворящая клеточка, «ячейка общества», его основа, без которой оно, общество, обречено на гибель.

Большой памятник Петру и Февронии ныне стоит на площади перед Троицким и Благовещенским монастырями. За князем и княгиней, в ногах у них припрятан заяц — считается, что если потерять ему нос, счастье в браке обеспечено, отчего мордашка животного блеском сильно отличается от остального памятника. Те, кто полагает подобный ритуал дремучим язычеством, поклоняются мощам святых в соборе Троицкого монастыря.

Интересная коллекция Муромского историко-художественного музея располагается в доме Зворыкиных — местного купеческого рода, подарившего миру немало талантливых учёных, в частности — одного из «котцов телевидения» В.К. Зворыкина. Правда, своё знаменитое изобретение он сделал уже в эмиграции, в США.

Глава 2

ВЕТЕР С ВОСТОКА

ДОРОГАМИ ЕВПАТИЯ КОЛОВРАТА

Для начала, как пишут в научных трудах, определимся с понятиями. Тот город, который мы сейчас привычно называем Рязанью, до 1778 года звался Переяславль-Рязанский. А исконная Рязань — это напротив городка Спасск: оплывшие, сливающиеся с обрывистым окским берегом валы над рекой, над селом Старая Рязань, самое большое городище России. Археологический заповедник. 60 гектаров мёртвого города, разрушенного в 1237 году Батыем.

Вот о нём сначала и речь.

Рязань, как дальняя периферия Черниговского княжества, к середине XII века обособилась от «старшего брата» и зажила самостоятельной жизнью. Благодатные угодья окской поймы выгодно выделяли эти земли из плеяды других княжеств Северо-восточной Руси. Жить бы себе «русской житнице» да радоваться жизни... но была и обратная сторона. Рязанское княжество, «оседлавшее» Оку по обоим берегам, оказалось на юго-восточной границе Руси. Окно в степь... Привратник, пограничник земли Русской. А первый удар врага чаще всего оказывается самым жестоким и разрушительным.

И вот в 1237 году к границам Рязанского княжества вышли монгольские орды. Батый был человеком практичным и потребовал от княжества десятину, то есть десятую часть имущества. Рязанцы были людьми гордыми и ответили в духе — мол, отцы и деды наши данниками не были, и мы не хотим, «когда нас всех не будет, то всё потом ваше будет». Согласно «Повести о разорении Рязани Батыем», провалу переговоров способствовало наглое предложение «нечестивого царя», адресованное руководителю рязанского посольства княжичу Фёдору Юрьевичу: отдать в наложницы ему, Батыю, жену Фёдора красавицу Евпраксию. Разгневанный посол, естественно, отказался и был изрублен; Евпраксия с младенцем на руках бросилась со стены крепостцы Городок-на-Осетре и убилась насмерть — по-древнерусски «заразилась», положив начало легенде о происхождении нынешнего названия Городка — Зарайск. А дипломатические возможности для разрешения конфликта монголов и рязанцев были исчерпаны.

В первый раз войска сошлись на берегах реки Воронеж, где русские хоть и показали боевую удачу, но всё же потерпели поражение. В декабре 1237-го Батый осадил собственно Рязань. Горожане держались шесть дней, но их силы таяли, а монголы подтягивали всё новые. Решающую точку поставили

Глава 2. ВЕТЕР С ВОСТОКА. Дорогами Евпатия Коловрата

стенбитные орудия — когда лавины штурмующих устремились внутрь городских укреплений, остановить резню было уже невозможно. Рязань была выжжена дотла.

Дымящиеся руины застал вернувшийся из Чернигова «некий от велмож резанских» Евпатий Коловрат. По крайней мере, об этом рассказывает «Повесть о разорении Рязани Батыем» — проблема в том, что больше ни в одном источнике этот богатырь не упоминается. Но, поскольку Евпатий прочно занял место в рядах рязанских «региональных» героев и удостоился в 2007 году отличного памятника, быстро ставшего одним из символов Рязани — приходится признать, что легенда стала действительностью, и рассказывать о ней как об историческом факте. Ну, или квазиисторическом.

Итак, застав город в развалинах, потрясённый боярин решил отомстить захватчикам, насколько хватит сил. Сумел собрать небольшое по сравнению с монгольской ордой, но всё же порядочное войско — 1700 бойцов из уцелевших после разорения. Врага Евпатий догнал уже во владимиро-суздальской земле. Последовала короткая, но впечатляющая схватка с одним из батыевых отрядов, который рязанцы наголову разгромили. Далее был хорошо известный (лучше, чем иные исторические факты!) эпизод с отправкой Батыем своего «шурича» Хостоврула на истребление коловратовой «летучей дружины». Этот персонаж, Хостоврул, тоже нигде, кроме «Повести...», не означен — ни в русских источниках, ни в монгольских, что не помешало народному сознанию как факт затвердить, что Евпатий в поединке рассек ханского свойственника от шеи до седла. Далее Батый якобы подтянул каменеты, и только с их помощью удалось одолеть богатыря. После чего хан горько сожалел, что такой славный воин не служил ему — «держал бы его против сердца своего».

На этом легенда заканчивается, начинается суровая правда. Рязань была стёрта с карты и никогда более не восстанавливалась. Столица княжества переехала выше по Оке — в Переяславль-Рязанский, который позже стали именовать «Рязанью» — по праву преемственности; а ещё позже указ матушки Екатерины закрепил традицию официально. Именно в этом городе в XX веке стали славны потомки легендарного чудо-богатыря Евпатия — бойцы воздушно-десантных войск. Рязанское высшее училище ВДВ имени генерала В.Ф. Маргелова — не просто «кузница кадров», но святая святых советской, а теперь и российской «крылатой пехоты».

А в XIV веке Рязанским княжеством управлял ещё один весьма уважаемый местными деятель, уже стопроцентно исторический — Олег Иванович. Личность невероятно противоречивая — москвиты традиционно считают князя изменником, но рязанскому монастырю московский устав не указ. С «централизаторской» точки зрения послушной список Олега Рязанского, должно быть, выглядит сомнительным: он отстаивал независимость княжества, вступал в переговоры то с московским князем Дмитрием Ивановичем (будущим Донским), то с Мамаем и литовцем Ягайло; то признавал Дмитрия «старшим братом», то указывал Тохтамышу броды на Москву... Долгое время в Куликовской битве Олег Рязанский считался однозначным союзником Мамая, пока не появилась «примирительная» версия о том, что князь был вынужден «дипломатически маневрировать», принимая во внимание незавидное географическое положение своей вотчины между молотом Орды и наковальней Москвы. То есть шатания и «двуличность» Олега были обусловлены попытками спасти княжество и его население от губительных по-

следствий татарских «акций возмездия». Сторонники этой версии кивают на знаменитую «Задонщину», которая упоминает в числе погибших на Куликовом поле 70 рязанских бояр. Кстати, памятник рязанцам на Куликовом тоже есть. «Примирительная» позиция восторжествовала. А Олег удостоился памятника в самой Рязани, доказав таким образом, что «региональные» герои не обязательно должны быть признанными национальными.

И почему-то «дворцом Олега» традиционно и совершенно безосновательно называют архиерейские палаты рязанского кремля, построенные через 250 лет после смерти князя.

Итак, Рязанский кремль. Сухими официальными словами — один из лучших архитектурных ансамблей России, заповедник федерального значения, музеефицированный ещё в 1918 году. А для человека, впервые попавшего в Рязань — невероятное, фантастическое зрелище. Остров чистой красоты и гармонии среди суевы большого города. Сказочно хорош вид кремля с крутого склона в Соборном парке, от церкви Спаса на Яру и памятника Сергею Есенину — уроженцу рязанской земли. Как иглой, пронзает небо грандиозным шпилем могучая колокольня: со своими 83 метрами она входит в двадцатку самых высоких колоколен России, на целую сажень превзойдя московского Ивана Великого. Красавицу возводили полвека (1789–1840) усилиями целых четырёх архитекторов последовательно. Так «само получилось», но каждый из зодчих возвёл по ярусу, снизу вверх: Воротилов — Руска — Тон — Воронихин. Целая история в архитектуре.

А у огненно-красного, с пучиной искусной белокаменной резьбы Успенского собора автор один — талантливейший зодчий из крепостных, Яков Бухвостов. И возвёл он свой шедевр всего за семь лет — в 1693–1699 годах, сроки для такого грандиозного сооружения поистине рекордные! Тезоретически храм — «вариация на тему» Успенского собора Московского Кремля, практически же автор обогатил традиционные формы приметами новой волны — набирающего обороты «нарышкинского стиля» (собственно, Бухвостов считается одним из его основоположников). Развитость в высоту, искусный и обильный резной декор, яркие краски — всё то, что делает постройки рубежа XVII–XVIII веков такими впечатляющими и запоминающимися — сполна играет во внешнем облике Успенского собора. А внутри — самый большой в России иконостас. Достаточный повод, чтобы заглянуть, тем более что храм снова действующий.

Гуляя по Рязанскому кремлю, можно обнаружить ещё много интересного — например, Архангельский собор, заложенный в XV веке, или миниатюрную двухшатровую церковь Святого Духа (каменные шатровые храмы в России вообще наперечёт, двухшатровки — тем более). А как разбегаются глаза от красоты памятников гражданской архитектуры XVII века! Те же архиерейские палаты, Консistorский корпус, Певческий корпус... В них сейчас располагаются богатые экспозиции музея-заповедника. Он как раз из тех, про которые можно сказать: если вы были в Рязани и не зашли в этот музей — вы не были в Рязани. Так что приходите обязательно!

ОТЕЦ ГОРОДОВ РУССКИХ

Г тарик Владимир требователен к своим гостям: путь к сердцу города осилит идущий. В прямом смысле: как бы вы ни приехали — поездом ли, автобусом, — чтобы добраться до древних соборов, надо пройти

ногами, вверх до самой кручи широкоплечего холма. И даже изнеженным автомобилистам придётся забыть о комфорте: по всей Соборной площади как есть запрещена парковка, так что придётся бросить машину в переулке, а потом всё равно пешком, туда, где поднимается резное белокаменное чудо, откуда есть пошла Северо-Восточная Русь и современная Россия.

Эти соборы не просто памятники архитектуры, они — символ русской государственности. Ныне, когда Киевская Русь приватизирована украинской историографией, он вновь обретает исконное значение. Древние князья, ставившие эти храмы, конечно, не глядели так далеко; но цель перещеголять дряхлеющую «мать городов русских» они, безусловно, преследовали.

Когда Юрий Долгорукий осуществил, наконец, свою мечту и утвердился в Киеве, сыну его Андрею, казалось, обеспечены были и карьера, и наследство. Но под сенью Софии тому не сиделось, и в 1155 году уехал Андрей из пафосного Вышгорода в провинциальную глушь, в дальнее суздальское Ополе. И не просто уехал, а увёз с собой чудотворную икону Богородицы — выражаясь неполиткорректным языком, князь икону из Вышгорода украл. По легенде, Заступница явилась Андрею во сне и велела оставить образ во Владимире-на-Клязьме. Так на Руси появилась знаменитая икона Божией Матери Владимирской, а заодно и новая столица. Чтобы «закрепить успех», в 1158 году был заложен Успенский собор «о пяти верхах». Храм, законченный в два года, превзошёл высотой Софию Киевскую, а на его содержание князь Андрей выделил десятую часть своего дохода, как в киевской же Десятинной церкви.

История жизни и трагической гибели Андрея Боголюбского хорошо известна; собор пережил создателя на одиннадцать лет и рухнул, не выдержав пожара 1185 года. Новый храм строил младший брат Андрея — Всеволод Большое Гнездо. Обновлённый собор в общих чертах повторял прежний, но стал ещё больше. Таким он перенёс новый страшный пожар — во времена Батыева нашествия...

...В самом конце 1237-го владимирцы пытались оказать помощь гибнущей Рязани — но безуспешно, монголы перемололи посланное войско в бою у Коломны. А там и разорение Владимира не заставило себя долго ждать. В самом начале февраля 1238-го захватчики вышли к стенам города. На виду у жителей убили захваченного в плен младшего сына Великого князя Юрия Всеволодовича — Владимира (сам князь в тот момент отсутствовал — собирал войска для новой схватки, вошедшей после в историю как битва на реке Сить). Послали рейд на соседний Суздаль, демонстративно привели большой полон — возможно, даже использовали пленников в качестве «живого щита» при осаде и штурме... Несмотря на яростное сопротивление владимирцев, продержаться они смогли всего лишь около недели. Совершив несколько пробных «тычков», монголы нащупали слабое место, нажали и продавили. Уже через несколько часов бой кипел на улицах. Уцелевшие дружинники, вместе с великокняжеской семьёй, укрылись в Успенском соборе, устроив в нём последний рубеж обороны. Настолько безнадёжной, что прямо там, в стенах храма, принимали схиму, готовясь к смерти. Монголы пошли на штурм и подожгли здание, из находившихся внутри не уцелел никто.

А могучий собор в огне устоял и позже был отремонтирован. Сейчас, когда реставраторы удалили с него наслоения XVIII–XIX веков, храм выглядит практически так же, как в трагические дни 1238-го. Единственно — колокольню 1810 года, как сооружение само по себе выдающееся, оставили.

Одноглавый Дмитриевский храм смотрится «младшим братом» Успенского. Возводился в самом конце XII столетия тем же Всеволодом Большое Гнездо как дворцовый храм; соответственно, меньше «старшего», но украшен богаче. Удивительна резьба Дмитриевского: в кружеве из белокаменных зверей и трав древние мастера вытесали государей бывших и современных — для них, разумеется: самого Всеволода, библейского Давида (в данном случае ещё и политический символ: Большое Гнездо ненавязчиво поставил себя «на одну доску» с мудрым ветхозаветным царём, из рода которого происходит Христос), и... Александра Македонского. Видеть изображение царя-язычника на христианском храме неискушённому зрителю непривычно, но в Средние века, благодаря греческому сочинению «Александрия», Македонский был в чести и в Европе, и на Руси; истории о нём были не менее популярны, чем каноническая агиография, и более интересны, чем сказки о пегисголовцах Гипербореи. Конечно, изображение вершителя судеб древнего мира на стене Дмитриевского собора — это тоже дань политике. Хотя зоркий глаз любителя античности может разглядеть в хитросплетениях резьбы ещё и... Геракла, да-да, самого натурального Геракла, побивающего непохожую на себя лернейскую гидру и стреляющего из лука в стимфалийских птиц.

Со смотровой площадки над Клязьминской поймой хорошо виден третий из владимирских соборов. Точнее, реплика древнего храма. Ещё точнее — реплика реплики. Старый собор Рождественского монастыря был ровесником Успенскому и Дмитровскому. Здесь находилась резиденция русских митрополитов — до переноса в Москву. И здесь же почивали мощи Александра Невского — до переноса в Санкт-Петербург. А потом Владимир лишился и самого собора: ОГПУ, обосновавшееся в монастырских стенах, расчистило площадку «под себя». Отметим, что чекисты взорвали не древний храм, а по тогдашним меркам новодел: в XIX веке Рождественский собор пережил странную «реставрацию», в ходе которой его... разобрали до фундамента и отстроили заново «почти как было». Так что нынешний собор монастыря, фактически — новодел на месте новодела. И изначально здание напоминает ну очень отдалённо.

...Возвышение соседней Москвы нанесло Владимиру роковой удар. Уехала светская власть, уехала духовная (митрополичья резиденция город пробыл всего четверть века — с 1299 по 1325 год). За власть потянулась и знать, и деловой люд. Новая столица оказалась дочерью неблагодарной, Владимир потерялся в московской тени, превратился в сугубо провинциальный город — это в самом сердце Руси-то! В 1880 году губернский статкомитет писал в своём ежегоднике: «Город Владимир, когда-то игравший немаловажную роль в русской истории, в настоящий момент, несмотря на некоторые следы своего величия в виде монументальных старинных построек, низошёл на степень заурядных городов русских и представляет собой скромный административный центр»...

Зеркало этой жизни Владимира — главная улица, Большая Московская, о которой Добролюбову когда-то говорили, что это «только одна улица порядочная» во всём городе. Здесь и строгий классицизм Дворянского собрания, и не по статусу игривая краснокирпичная Гордума, и неочевидные торговые ряды, и вставные зубы эпохи атеизма на месте уничтоженных храмов: «советская» блинная вместо Пятницкой церкви и уже «модернизированный» салон связи вместо Николы Златовратского. А сами Золотые ворота, венчающие улицу — как напоминание, что находимся мы всё-таки не в провинции, а в гостях у «отца городов русских».

Именно Золотым воротам суждено было стать символом Владимира. Широко известно, что построены они при Андрее Боголюбском в 1164 году. Менее широко известно, что от тех времён сохранились только собственно проезжая арка с перемычкой и коренастыми боковыми пилонами. Впрочем, даже перестроенное, сооружение выглядит выигрышно по сравнению с не самой удачной реконструкцией «оригинала» — Золотых ворот Киева. Замысел князя Андрея превзойти киевлян во всём «срабатывает» сквозь столетия...

То, что памятник дошёл до наших дней, можно считать чудом. Судите сами: в 1238 году их штурмовал Батый, но пробить не смог — захватчики ворвались в город южнее, у Спасо-Никольской церкви; в XVI–XVII веках стояли в предаварийном состоянии — выстояли и дождались ремонта; в 1767 году в воротах позорно застряла карета самой матушки Екатерины — пережили и монарший гнев, пришлось лишь пожертвовать несколькими метрами вала, устроить вокруг архитектурного памятника объезд... И в советское время, когда каждый храм, чуть-чуть выступавший за красную линию улицы, мог считаться обречённым, увенчанные церковным куполом Золотые ворота, дерзко стоящие прямо посреди главной улицы, никто не тронул.

Сохранился и участок вала, спускающийся от площади к Клязьме. На нём, как и сто лет назад, любят прогуливаться горожане и гости. На картах и в текстах его именуют «Козлов вал», это стало уже официальным названием. Что представляет собой редчайший парадокс: сооружение, названное не в честь строителя, а в честь... разрушителя. В XVIII веке некто «посадский человек Алексей Козлов» имел на валах... сад. Самое обычное приусадебное хозяйство. И, ковыряясь в земле, вольно или невольно подрывал исторический памятник. Садовода-любителя, конечно, привлекли куда в те времена следовало, вот только поделаться ничего не смогли — Козлов доказал, что приобрёл земельный участок с уже существующим садом, заплатил за него деньги и ликвидировать потому не обязан. Неприкосновенность частной собственности победила, а к валу прикрепилось прозвище, надолго пережившее скандального посадского человека... А ещё на Козловом валу стоит этакая прянично-сказочная башенка-теремок с вполне утилитарным предназначением — водонапорка. Сейчас здесь интересный и нестандартный музей — «Старый Владимир». А наверху, под козырьком — смотровая площадка.

Отсюда город виден целиком. И даже больше, чем хотелось бы — с высоты слишком очевидны утраты и такие с точки зрения эстетики сомнительные приобретения, как заслоняющие горизонт промышленные громады XX века попеременно с безвкусицей «творениями» нынешних бизнес-архитекторов. Приходится мысленно отшелушивать лишнее, проводить черту в том месте, где за древностью встаёт современность, словно не к месту поставленная театральная декорация. Старое с новым всегда трудно гармонизировать, но у Владимира вообще вышел глубокий рассинхрон — словно перед нами три разных города. Снаружи — образцовый облцентр «советского» типа, красивый современный город с широкими проспектами и большим количеством зелени. Внутри, в ядре — маленький, со сложным рельефом и запутанной системой улочек губернский городок. Но и у ядра есть своё ядрышко — XIX век безо всякого предупреждения вдруг переходит в XII-тый... Диффузии эпох во Владимире каким-то образом не произошло, и, географически слитные, внутри они существуют отдельно, как вещи в себе.

Может, поэтому веришь каждой.

ПОКРОВ НА НЕРЛИ

Церковь Покрова на Нерли — белокаменная жемчужина и объект культурного наследия ЮНЕСКО. Храм видно издалека, но идти к нему пешком надо долго, через поле. Сам неповторимый ландшафт, кстати, признан частью всего исторического комплекса.

Пока идёшь, всю историю церкви вспоминаешь. Считается, что её возвёл Андрей Боголюбский в 1165 году, в память о погибшем сыне. Строили — мастера, приглашённые «из всех земель», даже Фридрих Барбаросса прислал своих специалистов.

Надо учесть, что в те времена здесь находилась «стрелка» Нерли и Клязьмы, и весенние воды поднимались порой на несколько метров. Поэтому сначала насыпали холм, одели его в белый камень. Также известно, что сам храм был окружён галереями-гүльбищами, а главка была выполнена в виде шлема и покрыта лемехом. Снаружи стены украсили рельефами, а внутри — фресками, которые были бесцеремонно сбиты во время бесконтрольной реставрации в 1877 году.

Между прочим, чуть позже настоятель Боголюбского монастыря решил было вообще разобрать белокаменный храм на святые врата для своей овители. Вот только строители заломили непомерную цену за их возведение, что и спасло памятник.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО

... **Г**орок километров от Московской кольцевой по федеральной трассе «Холмогоры». Москвичи привычно зовут её «Ярославкой». А для паломников это была и есть дорога к Троице. Закончились урбанистические заросли городов-спутников Москвы: Мытищи, Пушкино, а у каждого спутника — свои спутники... начинается Россия: леса, поля. Маяки храмов. Сорок километров от Кольцевой. Храм справа — храм слева. Справа — Воздвиженское, слева — Радонеж.

Седые валы осунулись и кажутся складками холмов, но это именно валы; мелководная ныне речка Пажа охватывает их с трёх сторон замысловатой петлей — идеальное место для древнего города. Что люди здесь жили очень давно, видно уже из имени: Радонеж — притяжательное от былинного языческого имени Радонег, а археологические находки показали следы дьяковской культуры — значит, поселению не меньше тысячи лет. В XIII веке местность облюбовали баскаки, ушедшие глубоко в местный фольклор и топонимику; тридцатью вёрстами западнее (у нынешнего села Деденево) закончил свой исторический путь ордынский царевич Дюдень, организатор небезызвестной одноимённой «ратии»; а сам Радонеж впервые упоминается в духовной грамоте Ивана Калиты, оставленной в 1328 году перед очередной поездкой князя в Орду. Суровые реалии той эпохи требовали всякий раз составлять завещание, отправляясь в дипломатическое турне на восток.

Примерно в это время в Радонеж переселился некогда богатый, но разорившийся боярин Кирилл с женой и тремя сыновьями. Одному из них — Варфоломею — на роду было написано стать духовником земли Русской, знакомым всем православным под именем преподобного Сергия Радонежского.

Точной даты рождения Варфоломея-Сергия не сохранилось — условно пишут между 1313 и 1322 годами. В современных житиях принято указывать, что это произошло в 1314 году в окрестностях Ростова Великого, где ныне Варницкий монастырь. Когда Варфоломею было семь лет, его начали обучать грамоте, но учёба не давалась мальчику. И вот однажды он встретил в поле молящегося старца. Варфоломей рассказал монаху о своих неудачах, и тот, дав отроку просфору, благословил его. А Кириллу и Марии сказал, что сын их станет «обителем Святой Троицы и многих приведёт вслед за собой».

Эта история хорошо известна. Менее известно то, что вопреки устоявшемуся мнению, встреча эта произошла не в Радонеже, а под Ростовом. Но переспоришь ли народную молву? Специально в окрестностях Радонежа поселился, чтобы живописать легендарную встречу на холсте, художник Михаил Нестеров. В валах древнего города поставлен и памятник работы Вячеслава Клыкова: мальчик и инок, точнее — мальчик в иноке, словно в далёком тысяча-триста-непамятном году в загадочном молящемся старце встретил отрок Варфоломей самого себя.

Слова старика оказались пророческими. Мальчик стал усердно и успешно учиться, церковные книги предпочёл играм и детским забавам и в итоге избрал путь инока. Когда родители умерли, Варфоломей вместе с одним из своих братьев (Стефаном) отправился искать место для пустынножительства. Вскоре, правда, Стефан переселился в московский Богоявленский монастырь — «не выдержал пустынной жизни», говорят жития. А Варфоломей принял постриг под именем Сергия.

Известный духовный писатель XIX века Михаил Толстой в своих «Рассказах из истории русской церкви» отмечает, что молодой человек (а Сергию тогда было 24 года) долго был обуреваем всеми мыслимыми страхами: жил в келье один, его мучили жара и холод, голод и жажда, неведомые голоса гнали прочь. Но в молитве и посте он находил утешение, и даже дикие звери не трогали отшельника. Однажды к келье Сергия пришёл голодный медведь, и монах разделил с ним свой единственный кусочек хлеба...

Постепенно потянулись и люди — за советом и спасением, кто-то селился рядом с пустынником, и через некоторое время на холме появилось уже более десятка келий, которые обнесли оградой. Возникла обитель Святой Троицы — будущая Троице-Сергиева лавра. Вопреки своему желанию, Сергию пришлось стать её игуменом — так просила братия, так решил митрополит...

Шло время, Сергий приобретал всё больше уважения и влияния. К нему обращались за советом князья из разных земель. В результате — благодаря, как теперь бы сказали, миротворческим и дипломатическим способностям настоятеля — многие из них примкнули к войску московского князя Дмитрия Ивановича, когда пришло время противостоять Орде. Приехал к Троице и сам Дмитрий, чтобы просить благословения. Сергий не только благословил, но и дал князю двух иноков-воинов — Пересвета и Осябряю. Оба геройски погибли — один в знаменитом поединке с богатырем Челубеем перед началом битвы, а второй уже в ходе сражения, защищая знамя своего полка.

...Куликовская битва, о которой мы в деталях поговорим чуть позже, не избавила русских от ига Орды; более того, вскоре последовало демонстративное наказание — тохтамышево разорение. Но значение этого судьбоносного сражения для русского духа действительно трудно переоценить. Впервые наши войска смогли не просто достойно противостоять, но одолеть ордынцев. Аморфная масса удельных княжеств спрессовалась в кристалл, Улус Джучи дрогнул и дал трещину, через которую, как цветок сквозь асфальт, вновь проросла Русь. Победа на Куликовом принесла Сергию истинно всенародное почитание, канонизация стала лишь официальным подтверждением свершившегося факта. По сей день, когда говорят — Преподобный, просто Преподобный, без имени — каждому православному человеку понятно, о ком идёт речь...

После смерти основателя в 1392 году обитель продолжала расти, постепенно становясь главным монастырем России и (увы — как без этого?) одним из эпицентров политической жизни. У гроба Сергия примирились

до поры Василий II (пока ещё не Тёмный) и Дмитрий Шемяка — последний клятвы не сдержал, в результате чего Великий князь Московский как раз и «потемнел», то есть был ослеплён. А Василий III крестил у Троицы долгожданного наследника — Ивана, будущего Грозного. Именно при Иване IV в монастыре развернулось особо активное каменное строительство. Причём возводили как храмы, так и мощные оборонительные стены. Обитель Сергия стала крепостью.

Как пригодилось эта мощь уже через полвека, в Смутное время! Шестнадцать месяцев, с октября 1608 по январь 1610 монастырь держал осаду, сопротивляясь превосходящим силам Сапеги и Лисовского — полководцев Лжедмитрия II. «Тушинский вор» фактически правил Россией, пользуясь тем, что к тому времени ему присягнули и Псков, и Ярославль, и Ростов, и Владимир, и многие другие города... а какой-никакой, но всё же царь — Василий Шуйский — фактически был заперт в Москве, утратив связь с внешним миром... Чтобы добить Шуйского, оставалось замкнуть кольцо блокады. И тут на пути захватчиков стал Троице-Сергиев монастырь.

10 тысяч человек польского, литовского и казачьего войска взяли крепость в кольцо. Внутри, под началом воеводы Григория Долгорукова-Роши, укрылись две с половиной тысячи «кратных мужей» и ещё около тысячи монахов, крестьян, паломников. Там же прятались женщины, дети и старики. Неравенство сил вселяло в «тушинцев» надежду, на их стороне был и психологический фактор — парализованная московская власть, казалось, вот-вот рухнет... Но захватчики просчитались. В ответ на предложение капитуляции архимандрит Иоасаф ответил, что защищает никакого не Шуйского, а православие и вообще «государя, который на Москве будет». Так борьба перешла из плоскости политической в плоскость национально-освободительную, а отрезанная от мира Москва из просто досадной помехи Лжедмитрию превратилась в символ сопротивления.

Первые месяцы осады Троицкого монастыря прошли в локальных стычках — пробные приступы и ответные вылазки, в ноябре сапегинцы провели первый штурм, захлебнувшийся на линии передовых укреплений. В январе 1609-го осаждающим удалось подловить русских на контратаке — опрокинув посланный на вылазку отряд, конница «тушинцев» ворвалась в крепость... Положение спасли пушки, рассеявшие атаку, а оставшиеся без пехотной поддержки конники стали в тесноте монастырских построек добычей крестьян и монахов, забросавших супостатов камнями и забивших брёвнами.

Новой бедой той зимы стал голод. К февралю в монастырских стенах бывало по пятнадцать отпеваний в сутки. Целая драма разыгралась вокруг обоза с порохом, посланного с «большой земли» на помощь осаждённому. «Тушинцы» узнали о нём, перехватив гонцов, и устроили ночную засаду — однако бой засеки из крепости, предприняли вылазку и обоз отбили. Утром разъярённый Лисовский велел казнить на виду у защитников монастыря нескольких русских пленников. Эта жестокость сослужила ему дурную службу. Уж неизвестно, что сказали монахи, а Долгоруков-Роша представлял власть светскую, военную — и в ответ на зверство Лисовского вывел на стены всех пленных «тушинцев» — ни много ни мало, шесть десятков — где их и зарубили. Среди убитых было много наёмников, а эти люди, может, и военные профессионалы, да только работают по принципу «мёртвый гонорару не получит» — и в случае смертельной угрозы предпочитают дальше не воевать. В итоге Лисовский получил наёмничий бунт, подрыв авторитета и в целом — раскол в лагере осаждавших.

Следующие два штурма прошли летом, практически один за другим. Июльская попытка использовать «засланного казачка» провалилась, полк, отправленный втереться в доверие Долгорукову, был раскрыт и как на духу выложил план атаки заплочных дел мастеру. Это позволило ослабевшим защитникам правильно организовать оборону. Зная, что силы осаждённых иссякают (в крепости осталось до 200 ратников), Сапега с ходу начал готовить третий штурм. В августе полки пошли на приступ с четырёх сторон — этот тактический ход должен был распылить и так ничтожные силы русских и не оставить шанса на спасение. Но Сапега перехитрил сам себя. Вот попробуйте разобраться в таком сигнале к атаке: «пушечный выстрел, от которого начнётся пожар в крепости, а если не начнётся, то второй выстрел, а если не загорится и тогда — то третий выстрел». Каково? А теперь представьте, что атака должна начаться одновременно с четырёх сторон. Да ещё и в темноте... И вот итог — атакующие перепутали выстрелы, начали штурм не синхронно и большую часть времени воевали не с противником, а друг с другом, когда случайно наталкивались на соседей в ночном тумане. Заговорившая русская артиллерия довершила картину бойни.

Осада длилась ещё полгода, но августовский провал стал началом конца. Казаки и наёмники не простили польскому полководцу ошибки, началось повальное дезертирство. Осенью нависла ещё и фланговая угроза — материализовавшийся в районе Калязина монастыря Скопин-Шуйский (об этом предстоит отдельный разговор). Маневрируя и отрезая противника, русский полководец добился того, что поляки начали откатываться, чему настаивающие их русские отряды всемерно способствовали. В лагерь Лжедмитрия вернулась всего тысяча захватчиков. Троицу отстояли.

Победа ещё более укрепила авторитет монастыря. Благодаря щедрым пожертвованиям (а жертвовали все — от царей до бедных паломников) разрушенное удалось быстро восстановить и улучшить. К 1650-м годам возведены существующие стены и башни. Укреплялось монастырское хозяйство. В конце XVII века, в эпоху передела власти, в жизнь обители снова ворвалась политика. В разгар Хованщины (1682 год) здесь укрывалась от взбунтовавшихся стрельцов царевна Софья с царевичами Иваном и Петром. Через семь лет Пётр спасался в Троице от другого стрелецкого бунта, ведомого уже Софьей... Первому российскому императору быть бы дважды благодарным, но в делах религиозных он руководствовался чистым прагматизмом. И если чем-то и отметил Троице-Сергиев монастырь — так это конфискацией казны на военные нужды.

Зато дочь его к святыням ездила часто. Разумеется, в перерывах между придворными увеселениями, но всё же... Именно при Елизавете Петровне в Троице-Сергиевой обители открылась духовная семинария, а сам монастырь получил статус лавры (1744 год). В XVIII столетии начался поистине «золотой век» главного монастыря России: сто пятьдесят лет непрерывного процветания. Тогда же окончательно оформился уникальный облик одного из лучших архитектурных ансамблей нашей страны — ведь кроме духовного содержания и исторической памяти, важна ещё и эстетическая составляющая! Постройки лавры — словно линейка, размечающая трёхсотлетие русского зодчества в его единстве и ярком многообразии. От средневековья — Троицкий собор и Духовская церковь XV века. Монументальный «московский стиль», горизонтальный центр композиции — Успенский собор. Игривое русское барокко — надвратная

церковь и трапезная; изысканное, академичное барокко с европейским акцентом — вертикальная доминанта, восхитительная колокольня архитектора Дмитрия Ухтомского, по сей день считающаяся одной из вершин отечественной архитектуры XVIII века.

В 1919 году монастырь закрыли, монахов перевели в Черниговский и Гефсиманский скиты (первый, пещерный, сохранился, второй практически полностью уничтожен с постройкой на его месте физико-технического института Минобороны). Но вот что удивительно: в стране, терзаемой гражданской войной, социальной свистопляской и воинствующим безбожием, на главную святыню рука не поднялась. Сумели осознать ценность — по крайней мере художественную и историческую — этого сокровища, Троице-Сергиевой лавры, и сохранить его. Архитектурные памятники не разобрали на кирпич, не распродали за рубеж святыни (колокола, правда, в абсолютном большинстве ушли в переплавку). Постановление о музеефикации лавры вышло в 1920 году. В конце 1930-х началась реставрация. А с 1946-го музей-заповедник мирно сосуществовал с иноками — после войны здесь возобновилась монашеская жизнь. В 1990-е музей переехал «в город» — на территории лавры под экспозиции оставлена только ризница.

ГДЕ ОКА ЛОМАНА

Есть такая поговорка, в нескольких словах описывающая географические особенности среднего Поочья: где Ока лугом — там Калуга. Где Ока шире — там Кашира. Где Ока ломана — там Коломна. Лингвистически забавно, да и против истины не грешит. Уж такие петли пишет-ломает Ока ниже того места, где в неё впадает Москва-река! Если спрямить, не вдвое — втрое короче получится.

И если Оку называют «поясом Пресвятой Богородицы», то Коломна — пряжка на нём. Богато украшенная, но за драгоценностью камней не утратившая прочности и надёжности. И находится как раз в середине окского течения — где самое место быть пряжке, запечатавшей от недругов дорогу на Москву с юго-востока двадцатиметровыми стенами красного кирпича.

Самая мощная крепость на Оке, один из самых больших кремлей древнерусских — только московский больше; до двадцати четырёх гектаров Коломны не дотягивают ни детинец Господина Великого Новгорода, ни даже обширная крепость Новгорода другого — того, что в Низовской земле. Но шли годы, граница России двигалась всё дальше на юго-восток, и цитадель на Оке утратила своё былое значение, став из города-воина городом-торговцем... От прежней мощи осталось лишь семь башен да клочок стены вдоль московской дороги. Не вините в этом ни степные орды, ни революционный фанатизм: крепость разбирали в XIX веке сами же благодарные потомки тех коломенцев, что стояли здесь насмерть в древние времена — что для воина твердыня, для обывателя — дармовой кирпич. Лишь специальный указ Николая I остановил стихийное разрушение...

Ныне сугубо подмосковная Коломна изначально подмосковной не была — но это предания таких минувших дней, что и верится уже с трудом. Впервые город упоминается в 1177 году как пограничная рязанская крепостца. Уже в 1238 году она прочно вошла в историю — здесь, как мы уже упоминали, произошла битва объединённых владими́ро-рязанских сил с монгольскими ордами.

А в 1300 году Коломну захватил Даниил Московский. Это было первое территориальное приобретение захолустного княжества, первый шаг на долгом пути превращения никому не известной крепости Москов в столицу огромной державы. Даниил Александрович знал, что выбирал: Коломна в то время имела для него первостепеннейшее значение. Город, стоящий при стрелке Оки и Москвы-реки, как бы запечатывал последнюю, передавая всё её течение от истока до устья в распоряжение «Москова». Вот и держались москвичи за Коломну мёртвой хваткой, пресекая попытки рязанских вернуть себе собственность.

Но справедливости ради надо отметить, что и коломенцы служили Москве верой и правдой. Самыми надёжными воинами были, что и доказали на Куликовом поле. С той битвой Коломну вообще очень многое связывает. Здесь перед походом на Дон собирал войска свои Дмитрий Иванович. 15 августа в город тремя колоннами пришли московские силы с подчинёнными им ростовской, ярославской и белозерской дружинами, пришла серпуховская рать двоюродного брата московского князя — Владимира Андреевича, подтянулись союзники из Смоленска и Суздаля, Брянска и Костромы... Здесь же, в Коломне, определились с боевыми порядками, обрисовали план сражения. Отборному, как бы сейчас сказали — элитному коломенскому войску досталась почётная и страшная задача — стоять передовым полком, принять на себя первый, самый мощный удар Мамаю, сбить наступательный порыв, измотать, заставить неприятеля буквально завязнуть в себе... Под сокрушительным ударом вражеских сил, в первую очередь — наёмной генуэзской тяжёлой пехоты, составлявшей центр боевого порядка Мамаю, передовой полк испарился. Погибли 20 коломенских бояр, потери простых воинов не поддаются учёту, но очевидно, что уцелели в лучшем случае единицы. Бойцы погибли, но с честью выполнили свою миссию.

В Коломне осталось зримое напоминание о Куликовской битве. Его можно разглядеть из кремля, если посмотреть на восток, за Москву-реку. За разводным мостом убегает в поля дорога, а вдали, ближе к горизонту, виднеется белое и голубое: Богородице-Рождественский Бобренов монастырь.

Легенды приписывают его основание князю Дмитрию Боброку-Волынскому, советнику Дмитрия Донского «по стратегии» и командиру Засадного полка в Куликовской битве. Вроде бы Боброк обещал в случае победы над Мамаем возвести на этом месте монастырь, обещание сдержал и был увековечен в необычном названии обители... Скептики, правда, считают, что «Бобренов» едва ли может быть притяжательным от «Боброк», и записывают в основатели некоего боярина то ли Бобрыню, то ли Бобруху, а то и раскаявшегося разбойника Бобрена (ох уж эти кающиеся разбойники! Послушать легенды — так они чуть ли не каждый второй русский монастырь основали). Вот только следует помнить, что в те времена строительство белокаменного храма не могло обойтись без княжеского вмешательства, а таковой храм, по данным археологии, в монастыре в указанную пору был... Значит, всё же Боброк? Тем более, что монастырь действительно был основан через год после Куликовской битвы — в 1381-м, и в нём действительно с тех самых времён и до наших дней молятся за упокой воинов, павших на берегах Дона и Непрядвы.

В давние времена Бобренов выполнял роль стража Коломны. Находясь чуть в стороне от города, он должен был предупреждать жителей о приближении неприятеля, чтобы те успевали разобрать наплавной мост через Москву-реку. Оставшемуся на том берегу монастырю после этого следовало

обороняться в одиночку и сковывать неприятеля, а такое под силу только очень серьёзной крепости. И пусть не вводит в заблуждение чисто декоративная псевдоготическая ограда — её построили в самом конце XVIII века, архитектором называют чуть ли не самого Матвея Казакова. А почему нет? Строил же он похожие готические башенки для здешнего Старо-Голутвина монастыря, что у слияния Оки и Москвы.

Бобринев всяко пережил. Богатство и славу в средние века, секуляризацию и вывод за штат при матушке Екатерине, потом передачу под начало всё того же Голутвина, новое возрождение при митрополите Платоне Левшине и новый крах в XX веке. С 1930 года в его стенах последовательно размещались общежитие, склад, гараж, свалка и даже... могильник для палого скота. В 1991 году в обители возобновилась монашеская жизнь.

...И после Куликовской битвы Коломна продолжала страдать от вражеских набегов — её разоряли Тохтамыш, Едигей, Улу-Мухаммед... Ничего не поделатъ — путь на Москву для золотоордынцев и крымчаков лежал через Коломну, игнорировать главный форпост русской столицы для вражеских полководцев было верхом беспечности... Да и соблазн пограбить богатый город был велик. Наконец, в XVI веке деревянные укрепления заменили на каменные — те самые, которые надёжно защитили Коломну от посягательств внешнего врага, но пали жертвой деловитых горожан, когда военная угроза миновала...

Но и те семь башен кремля, что остались, впечатляют. Настоящие суровые воительницы, не тронутые декоративно-пряничным макияжем. Особенно выделяется та, что выходит на речку Коломенку и зовётся посему Коломенской, а в народе — фривольно Маринкиной. Баят, что в эту башню якобы была заточена самозваная «русская царица» Марина Мнишек. В ней то ли закончила свои дни, то ли, обернувшись сорокой, вылетела из бойницы в неизвестном направлении. Так вам, скорее всего, расскажут в Коломне, хотя летописные источники беспардонно обманывают, что авантюристку-полячку уморили в Москве. А с Коломной её связывает лишь совместное местопребывание в городе с её последним мужем — атаманом Заруцким — в 1612 году.

Настойчивая Маринка пытается влезть яркой сказкой в историю города, но, надеемся, ей не затмить другие — куда более интересные, значимые, достойные, а главное — реальные, а не мифические события в его жизни. Коломна широка, как русская душа, и многогранна, как бриллиант в ожерелье русских городов: то ли золото на красном, то ли красное на золотом. Всё зависит от того, как вы на неё смотрите — как на неприступную старинную крепость или на как на уездный город, живущей своей днём суетной, вечером размеренной купеческой жизнью. На самом деле это один и тот же город. Кардиограмма Коломны соединила два биоритма в одно. Тут есть место и суровому витязю, и ухарю-купцу. И канатной фабрике Алексея Михайловича «Тишайшего» (канаты пригождались при строительстве знаменитого парусника «Орёл» тут, неподалёку — в Дединове), и пастиле Екатерины Алексеевны «Великой». Паровоз конструктора Льва Лебедянского органично соседствует с конным дилижансом, на котором каждый, кто не поскупится, может совершить прогулку по кремлю. Он, в отличие от многих других старинных кремлей (в первую очередь московского) — живой. То есть, простите, жилой. Тут не только башни, церкви и музеи — тут живут люди.

Душевно.

СВЯЩЕННАЯ ГРОЗА КУЛИКОВА

Путь на поле русской ратной славы, не побоимся сказать — на поле, где родился русский национальный дух, — лежит через маленький городок Епифань. Не городок даже — посёлок городского типа. Но маршрут паломников на Куликово традиционно мимо не проходит. И дело не только в «полюбоваться красивым видом города из-за Дона», хотя этот вид, формируемый широченной поймой, крутыми склонами холмов и двумя храмами — грандиозным ампирным Никольским собором и изящной Успенской церковью «что на Федосеевом городище» — категорически и безапелляционно красив. На самом деле епифанский историко-этнографический музей является филиалом музея-заповедника «Куликово поле».

Что же объединяет с той битвой небольшой посёлок, возникший на целых двести лет позже?

В основном, легенды.

Все они так или иначе связаны с Федосеевым городищем. Начало общее: в 1380 году здесь жил игумен Епифаний, настоятель Успенского Федосеева монастыря, что на Дону. Этот самый Епифаний будто бы единолично задержал спешащие на помощь Мамаю войска литовского князя Ягайла. А вот как он это сделал — версии расходятся. Согласно первой, накануне Куликовской битвы игумен отправил братию сражаться, а сам поджидал литовцев; когда же те подошли, хитростью удерживал их «и три дня угощал», спойл, проще говоря. Якобы, когда Ягайло таки понял, что на самом деле происходит, в ярости приказал Епифанию казнить, да только поздно было — «мамаевцы» бежали... По другой версии, для игумена всё кончилось хорошо, да и братия на Куликово не ходила, а литовцы просто остановились в этих краях на постой. Воспользовавшись этим, старец подложил им в обоз икону Николая Чудотворца, которая не давала лошадям трогаться с места. А когда образ обнаружили, все, кто стал над ним глумиться, ослепли... Согласно этому варианту легенды, Ягайло в ярость не приходил, а наоборот, убоялся, икону оставил, монастырскую братию не тронул и поспешно удалился обратно в Литву. И, якобы, на том месте, где стояла «заклинившая» телега, построили в честь Николая Чудотворца собор, а возникший вокруг него город называли по имени игумена — Епифанью.

Увы, обе эти легенды не соответствуют действительности... Войска Ягайла до места, где стоит нынешняя Епифань, возможно, и дошли — насколько известно, в момент битвы они стояли в одном переходе от Куликова поля, это около 30 километров — тут вроде сходится; однако никто их там явно не задерживал. Напротив, московский князь Дмитрий Иванович, узнав о приближении противника, вынужден был совершить перед сражением дополнительный тактический рывок — перейти Дон и сжечь за собой мосты. С одной стороны, это не давало «литве» возможности на следующий же день с ходу вступить в битву; с другой стороны, русское войско вынуждено было сражаться «с плацдарма», а не из-за естественной преграды, что было бы, разумеется, проще. Так или иначе, литовцев «вынесли» из боя без единого удара секиры, а меряться силами с победившим, пусть и сильно потрепанном, русским войском Ягайло не рискнул, ограничившись жуликоватым разорением оставших обозов.

Третья легенда гласит, что холм, на котором стоит Успенская церковь — на самом деле не холм вовсе, а огромный курган, кладбище воинов, умерших от ран при возвращении с Куликова. Так или не так — не будем вы-

яснять, не станем портить легенды, придающей Епифани былинный, героический ореол. Просто поклонимся памяtnому кресту. Ощутимая святость места не зависит от того, насколько исторически точны древние предания.

...Армии прошлого проходили тридцать вёрст за суточный переход, нам же переезд от Епифани до Куликова поля стал в полчаса. По мере приближения к месту ждётся чего-то сакрального, даже навесы автобусных остановок, все как один принявшие вид древнерусских шоломов, настраивают на определённый лад. Вот позади мост через Дон... и вот оно поле. Просто поле, такое же широкое и раздольное, как тысячи других полей. Что ж, ожидания обмануты? Но странным образом не испытываешь никакого разочарования, напротив: тут-то и настагает мысль, что Куликово поле оказывается тождественным России. Что Россия — это тысячи Куликовых полей, а поле вобрало в себя всю Русь. Как первичная маленькая клетка, из которой, делясь и набираясь сил, вырос большой организм.

На самом деле летописи сильно преувеличили размах того сражения и численность противоборствующих войск — очевидно, таким образом стремились подчеркнуть значимость происходящего. Разумеется, ни о каких сотнях тысяч бойцов с каждой стороны речи не шло, тем более что археологические изыскания сильно ужали территорию, на которой разворачивался бой, по площади; такое количество людей на ней просто бы не поместилось, не говоря уже о необходимости сколько-нибудь эффективно воевать. Вернее всего, Москва и союзники выставили сорок — шестьдесят тысяч человек против имевшего полуторное превосходство Мамай, на стороне темника сражалась также элитная генуэзская пехота. Так что манёвр Дмитрия с выходом не только за Оку, но и за Дон татарину должен был казаться чем-то между самодурством и самоубийством.

В полдень 8 сентября 1380 года, после стычек застрельщиков, после легендарного поединка инока Пересвета с Челубеем (он вошёл в каноническую агиографию и историю, хотя ничем, кроме художественного «Сказания о мамаевом побоище» не подтверждён) — два войска схлестнулись. Сковав русские силы жестокой сечей по центру, Мамай перенёс острие атаки на полк левой руки и в какой-то момент тот, не выдержав напора, стал откатываться к Непрядве. Преследование вот-вот грозило перерасти в истребление. За происходящим с тоской наблюдали в русском засадном полку, не вступавшем в бой вот уже несколько часов. Полком командовал двоюродный брат Дмитрия Ивановича — Владимир Храбрый (Серпуховской) при содействии воеводы Дмитрия Боброк-Волынского. Это Боброк вместе с Великим князем Московским планировал стратегию битвы, это он накануне боя «слушал землю», предсказав русским победу с тяжёлыми потерями... Видя, что «тяжёлые» вот-вот станут «критическими», Владимир Храбрый порывался броситься на помощь, но Боброк удерживал его до тех пор, пока татарская конница не подставила засадному полку тыл.

Удар русского резерва был ошеломляющим. Татары, вот-вот намеревавшиеся вогнать в Непрядву русский фланг, сами внезапно оказались вбиты в реку, дезорганизованы, смяты. В этот критический момент у Мамай сдали нервы: у него уже не было резервов, и он не знал, что у московского князя их тоже больше нет. Можно было попытаться исправить положение, перегруппировать оставшиеся силы — благо основное войско русских тоже было основательно истреблено; но запаниковавший темник предпочёл бежать с поля боя. Увидев бегство предводителя, побежала вся армия. Гнать и добивать их для свежего засадного полка было делом техники. Русские

потеряли на Куликовом поле примерно половину своих бойцов; со стороны татар спасся лишь каждый девятый. Князь Дмитрий не просто возвращался в Москву победителем: он входил в историю Дмитрием Донским...

...Создать на Куликовом поле мемориал решили ещё до появления самого понятия «мемориал», несколько столетий назад. Когда в XVI–XVII веках эти места вновь стали обживать русские люди — стоило им только начать пахать, земля тут же возвращала обломки стел и мечей, фрагменты доспехов, нательные крестики... И к концу XVII века в ближайшем селе Монастырщине возвели первый деревянный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы (именно в этот день состоялась битва). Говорят, о сохранности Куликова поля и его окрестностей заботился Пётр I. Царь, контролируя строительство знаменитых Епифанских шлюзов, заодно распорядился поставить клейма на деревья заповедной зелёной дубравы, когда-то укрывавший засадный полк — дабы никто не посмел их вырубать.

В XIX столетии деревянную церковь заменили каменной. Сначала это был обычный деревенский «долгострой», за четверть века осилили только колокольню и придел. Но тут по счастливому случаю подошла круглая дата — 500-летие Куликовской битвы, и на строительство стали скидываться всем миром — от местных помещиков до Александра II. Правда, к сроку всё равно не успели, зато в итоге далеко видный красный кирпич и весьма уместные тяжёлые главы-шлемы вписались в пейзаж на редкость удачно.

У стен церкви — простой и трогательный мемориал павшим русичам. Аллея Памяти и Единства, она же «аллея городов»: мемориальные камни землякам поставили благодарные потомки из Москвы, Коломны, Серпухова, Галича, Костромы, Белозерска, Пскова, Полоцка, Ярославля, Ростова, Владимира, Брянска, Курска, Калуги, Орла, Лопасни-Чехова, Липецка и Рязани. Связующее звено Аллеи — статуя Дмитрия Донского работы скульптора О. Комова.

Вторая часть мемориального комплекса находится на другой стороне поля, на Красном холме, где располагалась ставка Мамай. Идея поставить памятник здесь родилась в начале XIX века и принадлежала историку и археологу Степану Нечаеву. Начинание одобрил Александр I, правда, император вскоре скончался. А наследнику престола — Николаю I — после восстания декабристов долго было не до Куликова поля. Лишь в 1834 царь «вспомнил» о монументе и утвердил эскиз. Автором проекта был знаменитый архитектор Александр Павлович Брюллов (брат не менее знаменитого живописца). Правда, приняли проект к исполнению только в 1847-м. Ещё два года потребовалось на то, чтобы изготовить 200 чугунных элементов колонны. И вот наконец в 1850 году, 8 сентября, в день Куликовской битвы состоялось торжественное открытие. Брюллову удалось создать из чугуна невероятно изящное и в то же время монументальное сооружение — каким и подобает быть памятнику воинской славы.

В те годы уже витала в воздухе идея увековечить на Красном холме память ещё и Сергия Радонежского. Но опять же — на реализацию потребовались десятилетия. Закладку церкви по проекту А.В. Щусева (маститый академик известен Мавзолеем В.И. Ленина и Казанским вокзалом Москвы, но строил и храмы) осуществили только в 1913 году, а достроили — аккурат в 1917-м. Освящали церковь уже после Октябрьской революции. Это сооружение, как впрочем, и большинство проектов Щусева,

весьма необычно. В концепции храма Сергия Радонежского он соединил две боковые башенки (напоминающие двух витязей в шлемах) с традиционным «московским» основным объёмом пятиглавой церкви и добавил новгородско-псковскую звонницу, интерпретированную наподобие боевого хода крепости...

ВРАГ НА ТОМ БЕРЕГҮ

Для того, чтобы окончательно закрыть тему монголо-татарского владычества, нам придётся перенестись за 250 километров от слияния Дона и Непрядвы. В Калужскую область, на берега реки Угры близ города Юхнов. Сейчас это маленький, почти ничем не примечательный шеститысячник, выжженный Великой Отечественной войной и восстановленный уже после неё. А в 1480 году, спустя век после Куликовской битвы, где-то здесь решался принципиальный вопрос: быть или не быть Московии суверенным государством.

Платить дань Орде Иван III перестал ещё в 1476 году, а потом и вовсе отказался признать зависимость от Сарая. Хан Ахмат организовал поход на Москву, Москва потребовала от Великого князя поставить «басурман» на место. Ахмату помогала Литва: она пропустила ордынское войско через свои территории, сопроводив проводниками на Мценск — Одоев — Воротынский. Русские, приняв решение использовать для обороны водную преграду, перемещались вдоль течения Оки. Войска сошлись по обе стороны Угры.

Попытка татар форсировать реку с ходу была легко отбита готовыми к такому развитию событий войсками Ивана III. Последовавшие переговоры ни к чему не привели, и стороны приступили к «войне нервов», для татар быстро превратившейся в войну на истощение. Стояла осень, кончался подножный корм для лошадей, а тут ещё тогдашний союзник московского князя — крымский хан Менгли-Гирей атаковал Литву, оставив Ахмата без сторонней поддержки. В довершение всего Иван III направил «летучий отряд» в глубокий тыл ордынцев. Совокупность угроз заставила Ахмата 11 ноября отбить отбой не солоно хлебавши, в качестве сомнительной сатисфакции пограбив по дороге Козельск. Парадоксальным образом практически в тот же день Иван III решил провести передислокацию сил, так что фактически обе армии ушли от Угры одновременно! Но если Москву техническая ничья полностью устраивала (сохранение статус-кво — не платили и платить не будем), то для Орды она обернулась катастрофическим поражением: потеря данников, ослабление хана, начало усобицы и в итоге — крах государства.

Глава 3

ПОДВИЖНИКИ РУСИ

ЕХАЛ ЧЁРТ В РОСТОВ, ДА ИСПУГАЛСЯ КРЕСТОВ

Гтарая поговорка в полной мере описывает облик Ростова Великого. Многочисленные кресты на главах Архиерейского дома, городских и пригородных монастырей, приходских церквей способны поразить воображение любого. Если смотреть на город со стороны озера Неро, он вытягивается вдоль западного берега целой цепочкой чудесных архитектурных ансамблей. Белые всплески храмов и башен отзеркаливаются в водной глади, словно вырастают из неё. Не случайно Ростов часто сравнивают с легендарным Китежем, хотя и знают прекрасно, что тот находился не здесь, а в Нижегородском Заволжье, на берегу озера Светлояр.

А у Ростова — Неро. Благодарное к труженику, изобильное рыбой, способствующее развитию огородничества (до сих пор ростовский лук среди лучших в России почитается). Люди жили тут с древних времён. «А в Ростове меря», — говорит «Повесть временных лет», упоминая город в числе первых на Руси, за 862 годом. Кто-то утверждает, что позднейшая приписка; да хоть бы и так, только люди на берегах Неро жили задолго до 862-го. Найденное археологами Сарское городище недалеко от современного города датируется VII веком. Некоторые исследователи полагают, что некоторое время сосуществовали оба вместе: Сарское как мерянский племенной центр, Ростов — как оплот княжеской власти.

Город, быстро принявший христианство (991 год), стал важнейшим миссионерским центром Северо-восточной Руси. Ростовская и Суздальская епархия (с центром в Ростове) была в числе первых шести кафедр, образованных ещё в составе Киевской митрополии Константинопольской православной церкви! В XI веке Ростову подчинялись церковники Владимира, Ярославля, Муром, Низовской земли, Верхневолжья, Белозерья и Сухоны вплоть до самой Перми Великой! Со временем, конечно, епархию «разукрупняли», но статус повышался: в 1390-м — доархиепископии, в 1589-м — до митрополии, пока наконец в 1786 году кафедру не утянул себе разросшийся Ярославль.

Ростовская земля дала Руси немало святых и известных церковных деятелей. Подвижник Авраамий и юродивый Исидор, епископы Димитрий и Леонтий носят прозвания Ростовских. Особняком в этой плеяде стоит митрополит Иона III Сысоевич, который, хоть и не удостоился канонизации, оставил по себе вполне осязаемую память на Земле — тот самый Архиерейский дом, в кавычках именуемый «ростовским кремлем».

Иона был человеком кипучей энергии и страстным любителем построить. Толгский монастырь в Ярославле, Воскресенский в Угличе и Архангельский в далёком Устюге — всё это результаты «строительного бума», всколыхнувшего при нём всю митрополию, но главные жемчужины — конечно, у себя, в Ростове. Близ уже существующего главного храма города — Успенского собора (1512) в 1670–1683 годах развернулось строительство грандиозного комплекса с церквями, палатами и башнями (правда, скорее стилизованно-декоративными, нежели действительно боевыми). Единый заказчик, единое время постройки, единый композиционный и идейный замысел вкупе с высококлассным исполнением поставили «ростовский кремль» в число редких стилистически монолитных ансамблей, наряду с Новым Иерусалимом, Спасо-Евфимьевым монастырем Суздаля и Кирилло-Белозерским монастырем.

Музей-«древлехранилище» в Архиерейском доме открылся ещё в XIX в. В 1918 году на его основе организовали Государственный музей древностей, с 1958-го это — музей-заповедник, объединивший массу бесценных произведений искусства — от грандиозных архитектурных сооружений до крошечных финифтяных брошек.

РОСТОВСКАЯ ФИНИФТЬ

Удивительное дело — Ростов никогда не был ювелирным центром, но именно в нём появился промысел, прославивший город не только в нашей стране, но и за рубежом. Речь о ростовской финифти — живописи по эмали.

Как её делают?

В принципе, эмаль — стекловидный сплав на металле — пришла в наши края из Византии, и в переводе с греческого означает как раз «сплав». И хотя цветные эмали применялись для украшения металлических предметов ещё в эпоху Киевской Руси, во второй половине XVIII века мастера перешли именно к живописи по эмали. В первую очередь это стало возможным благодаря получению французскими ювелирами разноцветных окислов металла. Из них можно было делать огнеупорные краски, ведь прежде чем изделие будет готово, его многократно обжигают в специальных печах. Сначала готовится «базовый» слой эмали — её покрывают медную пластину и обжигают, достают, снова покрывают — и опять в печь. Потом на бумаге создаётся рисунок. Его прокалывают иглой по контуру, накладывают на пластину и натирают смесью скипидара и сажки. А уже потом полученное изображение раскрашивают. При этом каждый красочный слой также обжигается в печи. Именно благодаря обжигу ростовская финифть не теряет своей яркости столетиями!

Как она стала популярной?

Это в наши дни из финифти делают всевозможные ювелирные украшения и изящные шкатулки. А первоначально мастера писали только иконы, причём работали главным образом по заказу Архиерейского дома. Кроме того, иконы из финифти украшали алтари, царские врата и оклады священных книг. Но во второй половине XVIII века кафедра переехала в Ярославль, и главными заказчиками финифтяных дел мастеров стали монастыри, в первую очередь — Спасо-Яковлевский. Они принимали паломников, которые охотно раскупали небольшие написанные на эмали иконы. Художники осваивали новые техники, активно применяя всевозможные изобразительные приёмы — игру светотеней, придание изображению объёма при отсутствии дальних планов. Обыгрывали как русские, так и западноевропейские мотивы. А на рубеже XIX–XX веков мастера ростовской финифти для изготовления своих произведений всё чаще стали использовать машинную живопись, а не только ручную. Это поставило производство на поток и позволило трудоёмкому промыслу выжить.

«Настоящая» же крепость Ростова гораздо больше «кремля». Только из укреплений сохранила лишь валы да частично ров, так что человек неподготовленный может и мимо пройти, мельком бросив взгляд — что, мол, за куча земли? Ну и детям зимой на ледянках покататься — раздолье.

Меж тем это довольно продвинутая для первой половины XVII века крепость бастионного типа, хотя и построенная уже после разорения города в Смуту и в боях не поучаствовавшая.

Замечательны ростовские монастыри. Древний Авраамиев-Богоявленский основан в XI веке — один из первых на Руси! Живописный Спасо-Яковлевский — удивительно гармоничный синтез барокко, классицизма и псевдоготики, архитектурная сказка, встречающая гостей на подъездах к Ростову от Москвы. Троице Сергиев Варницкий — на родине преподобного Сергия Радонежского, стёртый с лица земли в XX веке и восстановленный уже в наше время. Ждут своего часа Рождественский и Петровский монастыри, дошедшие до наших дней в запустении и с многочисленными утратами, но теперь возрождаемые к жизни.

БОРИСОГЛЕБ

Коль скоро речь зашла о крепостях и монастырях, нельзя не рассказать про «два в одном». Посёлок Борисоглебский — не совсем Ростов, придётся проехать, но оно того дважды стоит: во-первых, дорога просто восхитительна, во-вторых, то, что встретит нас в конце пути, непохоже ни на что иное в Центральной России.

Представьте себе своего рода архитектурную смесь сүздальского Спасо-Ёвфимьева монастыря и уже виденного нами Архирейского дома. Тяжеловесные краснокирпичные стены — настоящая твердыня, солидные башни и древние храмы — но всё это в узорочной ростовской трактовке, с многоцветьем, резьбой и изразцами, многочисленными ширинками-гирьками-наличниками, превращающими крепость в произведение не просто инженерного искусства, а вообще — искусства!

Каменное строительство в монастыре, «державшем» важную дорогу Ростов — Ёглич, продолжалось целых сто пятьдесят лет — с середины XVI века по конец XVII. Что-то постоянно обновлялось, надстраивалось, возводилось заново. Этим и объясняется удивительное сочетание сүгубо военной функциональности и декоративности, ранее ставившее в тупик многих исследователей!

Борисоглеб-на-Ёстье был мощной крепостью. Но истинную славу ёму принесла крепость дүха. В конце XVI — начале XVII столетия здесь подвизался затворник Ирнарх. Был исключительным аскетом, жил в крохотной келье-клетүшке у монастырской стены, тридцать лет не снимал вериг. Ёсть предание, что когда в обитель вошли войска Речи Посполитой, Ян Ёапега хотел лично увидеть святого старца, обрёкшего себя на добровольное затворничество (шляхтич именовал Ирнарха «батькой»). И вот «батька» предсказал польскому полководцү, что тот погибнет, если не откажется от своих планов завоевания русской земли. Даже вроде убеждал Ёапегү үбратиться восвоися, да тот, понятное дело, не послушал. Чүть позже Ирнарх благословит Минина и Пожарского на освобождение Москвы; но это бүдет в 1612 году, и Ёапега об этом үже не үзнает. Завоеватель үмер от болезни в московском кремле в 1611-м.

НЕБЕСНЫЙ ГРАД ЗВЕНИГОРОД

На въезде в историческую часть Звенигорода стоит «двойной» памятник. Сидит почтенный старец в монашеском одеянии, рядом стоит воин со шлемом в руке. Из подписи следует, что это преподобный Савва Сторожевский и князь Юрий Звенигородский. Пытливый гость города, обойдя памятник кругом, вычитает на табличке (она почему-то сзади постамента), что благодарные потомки поставили памятник святому и его духовному сыну, «прославившим Звенигород в веках». Что верно, то верно — без Саввы и Юрия старинный город-крепость так и остался бы малым пригородом Москвы, а может и канул бы, как канули Борисов-Городок, Хатунь, Перемышль-Московский и Брашева.

О преподобном Савве чүть позже, сначала о Юрии — не по старшинству, но по хронологии, ибо он появился в Звенигороде первым.

Нет, не основатель — первые годы существования Звенигорода теряются в глубине веков, хотя молва по традиции приписывает строительство города вездесущему Юрию Долгорукому. Его звенигородский тезка, живший полтора века спустя, сын Дмитрия Донского и крестник Сергия Радонежского, получил по отцову завещанию порядочный удел — собственно Звенигород, Рузу, а «в довесок» к ним — удалённые Галич и Вятку. Столицу Юрий, по здравому размышлению, оставил в «ближнем Подмосковье» и начал свой городок активно укреплять и благоукрашать. Так, в 1396 году он — сам человек очень набожный — обнаружил в своём уделе богатые залежи белого камня, который тут же пустил на богоугодное дело: начал строить соборы.

Успенский храм на Городке считается древнейшим из дошедших до нас храмов Московии. Расписывать его князь пригласил артель опытных иконописцев, в числе которых был молодой монах Андрей Рублев. Он же, кстати, написал потом и удивительный «Звенигородский чин», фрагмент которого нашли случайно уже в XX веке. Дело, рассказывают, было так: в 1918 году на Городок снарядили искусствоведческую экспедицию. Один из её участников, разбирая хлам и доски в старом каком-то сарае, случайно наткнулся на почерневшую от грязи и копоти икону Спасителя. И слава Богу, что образ сразу оказался в руках знатока, сумевшего понять, какое сокровище обрёл!

Городок — сердце Звенигорода, его старая крепость, строго говоря, кремль. Вот только бесполезно спрашивать жителей города, где у них тут кремль (а самому найти его незнакомому со здешней географией не враз получится). Кремлем звенигородцы свой Городок не воспринимают, так и отвечают: «Кремль — в Москве». Хотя справочная табличка русским по жёлтому пишет — «кремль». Городок — он и есть Городок. Высоченные валы, куда, как по серпантину, можно заехать по грунтовке на автомобиле, да старый собор. У подножия холма — источник, воду набирают пятилитровыми пластмассовыми бадейками, в общем — всё, как положено в священных местах.

Юрий Дмитриевич Звенигородский прославился не только возведением соборов, но и очень успешными походами против татар — за 150 лет до Грозного взял Казань (правда, цели присоединить ханство к русским землям тогда не ставилось). С побеждёнными бывал милосерден, за что особо отмечен в летописях. А в конце своей «княжьей карьеры» таки ославился. В 1425-м, после смерти Василия I, пятидесятилетний Юрий стал оспаривать стольный город у совсем юного, но уже амбициозного Василия Васильевича, будущего Тёмного. То демонстративно не подчинялся московскому лидеру, то примирялся с ним и признавал его верховенство (надо думать, тяжко давалось это заслуженному князю — подчиняться малолетке)... А в 1430-м, купно со своими сыновьями, небезызвестными Василием Косым и Дмитрием Шемякой, вступил в вооружённое противостояние. Пару раз, хоть и недолго, сидел в Москве. Конечно, очередь престолонаследия — штука тонкая, и сын Дмитрия Донского, возможно, имел прав на столицу побольше, чем внук, но... чем закончилось противостояние — всем известно. Юрий почил в Бозе на великокняжеском престоле, полностью удовлетворив свои амбиции, а его потомки неистово грызлись с жаждущим реванша Василием, самозабвенно ослепляя друг друга и изнуряя народ распрями.

Духовник звенигородского князя, верно, эту усобицу не оценил бы. Но он её уже, по счастью, не видел...

Савва Сторожевский — пожалуй, один из самых необыкновенных святых Русской православной церкви, если к святым вообще применимы критерии «обыкновенности». Но кто ещё из канонизированных может похвастаться тем, что их житие перекладывал на современный русский язык сам А.С. Пушкин?

Происходил Савва, судя по всему, из очень богатой семьи; как с большой долей вероятности предполагают, его родители были смоленскими боярами. Неслучайно о нём говорили, что он оставил «мягкие одежды» и много имущества, придя 18-летним юношей в обитель преподобного Сергия Радонежского. Иноческие подвиги молодого человека были столь ревностными, что со временем он стал священником и духовником всей обители. Более того, после смерти Сергия и ухода в затвор его преемника Никона именно Савву попросили занять место настоятеля Троице-Сергиева монастыря...

Прошло ещё какое-то время, и Юрий Звенигородский позвал преподобного в Звенигород, устроить монастырь там. Савва не стал отказывать. И вот в 1398 году он впервые оказался в неведомом ему доселе городе-форпосте Москвы, защищавшем столичные земли от шедших с запада недругов. Первый монастырский храм Савва возвёл прямо посреди леса. Его освятили в честь Рождества Богородицы. Очень быстро обитель стала прирастать насельниками, славой и богатством — Юрий Дмитриевич монастырю благоволил. Игумен не оставался в долгу — он, как известно, благословил Юрия на тот самый поход против Казани (так когда-то наставник Саввы — Сергей — благословил на битву отца Юрия — Дмитрия Донского). Князь вернулся домой быстро и со славой, покорив 14 городов.

Но более Савву интересовало устройство духовное. Он хотел превратить Звенигород земной в «Звенигород Небесный», оплот «благочестивого княжения» — просвещённой, нравственной власти. Как двойная звезда, вращались друг вокруг друга центр светский и центр духовный — высокостоящие на холмах Городок и Саввино-Сторожевский монастырь.

Преподобному Савве недолго было суждено провести в городе — чуть менее десяти лет. В декабре 1407 года он скончался. Но и после смерти продолжил творить чудеса. Например, спас во время охоты царя Алексея Михайловича — отвёл медведя. Вообще Тишайший Сторожевскую обитель очень жаловал, устроил в ней загородную резиденцию, и надо полагать, небесный покровитель платил государю взаимностью.

А ещё в 1812 году преподобный Савва являлся приёмному сыну Наполеона. Дело было так. В Сторожевском монастыре тогда разместился штаб Четвёртого корпуса «Великой армии», которым командовал Эжен Богарне — пасынок императора и вице-король Италии. Сам он потом вспоминал: прилег отдохнуть, как вдруг явился ему старец в длинных одеждах. Попросил не грабить обитель, и тогда, мол, Эжен будет выходить целым и невредимым из всех сражений. А потомки его вернуться в Россию... Утром Богарне зашёл в храм, где увидел образ Саввы и понял, с кем разговаривал ночью. Он постарался в точности выполнить просьбу хранителя монастыря. И действительно, Богарне стал единственным из сподвижников Наполеона, кто остался в живых и не пострадал даже после падения французского императора. А его сын Максимилиан Лейхтенбергский в 1839 году приехал в Россию, чтобы поклониться мощам святого Саввы Сторожевского. Здесь герцог принял православие и женился на дочери Николая I.

Пророчество Саввы продолжало сбываться: род Богарне отныне был тесно связан с Россией, и даже в 1995 году в Звенигороде побывала монахиня одного из французских православных монастырей — 70-летняя Елизавета Богарне... А под Парижем есть часовня во имя православного святого — разумеется, Саввы Сторожевского. Редкий и необыкновенный случай.

Обитель преподобного Саввы — из тех мест, которое воспринимается не соматическими органами чувств, а более на ощущениях. Ещё на подходе монастырь производит впечатление некой загадки. Может, оттого, что его не так-то просто охватить взглядом: обязательно что-то важное «спрячется»? Взобравшись на вершину холма, следуя его рельефу, святая крепость утопает в зелени деревьев, а ревнивые стены не дают праздному путнику потешить любопытство, мельком заглянуть — что там внутри? Нет, ты будь любезен, зайди, да как положено, да поклонись — Сторожевский монастырь более, чем другие, не терпит суеты. Здесь равно не от мира сего смотрятся удержавшийся в черте обители музей, до блеска натёртая православными суеверами ступня на памятнике Савве, набившиеся на парковку у подножия холма недешёвенькие автомобили, сувенирные ларьки и прочая атрибутика современной «Царской дороги». Так назывался тракт в любимый монархами монастырь в прежние времена. Ныне, продолжая помпезные традиции, он именуется Рублёвкой. Только в обитель преподобного Саввы больше не ведёт — в Звенигород ездят по другому шоссе. А «Царская дорога» заканчивается на той стороне реки, упираясь в село Дунино. Запомним это название.

Самое древнее сооружение Сторожевского монастыря — собор Рождества Богородицы. Традиционно считается, что заложил его сам преподобный, а строили — с финансовой поддержкой князя Юрия. Современные исследователи, правда, склонны оспаривать общепринятую датировку храма — 1405 год. Собор, так или иначе, — классика русской архитектуры XV–XVI веков, а вот звонница XVII столетия — это уже нечто совершенно оригинальное. Вряд ли где-то ещё доведётся увидеть что-то подобное: дерзкое нагромождение островерхих шатров, кажущееся на первый взгляд хаотичным, и только приглядываясь, начинаешь понимать архитектурную логику. Симметрии не ищите — не найдёте, с ней вообще зодчие эпохи узорочья не церемонились, такая была особая стилистика, «антиклассицизм» чистой воды. На подобную смелость архитекторы русских храмов более не решались — даже тогда, когда отрицать классицизм сделалось модно, то есть в эпоху «псевдорусских» ретроспектив. А в XVII веке всё было просто и получалось как-то гармонично. Чутьё, что ли. Не замыленное теоретическими выкладками.

Ну, а о том, что монастырь был всё-таки могучей крепостью, напоминают башни. Их сохранилось шесть из семи. Четыре удостоены имени собственного: Красная, Водовозная, Усовая, Житная. Две называются по сторонам света: Северо-Западная и Северо-Восточная. Все они внушительные и даже суровые, кроме Красной, — так ведь это же парадный вход в монастырь. Башню украсили высоким шатром с «чердачком» и главкой и двумя большими киотами — с изображениями Богородицы и святых Саввы и Сергия.

Правда, именно как крепости обители послужить не довелось. Каменную твердыню возводили уже после Смуты, в которую Звенигород жестоко разорили оба Лжедмитрия. Петровская Северная война гремела много западнее, а уж дальше осады крепостей были скорее исключением, нонсенсом военного искусства.

Лишь дважды ещё на этой земле хозяйничали захватчики: упомянутые уже французы в 1812-м и немцы в 1941-м. Но если наполеоновцы всё же дошли до Москвы, гитлеровцам Звенигород стал «костью в горле». Захватив в конце ноября Истру, враг вплотную подошёл к звенигородским предместьям. Началась эвакуация. В попытке вывезти и спасти случайно разбили главный монастырский колокол — 35-тонный Большой Благовестный. Это он украшает герб города, а звон его, говорят, доносился до самой Москвы... Уже в наши дни на звонницу водрузили ему достойную замену. А тогда, в 41-м, врагам недолго дали любоваться в бинокли звенигородскими окрестностями: уже к 5 декабря советские войска перешли в наступление и отбросили немцев.

Друзья же могут любоваться здешней красотой сколько душе угодно. Звенигородский край ещё в позапрошлом веке приобрёл славу «подмосковной Швейцарии». Очень уж воздух здесь был замечательный. Тогда же среди состоятельных горожан возникла мода на дачи. Их было выгоднее содержать, чем дорогие огромные патриархальные имения. Дворянские гнёзда приходили в упадок, на смену им приходили дачные поселки...

И так уж сложилось (верно, и впрямь что-то в воздухе?), что звенигородские края всегда привлекали людей, так или иначе связанных с литературой и искусством. На бабушкиной даче в Захарове прошли детские годы Пушкина, в Саввинской слободе начинал писать картины Левитан, в звенигородской больнице работал врачом Чехов. Здешние пейзажи вдохновляли композитора Танеева и писателя Горького... А уже после Великой Отечественной в селе Дунине приобрёл дачу Пришвин. Сейчас эта усадьба превратилась в музей, где по сей день очень трепетно относятся к памяти Михаила Михайловича, бережно охраняя всё — от «аутентичного» цвета стен и потолков в комнатах до обстановки и незастеклённой веранды. Да и на приусадебном участке всё, как было при знаменитом владельце — те же пчелиные ульи, те же деревья и та же сосна из «Корабельной чащи».

В КРАЮ СВЯТОГО ИОСИФА

Места на земле древнего Волока благодатные. Это даже не пейзаж, а мелодия: мягкие, размеренные волны поросших травой холмов, перерезанные синкопированными завихрениями перелесков и речушек, стаккато маленьких озёр, а за ними, фоном — мрачные, как соло контрафагота, нисходящие глиссандо болот. Дорога не режет, а ведёт эту мелодию; едешь и любишься.

Волоколамск впервые упоминается в 1135 году — старожил подмосковного края. Впрочем, тогда Москвы ещё не было, а Волок-на-Ламе был новгородским городком, контролировавшим, собственно, волок — сухопутную переправу кораблей из Ламы в Волошню, перевалочный пункт пути «из варяг в греки». Интересную модель этого волока (и множество сопутствующих археологических находок) можно увидеть в городском музее. Он располагается в кремле, и ныне доминирующем над городом; пусть стен не сохранилось, зато холм — огромный, собор — древний (XV век), а колокольня — высокая. Летом на неё пускают — полюбоваться окрестностями.

В общем, Волок Ламский был пунктом значительным. Немудрено, что за него с новгородскими сражались и владими́ро-суздальские, и московские, и смоленские, и даже литовские князья; в XVI веке — уже прочно за Москвой.

В драматический момент, когда город искал свой «исторический путь», в этих краях явился подвижник Иосиф, получивший впоследствии прозвание Волоцкий.

Иван Санин родился неподалёку от Волоколамска — в селе Язвище в 1439 году (дата условная). В двадцать лет постригся с именем Иосиф и вскоре обосновался в обители Пафнутия Боровского. То был уже достаточно богатый монастырь, а сам его основатель и первый настоятель отличался особенным трудолюбием. Иосиф снискал особую симпатию игумена, в частности потому, что «в потребах служения монастырского искусен бе паче всех сущих тамо». Пафнутий видел своим приёмником именно Иосифа. Однако став настоятелем, тот попытался ввести строгий общежительный устав, вызвав возмущение братии. В итоге он покинул стены обители, некоторое время поскитался по другим монастырям и в 1479-м вернулся на малую родину, под Волоколамск.

И вот в здешних лесах увидел он: внезапно налетевшая июньская буря стала валить лес, словно расчищая место для будущей обители. Иосиф понял, что это знак... Сначала на том месте воздвигли крест и заложили деревянную церковь. Позже обитель назовётся по имени основателя — Иосифо-Волоцким монастырем.

Иосиф был не только игуменом, но и видным мыслителем своего времени. Часто обращался с духовными посланиями к другим церковным деятелям, князьям и мирянам, стал главным борцом с «ересью жидовствующих». Подробностей относительно сущности этого учения почти не сохранилось (Иосиф Волоцкий хорошо знал своё дело); известно, что еретики убеждали людей, будто никакой Святой Троицы не существует, отрицали божественную сущность Христа. Каким-то образом ересь захватила умы буквально всех слоёв общества — от простолюдинов до состоятельных граждан, добралась и до Москвы, до семьи Великого князя. Обличая еретиков, Иосиф написал целый трактат, позже получивший название «Просветитель». По сути, это был первый богословский труд по православию. Он написан «высоким штилем», но в других своих посланиях автор искусно выбирал наиболее подходящий язык, сообразно тому, к кому обращался. Многие называют Иосифа Волоцкого первым русским публицистом.

В последние годы своей жизни Иосиф Волоцкий тяжело болел. Согласно современным медицинским исследованиям его мощей (покоятся в Успенском соборе монастыря), у него был рак, он потерял зрение. Преставился настоятель монастыря в 1515 году, через 64 года был канонизирован как преподобный. А обитель процветала. Состоятельные люди жертвовали ей земельные угодья и деньги. Ведь сам Иосиф Волоцкий считал, что безусловное нестяжание должно касаться только личной жизни монахов, а вот монастырям в целом деньги нужны — необходимо приобретать иконы, книги, заниматься благотворительностью. Так, в неурожайные годы при Волоцкой обители действовала своего рода столовая, которая могла накормить до семисот человек в день! Монастырь старался приобретать для бедных крестьян семена и скот.

Ныне это один из самых красивых архитектурных ансамблей Подмосковья. Уникален тем, что сохранил практически нетронутым цельный облик монастыря-крепости второй половины XVII столетия, когда было построено или приняло современный вид большинство его памятников. Четырёхсотлетняя красота не потревожена ни вычурным барокко, ни сухим тяжёловесным классицизмом, ни беспардонным псевдорусским стилем с его

вездесущим красным кирпичом. От времён Иосифа дошёл только нижний ярус Богоявленской церкви с обширной трапезной палатой (1505 год). Собственно церковь получила нынешнее изящное и нарядное пятиглавие в 1682-м. Тремя годами ранее была построена узорочная надвратная Петропавловская церковь (зодчий Трофим Игнатьев), и оба храма, выполненные в одной стилистике, замечательно перекликаются друг с другом, создавая утончённый, уважительный аккомпанемент композиционному центру монастыря — Успенскому собору (1692).

Огромный, но не громадный, высокий, но не подавляющий, он охвачен галереями, подчёркивающими фактуру стен и оттачивающими пропорции храма до почти безупречных. Несколько поясов изразцового декора работы мастера Степана с «нецерковной» фамилией Полубес — изысканный художественный штрих на лаконичных стенах собора и дань уважения старинному русскому промыслу.

До 1941 года монастырский ансамбль украшала высоченная, в полтора раза выше собора колокольня. Она пала жертвой Великой Отечественной войны — взорвали её отступающие советские войска, опасаясь, что фашисты будут использовать её как наблюдательный пункт для наводки артиллерии. Тогда это решение сохранило не один десяток жизней. Но как жаль, что колокольни не стало! Это был не просто старинный памятник — исчезла связующая вертикаль, вокруг которой, как вокруг оси, обращалась не только сама обитель, но и её окрестности...

ПАНФИЛОВЦЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕКТЕКТИВ

Подвиг героев-панфиловцев, мужественно сражавшихся под Волоколамском у разъезда Дубосеково на подступах к Москве, описывался во всех советских учебниках истории. Мол, в ноябре 1941 года ценой собственных жизней 28 человек остановили вражескую танковую атаку, уничтожив 18 немецких машин. Широко известна и фраза политрука Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». Сообщения об этом подвиге появились в газетах, потом его воспевали в стихах и рассказах. Вот только почти всё упоминания о нём — за авторством одного человека (или написаны при его участии): сотрудника газеты «Красная Звезда» Кривицкого.

Информация о панфиловцах стремительно облетела все наши войска, добавляя стойкости защитникам Ленинграда и Сталинграда, поднимала дух и вдохновляла на подвиги. Однако сомнения в подлинности того героического боя 28 человек против нескольких десятков танков стали закрадываться ещё во время войны.

Началось с того, что в 1943 году, когда наши войска освобождали Харьковскую область, в плен попал служивший в немецкой полиции некий Иван Добробабин. Оказалось, что он участвовал в легендарном бою у Дубосекова и даже числился, как все панфиловцы, Героем Советского Союза. Но из допросов этого человека выяснилось, что он в том бою был ранен и взят в плен. И что врагу противостояло не 28 гвардейцев, а вся дивизия. Военная прокуратура начала расследование, но выводы комиссии обнародовали только в 1990-е. Из документов следовало, что у Дубосеково, действительно, шли тяжелейшие бои, что бойцы дивизии генерала Панфилова ценой больших потерь героически задержали вражеское наступление, но вот бой 28 панфиловцев признавался журналистским вымыслом.

Действительно, если бы такой бой, какой дали панфиловцы, имел место, то информация о нём сохранилась бы в донесениях как советских, так и немецких военных. Кроме того, известно, что серьёзного противотанкового вооружения у гвардейцев не было, так что отбить столь мощную атаку они бы физически не смогли. И, наконец, открытым остаётся вопрос, откуда журналисты узнали столько подробностей боя, если все его участники погибли? Ссылки на тяжелораненого бойца, с которым они якобы беседовали — несостоятельны: известно, что тот боец умер за несколько дней до сражения.

Более того, командир стрелкового полка, который сражался как раз в тех местах, потом официально заявлял, что никто из корреспондентов к нему не обращался, и уж тем более он ни с кем не обсуждал бой 28 панфиловцев, потому что такого боя не было. Правда, почему именно этот человек подписал привезённый ему приказ о награждении тех самых панфиловцев — неизвестно.

В конце концов, некоторые исследователи вообще склоняются к «теории заговора» — предполагают, что всё следствие было «заказным», что его затеяли для свора компромата против маршала Г.К. Жукова, выступившего одним из инициаторов награждения панфиловцев.

В защиту же официальной, героической, версии всегда активно выступал другой маршал СССР — Д.Т. Язов. Он ссылался на то, что некоторые из героев-панфиловцев в том бою не погибли, а были тяжело ранены. Кое-кто из них дожил до конца войны, но почему-то никто их не привлекал в качестве свидетелей.

Также почему-то не вспоминают о реальных письмах легендарного политрука Клочкова, в которых он не скрывает, что чувствует личную ответственность за Москву; хотя придуманные тыловыми агитаторами лозунги о том, что отступать некуда, регулярно печатались в обращениях командиров к бойцам.

И, наконец, масла в огонь (или популярности лично себе) добавил всё тот же журналист Кривичкий. Уже в 70-е годы он заявил, что в ходе следствия ему «настоятельно рекомендовали» поддержать версию литературного вымысла о подвиге 28 панфиловцев, если он не желает оказаться где-нибудь на Колыме.

Конечно, страсти вокруг подвигов наших предков могут кипеть очень долго, но неоспоримым остаётся тот факт, что бой у разъезда Дубосеково остановили вражескую танковую атаку. Остановили на подступах к Москве, в тяжелейших условиях. И сегодня пора, наконец, просто отдать должное всем героям того сражения. Их было не 28, их было намного больше, но разве это умаляет их подвиг?

ДВЕ ОБИТЕЛИ СТАРЦА ФЕРАПОНТА

Бывают места, где пространство и время ощущаются как-то по-иному, не так, как во всём остальном мире.

На самом деле таких мест даже больше, чем мы думаем. Просто в какой-то момент наш взгляд перестал их различать, замыленный то ли ненаучной фантастикой, то ли, не приведи Господь, эзотерикой — а может, просто разум перестроился на считывание информационного кода массовой культуры, которые потребил да выбросил. Иная ритмика, иные сенсоры — так настроившийся на ультразвук не различит инфразвука. Между тем он остаётся тут, гудит себе на неподвластных нашим органам чувств частотах. Наверное, это его эхо и поныне зовёт людей в глухой, сказочный край к северу от Вологды, в страну полумифической веси.

И всегда звало. Призывало, очаровывало — и творило подвижников.

«Не хитр грамоте, но душевную доброту и ум здрав стяжа»... Будущий преподобный Ферапонт, а в миру боярин Фёдор Поскочин, родился в 1335 году (дата спорная) в Волоколамске. С детства вёл благочестивую жизнь, и в возрасте лет тридцати пяти — сорока тайне ото всех отправился в Москву, в Симонов монастырь. Каким-то чудом Фёдору удалось уговорить архимандрита позволить ему сразу принять иночество. Ведь по существовавшим тогда правилам нужно было не менее шести лет ходить в послушниках! Но Ферапонт доверие оправдал: сразу же стал вести строгий образ жизни, снискал всеобщее уважение. Там, в монастыре, он познакомился с двумя людьми, определившими всю его дальнейшую жизнь. Его учителем стал Сергей Радонежский, заглядывавший в Симонов для бесед с монахами. А другом и единомышленником — Кирилл, будущий Белозерский. Собственно, Белозерским его сделал как раз Ферапонт. И вот как это произошло.

Ферапонт часто бывал с поручениями далеко за пределами города, и вот однажды — уже шестидесяти лет отроду — он отправился за шестьсот вёрст от Москвы, в Белозерье. И проникся заповедной красотой этих мест, словно созданных для тихой уединённой жизни. Рассказывают — в то же

самое время, что Ферапонт был на севере, оставшемуся в Москве Кириллу явилась Богородица: «Кирилле, изыди отсюда и гряди на Белое озеро, и добр покой обрящеши: тамо бо уготовах тебе место, на нём же спасёши-ся». Так что когда Ферапонт вернулся, его друг стал подробно расспрашивать о местах, где тот только что побывал. Через некоторое время монахи, испросив благословения, отправились в путь, оставив обитель, в которой провели почти четверть века.

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как не рассказать о Кирилло-Белозерском монастыре, духовно-организационном центре монашеской жизни в Белозерском крае и великой государевой твердыне! Основанная в 1397 году как простая пещера, выкопанная подвижником Кириллом, эта обитель вскоре стала одной из самых богатых и известных на Руси. Много что тут сказалося. И скорое вхождение Белозерья в состав Московского княжества; и важное географическое положение при соперничестве с вольным Новгородом; и не в последнюю очередь услуга, оказанная в 1447 году игуменом Трифоном Василию Тёмному: настоятель освободил ссыльного монарха от клятвы на кресте — никогда больше не претендовать на московский трон. Василий престол вернул и Кирилло-Белозерский монастырь отблагодарил. Через полвека в обители развернулось каменное строительство: первая такая постройка — Успенский собор — датировается 1497 годом. Сейчас превосходный архитектурный ансамбль составляют 11 храмов XV–XVI веков, считая придельные (а если посчитать и перевезённую сюда в советское время деревянную церковь из села Бородава — 12), два пояса мощных укреплений с более чем дюжиной башен (особенно впечатляют могучие Московская, Белозерская и Кузнечная), часовни, палаты.

В истории монастыря были разные эпизоды. В XVI–XVII веках он служил местом «политической ссылки» для высокопоставленных особ — бояр, князей, церковных деятелей. Самым известным узником стал патриарх Никон — инициатор церковных реформ, вызвавших раскол, и создатель подмосковного Нового Иерусалима. В смуту обитель-крепость с честью выдержала польскую осаду. Настоящей сокровищницей были монастырская ризница и богатая библиотека, где, в частности, был обнаружен самый древний экземпляр «Задонщины» (а ряд исследователей считает, что и «Слово о полку Игореве» нашли здесь, а не в Ярославле). Закат начался при матушке Екатерине с её секуляризацией. Монастырь, бывший крупным землевладельцем и этим приумножавший своё богатство, разом лишился и земли, и крестьян. Зато получил город. Подмонастырскую словоду преобразовали в уездный Кириллов (1776).

Сейчас в стенах Кирилло-Белозерского монастыря сосуществуют монашеская обитель и музей-заповедник, основанный в 1924 году и за это время не только собравший интереснейшую коллекцию, но и фактически спасший ценнейший памятник архитектуры от разрушения. Реставрационными работами руководил один из величайших советских и российских реставраторов — Г.С. Подъяпольский, профессор и заслуженный деятель искусств России, уроженец Саратова. А второе дыхание музею, расположенному, мягко скажем, вдали от больших городов и автострад, дало включение Кириллова в туристический водный путь Москва — Петербург. Монастырь-крепость стал настоящей жемчужиной этого популярного маршрута.

Музей фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре является филиалом Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

...Оказав посильную помощь другу в строительстве Кирилло-Белозерского монастыря, Ферапонт в поисках отшельнической жизни ушёл ещё дальше на северо-восток, на выбранное им место между Бородавским и Пасским озёрами. Там он планировал провести остаток жизни в уединённой молитве. Но со временем уединение подвижника стали нарушать желающие разделить с ним его труды, Ферапонт основал второй монастырь уже самостоятельно. Категорически отказался принимать сан игумена: считал себя «самым чёрным и самым грешным» и продолжал выполнять тяжёлую работу — носить воду и колоть дрова. Но одновременно оставался духовным отцом для братии и всех, кто приходил к нему. Сам же за советом предпочитал обращаться к Кириллу Белозерскому.

В Ферапонтовом монастыре действовал строгий устав: в кельях не разрешалось держать ничего, кроме икон и священных книг. В трапезной всегда было тихо. Сейчас в обители музей, а экскурсионные группы, известно, не всегда отличаются тишиной... но размеренная строгость каким-то непостижимым образом передалась от обители светскому заведению. Будто сами стены эти отталкивают суету. Здесь, как и много столетий назад — свой ритм. Льнут друг к другу небольшие храмы. Элегантные шатры (неистовый патриарх Никон ещё не начал «чистить» русское зодчество) словно сшивают землю и небо — такое близкое, что, когда стоишь над высоким берегом озера, кажется — это не ветер теребит прическу, а облака, пробегающие над тобой, запутываются в волосах. Хорошо известны строки певца «старинной русской самобытности» — вологодского поэта Николая Рубцова:

В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы
Диво дивное в русской глуши!

А в диве, как в шкатулке с секретом, заключено ещё одно диво — фрески Дионисия, сделавшие Ферапонтов монастырь объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Знаменитый древнерусский живописец родился ориентировочно в 1440 году и прожил чуть более шестидесяти лет. Происходил из знатной семьи: в документе, который называется «Род иконника Дионисия» в числе предков изографа значатся ростовский святой Пётр и несколько князей. Артель, которую возглавлял иконник, трудилась и в Московском Кремле, и в Иосифо-Волоцком монастыре. Их работы, возможно, есть в Смоленске, Троице-Сергиевой Лавре, Дмитрове, Вологде... А самая ранняя из его известных работ — росписи в Пафнутьевом Боровском монастыре.

В конце XV века Дионисий вместе со своими сыновьями отправился в белозерский край — в тех местах открывалось много новых храмов и монашеских обителей, работы у изографов было предостаточно. И фрески Ферапонтова оказались единственными росписями Дионисия, которые сохранились до наших дней полностью. Шестьсот квадратных метров, не испорченных позднейшими «украшательствами» или малограмотными «реставрациями» вроде бы из лучших побуждений (о, эти лучшие побуждения!). Это рука художника — видны даже нахлесты швов наложенного на стены грунта-левкаса. А как удивительно легки и яркие краски — кажется, над их чистотой и глубиной не властно время, или, словами местной поэтессы Елены Смирновой: «Как будто пять лет — не столетий! — с писания фресок прошли».

Секрет этих красок, возможно, разгадать не удастся уже никогда. А ведь, кажется, шанс был — судя по истории, рассказанной в книге Е. Стрельниковой «Ферапонтовские посиделки». Это история некоего местного деда Кирсана. Много трудностей выпало на его долю за долгую жизнь. Но выручали гармошки — он прекрасно умел их делать. И вот однажды обнаружил Кирсан в соборе тайник. Думал, там деньги — а оказались горшочки с краской. Времена были непростые, все заботились о хлебе насущном... и дед извёл находку на свои гармошки. Говорят, самые яркие и красивые они у него были. Когда специалисты подметили да спохватились — остались лишь крупичицы,

по которым и вычислили — краски-то были, видать, те самые, дионисиевские. Не исключено, что сам художник и спрятал их в соборе — на случай, если придётся со временем его потомкам поновлять росписи... Чудны тайны и дивны сказы невероятного Белозерья.

...А Ферапонту не суждено было провести остаток дней в этом дивном краю. Слава о нём распространилась далеко по Русской земле, и вот однажды приехали посланники от Можайского князя Андрея, сына Дмитрия Донского. Он хотел построить близ своего города обитель, давно искал старца, которому можно было это доверить. Выбор князя пал на Ферапонта — у него ведь и опыт в устройении монастырей был... Семидесятилетний подвижник не очень-то стремился покидать насиженное место и идти «в мир, на смех людям», но князь умел просить, подкрепив просьбу богатыми пожертвованиями обители... И вот Ферапонт возвращается почти что в родные края (от Можайска до Волоколамска ста вёрст нет) и в очередной раз в своей жизни начинает всё с нуля.

«Нуль», конечно, был условный — Андрей Можайский помогал в устройении обители и на средства не скупился. Первый храм Рождества Богоро-

МОЖАЙСКИЙ КРЕМЛЬ

Можайский кремль не сохранил укреплений. И если бы не грандиозный Ново-Никольский собор — только опытный глаз догадался бы, что перед нами исторический центр города. А ведь в давние времена это была самая мозная крепость здешних краев. При том, что стены и башни Можайска до самой Ёмуты были деревянными. Только Никольские ворота в XVI веке сделали каменными. Условно они даже сохранились — при постройке Ново-Никольского собора частично стали его первым этажом.

К началу XVII века кремлевские стены частично были отстроены в камне. И хотя Лжедмитрий II занял город без особых проблем (как это ни неприятно, назовём вещи своими именами — город ёму сдался), польскому королевичу Владиславу под Можайском обломилось. Не сумев взять крепость в 1618 году, он, в полном соответствии с принципом «так не доставайся же ты никому», вдребезги разнёс город артиллерией. Погибла большая часть жителей, город едва не канул в небытие! Однако уже через десять лет Можайск вновь отстроил свои храмы и стены. Теперь они были полностью в камне.

Кое-где по склонам холма выглядывают из травы следы кирпичной кладки. Это всё, что осталось от крепости. Теперь на кремлевском холме стоят только два собора. В том, который большой и псевдогоготический, хранится главная городская святыня — деревянный резной образ Николы Можайского. Именно таким, с обнажённым мечом в деснице и градом в шуйце, поднялся Святитель над Можайском в одну из многочисленных осад XIV века. Напуганный явлением враг бежал, а можайцы вырезали из дерева образ святого, который отныне с верха башни встречал приходящих с Запада врагов, защищая свой город.

Можайск ещё несколько раз пытались стереть с лица земли — французы в 1812-м, немцы в 1941-м. Потому улицы носят на себе характерный отпечаток XX века. О подвигах советского времени напоминает большой сквер, посвящённый Великой Отечественной войне. Здесь много памятников: павшим в боях, можайцам — Героям Советского Союза, военным разрушениям Можайска, партизанским отрядам.

дицы был заложен в 1408 году на берегу Москвы-реки, «на лужке» (отсюда и название монастыря — Лужецкий, с ударением на второй слог). Большинство построек в то время были деревянными, но собор Ферапонт ставил сразу каменным. Век спустя его решили расширить — тот храм, что стоит сейчас, построен в 1524–1547 годах. Он стал одним из первых пятиглавых монастырских соборов в нашей стране (если не самым первым). Сейчас главы блестят золотом, но это современный «тренд» — изначально они были «крыты чешуею деревянною», то есть лемехом — исконная русская традиция, о которой в наше время почему-то забывают (и даже на деревянные храмы стремятся

поставить типовую «золоченую луковицу», создавая архитектурный нон-сенс). В 1960-е годы XX века советские реставраторы вернули «шлемы» с лемехом, но саму реставрацию почему-то не закончили. Уже в наше время доделали, как есть.

Глядя на Рождественский храм, вспоминаешь то ли соборы московского Кремля, то ли древности Новгорода Великого. Точеные формы, тщательно выверенные пропорции, лаконичный орнамент — старинные традиции национальной архитектуры до пришествия «узорочья». Древние мастера были убеждены, что гармония сооружения достигается не пестротой внешней отделки, а совершенством геометрии. Умели создать этот удивительный эффект — слияние монументальности и лёгкости, когда сооружение, казавшееся издали вроде бы массивным и коренастым, по мере приближения к нему словно взмывает вверх, быстро — до стремительности. Наверное, подобное удивление гость из древности испытал бы при виде авиалайнера — как эта махина летит? А мы удивляемся древним соборам.

Этой красоты могло не быть. В 1812 году в стенах обители квартировали бойцы французского генерала Жюно. Сей исторический персонаж известен в основном тем, что не смог выполнить приказ Наполеона и отрезать отходящую русскую армию у Смоленска (как воскликнул в сердцах о своём военачальнике император: «Из-за него я теряю кампанию!» — и как в воду глядел), а потом положил добрую часть своего Вестфальского корпуса в безуспешной попытке взять Багратионовы флеши при Бородине. После этого сомнительного подвига обессиленные остатки корпуса на Москву не пошли и остались в Можайске. Когда «Великая армия» отступала, Жюно решил, видимо, напоследок отличиться, раз уж на поле боя это у него не вышло. «Просвещённые» французы свалили в соборе мешки с порохом, подвели фитили и подожгли иконостас. Взрыва хватило бы, чтобы разнести всё вокруг. Страшную трагедию предотвратил героический поступок простого монастырского служителя Ивана Матвеева: вбежав в полыхающий храм, он погасил фитили и вынес порох. Сгорел только иконостас. Уже через пару недель в обитель вернулась братия...

А в XX веке монастырь чуть было не лишился главной святыни — мощей преподобного Ферапонта. Он прожил в обители под Можайском почти двадцать лет и умер в 1426 году глубоким старцем — ему было за девяносто. Мощи покоились под спудом в церкви Иоанна Лествичника (позже переосвященной во имя Ферапонта). До них даже французы не добрались, хотя и разграбили раку над усыпальницей. Храм сломали в 1930-е. Мощи удалось сохранить — их перенесли в надвратную Преображенскую церковь. А на месте Ферапонтовской — крест над фундаментом. Вроде бы храм хотят восстановить, да всё никак не определятся, в каких формах.

Что там про свято место?

Глава 4

СМУТНЫЕ ГОДЫ

НАКАНУНЕ БУРИ: ОПРИЧНАЯ СТОЛИЦА

Бывают такие города, а скорей, городки: скромные, неприметные, провинциальные. Тихо дрейфуют себе на задворках своей губернии/области, на задворках истории. И как-то так получается — вроде бы и знают всё, да нечасто вспоминается, что давным-давно был — ни больше ни меньше, как «альтернативной столицей» государства Российского.

А почему нет? Ведь в опричнину Ивана Грозного выделялись земли исключительно для нужд государева двора. В Александровской слободе находился нервный центр управления страной, здесь была и царская резиденция, и приёмные залы, и политические тюрьмы, и даже первую русскую типографию перевезли сюда ученики Ивана Фёдорова. Именно здесь, на берегах речки Серой, выкристаллизовались в родовых муках, в бедовом опричном угаре основы русского самодержавия. Этот аспект события подзабылся, похороненный под пылью истории, заслонённый в памяти куда более яркими картинками — страшные, кричащие «Гойда!» всадники с притороченными к седлу песьими головами, массовые казни и расправы, кровь, текущая между пальцев Грозного на известном полотне Репина. О таком хочется вспоминать полуютстранённо, как об экзотике, мол, «тяжёлое наследие тёмных веков». Тауэр, Бастилия и Александровская слобода. Было, мол, было, но... давно.

Александровская слобода стала фактической столицей России за 214 лет до того, как стала городом.

Без этой мрачной страницы, конечно, не обойтись. Шестнадцать лет из этих краев гремело, леденя сердца, страшное государево «слово и дело». Выбор Ивана Васильевича, в декабре 1564 со всей семьёй оставившего Москву и уехавшего от мнимых ли, истинных ли боярских заговоров, был не случаен: Александровская слобода была «опричной» ещё до того, как в ней обосновался Грозный с Малютой Скуратовым и иже с ними. Опричным (то есть доставшимся после смерти мужа) владением Елены Глинской, матери царя, была та слобода. До суровой зимы 1564–1565 годов Иван приезжал сюда одиннадцать раз. Вот и теперь — знал, куда удалялся.

Той зимой Грозный сообщил в Москву, что уехал, «чтобы его, государя, Бог наставил», и демонстративно отрёкся от престола. Мол, бояре не признают его авторитета — так вот же вам, получите. Конечно, после неудач Ливонской войны, после измены князя Курбского царь имел некоторые основания так

думать. Однако то ли искренне, то ли из каких-то политических соображений, бояре «отставку» Грозного принимать отказались, ударили челом... за что впоследствии поплатились многие и многие из них. И не только из них.

Именно с опричниной ассоциируются все кровавые деяния второго периода царствования Ивана Васильевича — реальные, мифические, преувеличенные, преуменьшенные. Нет смысла пытаться перечислять всех убитых и казнённых, выясняя, за что да как (минимум пять тысяч по поминальным синодикам самого Грозного, но историки считают, что всё же гораздо больше). Очевидно одно — задуманная как оплот государственности, как царев кулак, опричнина от захлестнувшего чувства вседозволенности уже скоро выродилась настолько, что не оплотом стала, а червём, подтачивающим стены самого этого оплота. Разложение уродливого образования достигло апогея к 1571-му, когда во время нашествия Девлет-Гирея опричники — царские защитники, для этого-то их ведь и собирали! — не смогли выставить ни одного полноценного полка. Москву крымчаки сожгли. Царь начал в своих «верных псах» разочаровываться, и вскоре полынная звезда опричнины закатилась.

Уже потом историки, проанализировав события, придут к выводу, что своей цели — укрепить центральную власть, подчинить боярскую «олигархию», стереть саму память об удельной раздробленности России — Грозный с помощью опричнины, безусловно, достиг. Однако сопутствовавшие тому разорения своей же земли, террор, тотальная деморализация русских людей сделали чёрное дело — уже виднелись отблески грядущих бед: конца династии, эпохи самозванцев, Смуты. Едва ли Грозный думал об этом на своих «карнавальных» службах — царь устроил в Александровской слободе диковатую пародию на монастырь с собой в роли игумена, князем Вяземским в роли келаря и Малютой в роли пономаря. В живописаниях Карамзина «монастырская» жизнь представляется вакханалией безумств: царь с царевичами лазает звонить на колокольню, поёт на клиросе, в кровь разбивает лоб в земных поклонах, а потом в кровь же пытается пленников, только что не ест их внутренности, и всё это — на фоне непрекращающихся пиршеств и попоек «братии». Возможно, Карамзин и приукрасил — он пользовал много европейских источников, а «западные партнёры» уже тогда из кожи вон лезли, чтобы выставить «этих русских» форменными варварами. Вот только за 16 лет в Александровской слободе «игумен» Грозный действительно женился шесть (!) раз, и четырёх жён потерял при, скажем так, странных обстоятельствах. Короче, всё это было бы полным раблезианством, если бы не было так мрачно.

И совершенно логичным кажется финал этой всей вакханалии — удар посоха, в 1581 году оборвавший жизнь наиболее вероятного (и, очевидно, для страны наилучшего) наследника престола — царевича Ивана. Настолько логичным, что если бы его не было, его следовало бы выдумать. Современники — и русские, и иностранные — при описании сцены сыноубийства вместо указания источника отделяются уклончивым «говорят...» или даже «ходят слухи». Эксгумация останков царевича черепно-мозговую травму подтвердить не смогла, зато вроде бы обнаружила в том, что осталось от его организма, мышьяк и ртуть, которые вряд ли вливал в наследника грозный папа.

Что бы ни случилось поздней осенью 1581 года, но Иван Васильевич тут же переезжает из своей резиденции в Москву, где хоронит сына и никогда уже более не возвращается в «кровопийственный град». После отъезда царя Александровская слобода вновь сделалась «глухой провинцией» и довольно быстро начала приходить в упадок. Довершило дело Смутное время, когда

хозяйничавшие в этих местах польские отряды грабили и разоряли всё, что ещё не было разграблено и разорено. После изгнания иноземцев первый Романов, по традиции, стал возрождать в слободе царскую резиденцию. А в 1642 году уже к Алексею Михайловичу явился старец Лукиан, построивший недалеко от этих мест свой монастырь — существующую и поныне Лукианову пустынь. Преподобный испросил разрешения основать на месте бывшего Опричного двора женскую обитель. Разрешение было получено, основатель сам постриг первых насельниц, и некоторое время монастырь, государев двор и слобода сосуществовали «три в одном». Сюда по-прежнему наезжали высочайшие особы, бывал на богомолье царь, рядом жили сёстры-монахини, а будущий главный монастырский собор — Троицкий — до 1670-х был вполне себе слободским храмом.

Городской статус и нынешнее имя — Александров — слобода получила в 1778 году в ходе административной реформы Екатерины Великой.

В лучшие годы в Успенском монастыре бывало до двухсот и даже до четырёхсот насельниц. Монашеская жизнь прервалась вскоре после революции — сестёр выселили, но самой обители повезло — в стенах упразднённого монастыря практически сразу же создали музей. Туда свозили церковную утварь и экспонаты из многих окрестных храмов, которым не повезло попасть под снос.

Смотришь на монастырь — и понимаешь, как неправы те, кто просторечно именуется «Александровским кремлем». Ничего «кремлевского» здесь нет, здесь пастораль, тишина и умиротворение. Сердце обители — Троицкий собор, начало XVI века, зримое воплощение преемственности с белокаменными храмами Владимиро-Суздальского ополья. Настолько зримое, что некоторые исследователи накидывают собору ещё добрую сотню лет — мол, строился в начале XIV века, а в 1513-м (это официальная дата его «рождения») только перестраивался.

В своё время храм сослужил Ивану Грозному «политическую службу». После показательной порки Новгорода царь велел снять врата с одного из приделов Софии Новгородской и поставить их в южном входе в собор Александровской слободы. Дубовые створки, старше храма лет на двести, обитые медью и расписанные золотом, оказались велики; но вместо растесывания проёма «ужали» сами врата, при этом некоторое количество пластин с росписями было изъято и затем, надо думать, утеряно. То есть, первоначальный вид врат мы можем только приблизительно представить; с другой стороны, то, что осталось — ценнейший памятник с точки зрения как художественной техники, так и технологии золочения, которой давно интересуются специалисты-реставраторы.

Уникальна и шатровая Покровская церковь. Долгое время исследователи относили её к 1550-м годам и причисляли к «одним из первых шатровых памятников русского зодчества». Пальму абсолютного первенства отдавали церкви Вознесения в Коломенском (1528–1532), которая, как мы знаем, не то чтобы совсем русская, ибо строил её заезжий архитектор Пьетро Франческо Анибале, обрусевшим именем Пётр «Фрязин», то бишь «итальянец». Выходило, что всё вплоть до патриарха Никона наши каменные шатровые шедевры — лишь перепевы итальянских песен на русский лад. Но так ли это? Позднейшие исследования показали, что Покровская церковь Александровской слободы постарше коломенского чуда. Называют годы 1525–1529. А что, если не русские зодчие играли по фряжским нотам, а архитектор-иностранец спел русскую каменную песнь с итальянским акцентом?

Отдельного рассказа заслуживает Распятская «иже под колоколы» церковь, игравшая в прошлом роль и звонницы, и сторожевой вышки. Существовала она, судя по всему, ещё до Ивана Грозного, но именно при нём была перестроена и стала такой, какая есть — пятидесятиметровый столп, величественный монумент царю. Даже не храм-звонница, скорее храм-башня, где, говорят, и висел когда-то высланный из Новгорода вечевой колокол, звоном в который особо увлекался последний царственный Рюрикович Фёдор; да делал это столь искусно, что заслужил от отца шпильку: «Сын не царский, а пономарский». Пятисотпудовый новгородский гигант пережил и Ивана Васильевича, и Фёдора Ивановича, и Смутное время, и дни свои закончил при Петре I весьма буднично и для исторической реликвии несолидно — перелит был на пушки согласно знаменитому указу 1701 года.

В 1991 году, когда возродили Успенский монастырь, музей из стен обители выселять не стали. Сейчас монахини и музейные сотрудники даже как-то дополняют друг друга. А «тематические комнаты» и вовсе переносят в прошлое: воссозданные интерьеры царской трапезной и опочивальни, шахматы и кресло Ивана Грозного (пусть даже не оригиналы, а точные копии)... ну и пыточные подвалы никого не оставляют равнодушными. В мрачном подземелье можно воочию увидеть, как развлекалась отечественная фемида в годы опричнины. Правда, наших современников эта леденящая душу сцена скорее забавляет — каждый так и норовит сфотографироваться на фоне закованного в кандалы несчастного узника.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В УГЛИЧЕ?

В России 1100 городов, многие имеют статус исторических, многие, официально такого статуса не имея, в плане насыщенности историей дадут кому хочешь внушительную фору. И есть относительно немногие городов, сыгравших в судьбе нашей страны переломную, знаковую роль. Обычно великие вехи связаны со столицами и местами крупнейших сражений; не будучи ни тем, ни другим, небольшой провинциальный Углич вписал в историю России страницу настолько значимую, что впору сказать — роковую. Что вспоминается, когда слышишь — Углич? Ссылный набатный колокол. Храм Дмитрия на крови. Заколотый царевич, мальчики кровавые в глазах.

До драматичных событий 1591 года ничем особенным, кроме выдающейся древности (годом основания считается 937-й) город не отличался. Жил Углич шестьсот лет вдали от больших дел и громких свершений — не зря, видать, отправили сюда младшего сына Ивана Грозного, от греха подальше. Дело в том, что царевич Дмитрий от самого рождения был обречён напороться на что-нибудь нехорошее. Брак с его матерью Марией Нагой был у Ивана Васильевича как минимум шестым, и с церковной точки зрения законной силы не имел — соответственно, по всей юридической логике того времени царевича следовало записать в бастарды и лишить прав на престол. Тем не менее царь Фёдор Иванович (именно он, а не Годунов!) видел, надо полагать, в Дмитрие потенциального соперника, коль скоро удалил того в Углич сразу же после смерти Грозного, ещё до собственного венчания на царство. Фёдор не мог знать, что умрёт бездетным (его единственная дочь Феодосия не прожила и двух лет), и что Дмитрий Иванович остался бы единственным Рюриковичем, переживи он тот самый 1591 год.

Строго говоря, шансов жить долго и счастливо у страдающего эпилепсией Дмитрия и без того было мало, род Рюриковичей клонился к естественному закату. Впрочем, помимо эпилепсии, в которой парень был не виноват, у царевича было немало, мягко говоря, странных наклонностей. Так, британский путешественник и дипломат Джильс Флётчер сообщал (с чужих, правда, слов), что Дмитрий-де «находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда течёт из него кровь... и бить палкой гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут». Британские путешественники, конечно, сильны заирать, когда речь идёт об описаниях России XVI века — только что песиголовцев не встречали они в стране непуганых балалаек! — но, очевидно, какая-то доля истины в этом описании позже канонизированного царевича имелась. По крайней мере, в момент, когда его настигла смерть, ребёнок занимался не вполне царским и отнюдь не миролюбивым делом — играл в тычку, то есть в «ножички».

Дальше показания расходятся. По версии большинства свидетелей, Бориса Годунова и историка Погодина, царевич забился в приступе и упал на собственное холодное оружие. Это подтвердил посланный Годуновым на расследование в Углич Василий Шуйский — будущий царь. Он же, когда политический ветер дунул в другую сторону, ничтоже сумняшеся выдал новую версию, поддержанную потом Романовыми, официальной церковью и историком Карамзиным: Дмитрия-де убили по приказу Годунова. Показательно, что вопросами обретения мощей и канонизации царевича занимался по приказу Шуйского давний недруг и соперник Годунова — митрополит Филарет, будущий патриарх, отец первого царственного Романова. Политическая заинтересованность обоих участников мероприятия налицо; так что несмотря на твердую уверенность Пушкина, которую «наше всё» передал читателям, виновность Годунова в смерти отрока Дмитрия отнюдь не очевидна. Очевидно другое — эту смерть всячески использовали в своих целях противники царя Бориса, от официальных претендентов на престол до самозванцев-лжедмитриев, коих история задокументировала аж троих — Гришку Отрепьева, безымянного «Тушинского вора» и псковича Сидорку.

Тёмные дела творились в Угличе. Тёмные и запутанные, впрочем, ясное и понятное как дважды два событие не вызовет многолетнюю смуту, поставившую под угрозу и русскую государственность, и русскую национальную идентичность. Призрак царевича ещё долго бередил умы авантюристов и доверчивого люда, верящего в чудеса. Чтобы пресечь череду самозванцев — и понадобилась вся эпопея с переносом останков в Москву и последующей канонизацией. История, конечно, сомнительная, зато Углич получил и своего святого, и местную достопримечательность. Палаты удельных князей, историческое сердце современного угличского кремля, древнейшая гражданская постройка, датируемая 1480 (!) годом — по сей день носит «туристически-обиходное» название «палат царевича Дмитрия». Храм Дмитрия на крови — место, где ребёнок погиб; в церкви можно увидеть и тот самый угличский ссыльный набатный колокол, в который горожане ударили в 1591 году. Бунт стоил жизни «служилым людям» Битяговскому, Качалову и Волохову, приставленным надзирать за семьёй царевича и управлять городом: над ними, заподозренными в убийстве, свершили скорый самосуд. Шуйский в ходе своего расследования с линчевателями обошёлся сурово: двести человек были казнены, более полусотни семей сосланы в Сибирь. В Сибирь же (в Тобольск) отправился и колокол,

возвестивший о начале бунта. Но прежде его сбросили с колокольни, как человеку, вырвали язык, отсекали ухо, дали двенадцать плетей... Это была, возможно, одна из самых долгих ссылок в истории: в Углич опальный колокол вернулся только в конце XIX века.

В городе, кстати, есть ещё одна церковь во имя царевича Дмитрия: она называется «на поле». И если храм «на крови» — первое, что видят гости Углича, прибывающие по воде, тот, что «на поле» — встречает приезжающих посуху.

Из угличских церквей вообще нужно выделить знаменитую трёхшатровку — Успенскую «Дивную» в Алексеевском монастыре, и узорочное чудо на Волжском берегу — храм Иоанна Предтечи. Царевич царевичем, но быть в Угличе и не увидеть этих церквей — как-то даже неприлично.

Советская эпоха дала городу гидроэнергетику (Угличская ГЭС), НИИ масло- и сыроделия (угличский сыр) и завод «Чайка» (угличские часы).

СЕРДЦЕ КНЯЗЯ ВОЛКОНСКОГО

Подъезжая к Боровску со стороны Москвы, от знаменитого Пафнутьева монастыря, видим, как раскрывается перед нами город. Это такое чудо в современном Подмосковье (нет, мы не оговорились: конечно, Боровск — Калужская область, но ведь практически на «второй бетонке», рукой подать до «Новой Москвы», да и природа здесь ещё совершенно подмосковная, пока не калужская)... Такое чудо-град, который можно, как в старину, окинуть взглядом весь, стоя на поклонном холме. Проследить всю сложную городскую пунктуацию — от запятой до запятой, от доминанты до доминанты: от одной церковки до другой, и где-то у правого крыла — могучее сфорцандо огромного старообрядческого Покровского собора. Всё как на ладони! Заблудиться невозможно, а если кто и заплутает, можно свериться по «глобусу Боровска». Это одна из так называемых «фресок», которыми украшает городские фасады местный художник-энтузиаст. По стенописи можно сориентироваться и в географии, и в истории. Отношение к «фрескам» неоднозначное, но как-никак оригинальная достопримечательность.

В древние времена Боровск был городом не то что бы заурядным, но обычным, не хуже и не лучше других, упомянутых в духовной грамоте Ивана II Красного от 1358 года. Лет сто был вторым центром Серпуховско-Боровского княжества, им владел князь Владимир Храбрый, за подвиги на Куликовом поле получивший, вместе с Дмитрием, славное прозвание Донского. А потом Боровск прочно «прирос» к Москве, став на страже её юго-западных рубежей. И в середине XV века здесь основал монастырь учитель и наставник знаменитого Иосифа Волоцкого — Пафнутий. Соответственно, Боровский.

Пафнутий, в миру Парфений, прожил больше 80 лет. Он был внуком татарского баскака, решившего принять православие и перейти на сторону московского князя. По всей видимости, бывший баскак даже участвовал в Куликовской битве в рядах засадного полка. Сына его тоже ждала карьера военного, но в свои двадцать лет тот решил иначе — подался в монахи.

Прошло тринадцать лет, и Пафнутия постигла тяжёлая болезнь. Он истолковал это как знак свыше и удалился от людей: поселился вместе с одним-единственным послушником лесу, в нескольких вёрстах от Боровска.

Но люди не желали оставить отшельника, потянулись к нему за советом и научением. Кто-то так и оседал неподалёку, в итоге возник монастырь — обычная для Руси история.

Про Пафнутия говорили, что он всю жизнь проводил в трудах — работал в лесу, возделывал землю, зимой мастерил рыболовные снасти. Провидел мысли своих учеников, в том числе и не самые благовидные. Так, однажды пришёл в обитель странствующий монах. Лишь взглянув на него, Пафнутий сказал, что на визитере — кровь князя Дмитрия, имея в виду Дмитрия Шемяку... В вопросе о московском престолонаследии игумен был, что называется, «непримиримым оппозиционером»: ещё в 40-х годах XV века, когда Василий Тёмный и Дмитрий Шемяка боролись за трон, Пафнутий решительно занял сторону последнего, не поступившись своими принципами даже после шемякиной гибели. Столь же непреклонен он был и в конфликте с тогдашним митрополитом Ионой. В своей обители Пафнутий запретил именовать Иону митрополитом, а личное общение у них было столь «негладостно и неподобательно», что, как повествуют «Очерки по истории Русской Церкви», «Иона бил Пафнутия своим жезлом и посадил в оковах в темницу для покаяния». Которого, впрочем, так и не дождался, и был вынужден вскоре отпустить своего оппонента.

Так что ой как непросто уже тогда был «провинциальный», «периферийный» Боровск! Зерна непокорности, посеянные при Пафнутии, ещё дадут обильный урожай в эпоху церковного раскола. Но прежде была Смута, и сначала боровчане поддержали бунтаря Ивана Болотникова, за что были сурово наказаны войсками князя Мстиславского. При взятии города тот сильно повредил деревянные укрепления — устоять перед новым нашествием Боровск был не в состоянии. Однако оставалась мощная твердыня Пафнутьева монастыря; и когда к Боровску подошли войска Яна Сапеги, именно монастырь стал главным опорным пунктом царского стольника Михаила Волконского-Хромого.

Михаилу Константиновичу катастрофически не повезло. Армия Дмитрия Шуйского, поддержанная шведскими наёмниками Делагарди, отразив натиск «тушинцев» от Москвы, двигалась на помощь осаждённому Смоленску, но была позорно разбита меньшими силами гетмана Жолкевского при Клушине (ныне в Гагаринском районе Смоленской области, село более известно как родина первопроходца космоса Юрия Алексеевича Гагарина). Русские проиграли с треском. И хотелось бы посетовать на предательство союзников, на кошмарную силу «крылатых гусар» Жолкевского, но... Нельзя погрешить против исторической справедливости: командование проявило полную безалаберность, наёмники побросали оружие и перешли на сторону противника из-за банальной неуплаты жалования, а русские войска, увидев такое, дрогнули сами... Дмитрий Шуйский бежал первым, утопив боевого коня в болоте и добираясь до Можайска на крестьянской лошадке. Крах был полный. Организованное русское сопротивление на можайском направлении перестало существовать. Неприятель стремительно развивал успех, но над правым флангом навис монастырь-крепость. Пафнутьев Боровский.

Войска Волконского стояли насмерть. Осадив обитель, враг десять дней не мог добиться ничего. Победу сапегинцам принесли изменники. Приближенные Волконского Яков Змеев и Афанасий Челищев под покровом темноты открыли ворота Тайницкой башни... Невелик Пафнутьев монастырь, но, как сообщают источники, жестокий бой в его стенах длился всю ночь и ещё последующий день. Воевода Волконский с немногими оставшимися в жи-

вых русскими воинами сдерживал натиск у южных ворот Рождественского собора, там же был изрублен (на картине В. Демидова столбик гибнет в самом соборе, защищая раку с мощами, но это уже не принципиально).

Катастрофа, предопределённая беспомощностью Дмитрия Шуйского, стоила его царящему в Москве родственнику Василию трона. Пафнутьев монастырь был разграблен захватчиками. Тайницкая башня получила в народе прозвище «башня измены». Город Боровск, в память о подвиге своих защитников, получил позже герб: сердце с крестом — знак беспримерной доблести.

А в середине XVII века Боровск стал одним из центров старообрядчества. Сюда ссылали самых ярких противников никонианцев — в том числе знаменитого протопопа Аввакума, не менее знаменитую боярыню Морозову (в девичестве Соковнину) и её сестру — Евдокию Урусову...

Феодосия Соковнина происходила из очень знатного рода, ещё до замужества была приближена к царскому двору. В 17 лет она вышла замуж за боярина Морозова, дальнего родственника династии Романовых и «дядьку» царя Алексея Михайловича. Боярин был сказочно богат, владел несколькими имениями, в том числе и подмосковным Зюзиным, одним из первых отделанным по-европейски... Но через 12 лет после свадьбы Морозов скончался. 30-летняя вдова много занималась благотворительностью, пускала в свой дом странников и юродивых.

Когда Никон затеял свои реформы, Морозова, что называется, ушла в оппозицию, вела активную переписку с протопопом Аввакумом. Правда, в тех письмах о вере она рассуждает мало, по словам исследователей, боярыня выступала в них как хозяйка и мать, более всего занимающаяся делами своего имения. За это, кстати, Аввакум её сильно осуждал. Предлагал больше жертвовать на нужды церковные (разумеется, старообрядческие), не появляться при царском дворе и даже... выколоть себе глаза, дабы избежать соблазнов мирской жизни. Последнее требование Феодосия оставила без внимания, но в целом «огнепальный протопоп» сыграл в её судьбе роковую роль. Так, на свадьбу Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной (где Морозовой была отведена важная роль «в первых стояти и титул царскую говорить») она не явилась, сославшись на мнимую болезнь. Вот тут терпение Тишайшего лопнуло. К Морозовой и Урусовой пришли с допросом. Допрашиваемые в знак протеста отвечали лёжа в постелях.

За допросом последовал арест. Морозову доставили в Чудов монастырь. Именно этот момент запечатлен на знаменитом полотне В.И. Сурикова: гордая и бледная боярыня-«расколоучительница» осеняет толпу зевак двухперстным крестом.

После Чудова монастыря было заключение в Псково-Печерском, отчуждение в пользу казны всего имущества, многочисленные допросы и пытки на дыбе. Ни Морозова, ни Урусова от своей веры не отреклись, и обеих сослали в Боровск. Содержали в жутких условиях, в земляной яме, морили голодом, и в итоге сёстры умерли. Впрочем, расправа не стала уроком для строптивых боровчан. Не напугала их и показательная казнь сочувствующих — на торговой площади сожгли четырнадцать человек во главе со священником Полиектом и инокиней Иустиной. Горожане стояли на своём — и переломили. На месте ямы, где уморили сестёр, ныне старообрядческая часовня. И вообще, старообрядческих и единоверческих церквей в Боровске едва ли не больше, чем принадлежащих РПЦ. И грандиозный Покровский собор словно ставит точку в дискуссии: всё-таки остаётся Боровск городом староверов.

ЦИОЛКОВСКИЙ В БОРОВСКЕ

Имя К.Э. Циолковского прочно ассоциируется с Калугой. Но Боровск сыграл в жизни этого необыкновенного человека столь важную роль, что пребывание в городе Константина Эдуардовича увековечили памятником. Тоже весьма необычным: на фоне уменьшенной копии московского монумента покорителям космоса, что у ВДНХ, сидит немолодой учёный — в валенках и коротком пальто. Настолько коротком, что издали кажется, будто Циолковский одет в валенки и шорты. Мечтательно поднял голову в небо. Памятник неточен: Боровск видел Циолковского отнюдь не пожилым, а совсем юным. Когда он приехал сюда, ему было всего 23 года.

Привыкший жить в стеснённых обстоятельствах, ограничивать себя во всём, Циолковский считал, что ему повезло: в Боровске удалось снять две комнаты и «попасть на хлеба» к священнику единоверческой церкви. За спиной Константина было непростое детство: scarлатина, частичная потеря слуха, проблемы в учёбе и отчисление из гимназии, смерть одного из братьев, а затем матери, давшей ему в детстве представление об основных науках. После молодой человек занимался исключительно самообразованием: живя на хлебе и воде, проводил всё время в библиотеках, мастерил всевозможные аппараты и механизмы, от астролябии до самодвижущихся колясок. Увлекался астронавтикой и аэронавтикой. Сдал экзамены, получил разрешение работать учителем и стал зарабатывать на жизнь репетиторством. Тогда Министерство просвещения и командировало его в Боровск.

К своему учительству Циолковский подходил весьма нестандартно: сам придумывал для учеников занимательные задачи, ставил с ними опыты, запускал бумажные аэростаты с горящими лучинами в гондолах и воздушные шары с тараканами вместо пассажиров. И вообще прослыл чудачком: мало ли, что в голове у человека, который смастерил огромного бумажного ястреба, с виду не отличимого от настоящей птицы, или передвигается по замерзшей реке на парусных санях! Параллельно он продолжал заниматься наукой по имеющимся у него книгам, открыл (как ему казалось) теорию газов и отослал результаты изысканий Дмитрию Менделееву. Тот ответил, что данная теория открыта уже четверть века назад. Но учёного-самородка приметил.

Циолковский же понял, что существенно отстаёт от современной ему научной мысли. Переживал тяжело. Но не упал духом — принялся наверстывать, да так, что теперь почитается отцом-основателем космонавтики.

СКАЗАНИЕ О НЕИСЧЕЗНУВШЕМ ГРАДЕ КАЛЯЗИНЕ

Верхняя Волга от Дубны до Углича в давние времена была — что полоса ничейной земли на границе. В этих лесных-болотистых краях медянкой вилась не нанесённая на карты, зыбкая, во многом условная разделительная черта между Тверью и её восточными соседями — Ростовом, Суздалем, Ярославлем, потом и Москвой. Граница двигалась туда-сюда, её укрепляли со всех сторон, города появлялись и исчезали... Где-то тут была древняя крепость Святославе Поле, но где — кто теперь ведаёт? Был, южнее, в устье Нерли, старый Скнятин, да вышел весь — не смог восстановиться после разорения Смуты, а останки потонули при разливе водохранилища.

А где сейчас город Калязин, в болотистом устье Жабни, — там не было ничего. Топь и лес. Зверь да птица, да в Волге рыба. И кто знает, может быть, и оставалось бы так поныне, если бы в XV веке не забрел бы в эти края подвижник — монах Клобукова монастыря, что в соседнем городе Кашин.

Будущий калязинский святой Макарий родился в 1400 году в селе Кожино, в набожной боярской семье. В середине 1430-х Макарий он ушёл искать свою пустыню и обрёл её в паре десятков вёрст от Кашина. К нему присоединились ещё несколько клобуковских старцев. Да вот беда, «пустыня», как оказалось, имела хозяина. Боярин Иван Коляга был очень недоволен тем, что на его земле поселились монахи. И задумал убить Макария. Но от помышления к делу перейти не успел — тяжело заболел.

Коляге хватило совести лично попросить прощения у преподобного старца, а у того ответ один: «Бог простит!» От недуга боярин избавился, и, говорят, сам поселился потом в Макарьевом монастыре, и земли свои за так отдал. Вроде бы в честь Коляги обитель и стала Калязинской (никакого города Калязина, мы помним, ещё нет). «Калязинским мужиком» злые языки называли отца Макария — уж очень бедную тот носил одежду. Зато исцелял немощных и бесноватых, наставлял грешников на путь истинный. Рассказывают, что однажды разбойники украли монастырских волов. Но далеко уйти со скотиной не смогли — внезапно ослепли, плутали-плутали, да и вышли обратно к воротам монастыря, где их встретил сам настоятель. Вернул вора́м зрение в обмен на обещание не зариться на чужое.

...А в 1609 году на этом месте решалась судьба Отечества. Вокруг Москвы хозяйничали банды «Тушинского вора» и его польских «спонсоров». Пан Сапега осаждал Троице-Сергиев монастырь. А из Новгорода с боями шло войско освободителей во главе с Михаилом Скопиным-Шуйским. 33-летний князь стал лагерем у Макарьева монастыря. Сюда к нему несколько недель стекалось ополчение из Тверских, Ярославских, Костромских, Заволжских земель. Когда собралось 15 тысяч, Сапега уже не мог дольше игнорировать фланговую угрозу. Польский военачальник решил нанести превентивный удар, чего, надо полагать, Скопин-Шуйский только и ждал. По крайней мере блестящий манёвр мнимого бегства явно был домашней заготовкой. Встретив неприятеля на топком берегу Жабни, русские сделали вид, что запаниковали и бросились в сторону болот. Увлёкшиеся преследованием сапегинцы зевнули момент, когда бегущие расступились в стороны — и первые ряды преследователей, подпираемые задними, на полном ходу влетели в трясину. Нашим осталось только сомкнуть строй, вгвоздить врагов в топи и добивать.

То был лишь передовой отряд: вскоре подошло основное войско — литовцы и казаки. Скопин-Шуйский велел своим отсиживаться в остроге, на провокации не поддаваться и вылазок не проводить. Несколько часов конники Сапеги скакали вокруг калязинских укреплений, прощупывая оборону и тщетно пытаясь отыскать уязвимые точки. Ближе к вечеру измотанный неприятель собрался было на ночлег; вот тут-то Скопин-Шуйский и ударил, причём сразу всеми силами. Не ожидавшего подвоха врага теснили до самых обозов, после чего «тушинцы» не выдержали и побежали. Русский полководец, впрочем, хорошо знал, чем может обернуться неосторожное преследование — гнал противника до темноты, к ночи же приказал возвращаться.

Победа у Калязина позволила, как мы помним, Скопину-Шуйскому развить наступление на Троице-Сергиев монастырь и снять угрозу тушинского лагеря Москве. Увы, победителя в Москве встретили чёрной неблагодарностью. В 1610 году Михаил Васильевич умер столь внезапно и при столь неприглядных обстоятельствах — выпив чарку вина на пиру, что в народе тут же заговорили: спасителя Первопрестольной отравил его царственный родственник, седьмая вода на киселе — четвероюродный дядя Василий Шуйский.

Калязин же до поры как был слободой, так ею и оставался. Точнее, были сразу три слободы: Никольская, Троицкая и Рождественская, разбросанные по разные стороны перекрёстка рек. Росли, богатели, два раза в год проводили ярмарки, и в конце концов в 1775-м объединились в уездный город Калязин. Ну а где уездный центр — там, само собой, и начальство какое-никакое, и местечки тёплые, и деньжонки... Здешние места полюбились купцам. У этих за ценой дело не стояло — один за другим возводились

в Калязине добротные и недешёвые каменные дома, коих в городе к началу XX века насчитывалось более двухсот! И вообще здешние предприниматели были оборотистее и в торговле удачливее, чем их коллеги-конкуренты из Кимры, Кашина и даже самого Углича!

В общем, Калязин процветал. Обзавёлся ремеслами — старинным аналогом промышленности: кузнецами, корабелами, кружевницами. Рукоделие последних очень ценилось у тех, кому вологодская роскошь была не по карману. С местными традициями коклюшечного кружева можно познакомиться в районном Доме ремесел. А вот с улочками города, с его старинными памятниками, с древним Макарьевым монастырем познакомиться можно, увы, только на старинных фотографиях...

В 1939 году в город пришла беда, и имя ей было — Угличское водохранилище. При сооружении гидроузла вода взяла чуть ли не полгорода. Более пятисот домов из 1300 попали в зону затопления! Причём если деревянные ещё можно было раскатать и перенести выше по склону берега, то с каменными что было делать? Разбирали до фундамента, кирпичный бой, какой можно, шёл на бут, а остальное горами строительного мусора уходило в разлившуюся Волгу.

Снесли и Макарьев монастырь, но река не забрала руины, обтекла, словно высмеивая попытки вырвать милость у природы: так появился на карте города новый топоним — Монастырские острова. А самой обители уж нет. Снесли и соборный комплекс на центральной площади... да не весь. То ли динамита не хватило, то ли времени, то ли нашёл человек, вставший на защиту памятника, да только получилось так, как получилось. А вышло настоящее калязинское чудо. Неожиданное, полное печальной и светлой красоты.

Улица спускается к Волге и... без всякого предупреждения ныряет в неё. Вот тут ещё булыжная мостовая, а вот здесь уже волна. Улица, ведущая под воду. Это могло бы выглядеть очень мрачно, случись оно где-нибудь ещё: в Пучеже, в Велье, на останках исчезнувшей Корчевы... Но Калязин не мрачен. Там, в волжских водах, в каких-то двух сотнях метров от берега, дерзко блестит в солнечных лучах неутонувший символ города. Уже только ради этого стоило причислить к Золотому кольцу маленький 13-тысячник, распластавшийся по берегам Волги, Жабни и Пуды, словно вцепившийся в землю, спасаясь от водохранилища! Знаменитая Калязинская колокольня — она ведь такая русская: её вроде топят, а она не тонет.

...Совсем рядом с моторкой проходят большие туристические суда и баржи, бесцеремонно толкают лёгкую лодку кильватерной струёй — значит, глубина солидная, и не покидает мысль: ведь плывёшь над центром города, над фундаментами больших каменных домов! Оглядываешься на берег: нет, уже не то, что на старых снимках. Хоть некоторые здания у самой воды сохранили свой исторический вид, не дают забыть, что город-таки старинный.

А вот и Монастырские острова — символ того, что природу перехитрить невозможно. Волга не пожелала топить святую землю, а потом и жители стали укреплять берег, даже построили на островке покаянную часовню на месте разрушенной обители. На восстановление Макарьева монастыря денег, понятно, нет.

Между тем лодка причаливает к островку с Калязинской колокольней. Редкая возможность обойти её в задумчивой тишине, заглянуть внутрь: кто-то отогнул нижний угол железной двери, закрывающей вход... Внутри не мусорно, в маленьких нишах стоят несколько икон. Невольно прислушиваешься — не нарушит ли тишину, кроме птичьих голосов, колокольный

звон: в этих местах верят, что, когда снимали колокола, один, самый большой, упал, проломив перекрытия, в затопленный подвал, да так в нём и остался, заваленный насыпным полом. И до сих пор накануне великих бед звонит утонувший колокол со дна реки. Перед войной, говорят, до утра звонил... С того берега настороженно выглядывает «Калязинское ухо» — так местные прозвали большую тарелку радиоастрономической обсерватории. Словно не только в космос устремлено, а ещё и украдкой за колоколом подслушивает — что, как ударит?

Но пока вроде тихо...

ТОРГОВЕЦ И ВОИН

Уникальный уголок земли — это Волжско-Окское междуречье. Низовская земля... Строго говоря, «Низом» этот край давным-давно придумали называть новгородцы. На самом деле, ничего унизительного — просто на картах Новгород Великий действительно, не поспоришь, выше. А ещё — нижнее течение Оки. Стрелка с Волгой, краешек Руси, восточный её угол. Дальше — другая земля. Другие ландшафты, другие люди — суровые эрзя, шумные булгары. А на острие волжско-окского клина в 1221 году стал русский город. Построенный с нуля, новый — значит, опять же, Новгород. В Низовской земле — значит, опять же, Нижний.

Его основатель — Великий князь Владимирский Юрий, сын Всеволода Большое Гнездо — конфликтовал то с Рязанью, то с булгарами, то с мордвой. Город-крепость использовался как форпост во внешних и междоусобных распрах. Удивительно, но о судьбе Новгорода Низовской земли в ходе Батыева нашествия доподлинно не известно решительно ничего, хотя упоминается о нападении монголо-татар на Городец и его окрестности... В XIII–XIV веках «политическая карта» Древней Руси перекраивалась направо и налево самими же русскими князьями при активном участии Сарая; так Нижний успел побывать и в подчинении у Городца, и стольным градом Суздальско-Нижегородского княжества (1350–1392). Да не простого княжества, а Великого! С самой Москвой соперничало — правда, это не помешало местной власти отправить свои дружины на Куликово поле. Нижегородцы полегли практически все, включая сотню бояр. Но уже через два года князь Василий Кирдяпа «сменил политический окрас» — вместе с Тохтамышем двинул на Москву. Да не просто двинул — выманил обороняющихся на переговоры под личные гарантии безопасности, ну-ну... Короче, татары убили парламентёров и ворвались в город. Что учинил Тохтамыш с Москвой — хорошо известно. Василия Кирдяпу, правда, «отблагодарили» вполне в духе того времени, когда предательство было не в чести: хан забрал его в Орду в качестве заложника. Отпустил только через пять лет. Кирдяпа ещё некоторое время посключничал с родственниками, также претендовавшими на княжение в Нижнем, но в 1392-м пришёл сын Дмитрия Донского, Василий I, и напомнил своему вероломному тезке Москву. Город покорился собирателям земель русских. Насколько известно, «Кирдяпичи» до середины XV века пытались вернуть себе княжение, но всякий раз ненадолго. Нижний прочно закрепился за Москвой.

Полтора века крепость была важным сторожевым постом на беспокойной восточной границе, имела постоянный гарнизон и к 1515 году обзавелась мощными каменными стенами вместо деревянных. Нижегородский

кремль — наверное, самый «фактурный» из всех русских кремлей. Дерзко взгромоздившийся на строптивные прибрежные холмы, он сливается с рельефом, становится его продолжением: стены то сбегают «лесенкой» поближе к воде, то возносятся вверх, на неодолимую высоту, и глядят из-под облаков бойницами грозные кирпичные башни, как не знающие сна дозорные... В долгой игре мускулами с Казанским ханством, в бесконечных походах туда-сюда крепость служила то базой для сбора русских войск, то главным опорным пунктом обороны против татарских. А когда Иван Грозный, наконец, превозмог татар, Нижегородский кремль утратил военное значение, оставшись просто памятником русскому героизму. Содержали его, надо сказать, лучше, чем иные крепости. Латали при матушке Екатерине, в середине XX века хотели было частью снести, но вместо этого в итоге... отреставрировали.

Вспомнить боевое прошлое Нижнему пришлось в начале XVII века. Страну охватило безвластие, её рвала центробежная сила бунтов и самозванчества; никто не знал, кому присягать, а присягнувший сегодня мог на другой день переприсягнуть вчерашнему противнику... В какой-то момент остались лишь две твердыни, безусловно, готовые встать на защиту Москвы: Троице-Сергиев монастырь и Нижний Новгород.

Народное ополчение, собранное нижегородцами под предводительством «идейного вдохновителя» земского староста Кузьмы Минина и полководца князя Дмитрия Пожарского (сентябрь 1611-го), в исторической хронологии числится вторым. Первое было собрано в Рязани воеводой П. Ляпуновым при поддержке казаков атамана И. Заруцкого — и скоро развалилось, в первую очередь из-за внутренних разногласий самих лидеров. Минин, как человек «из народа», был далёк от политических дрызг. Он просто кинул клич среди горожан — встать на защиту Руси от иноземцев. Старосту поддержали воеводы и духовенство, на одном из сходов выбрали военачальника — Пожарского, уроженца нижегородской земли, который в тот момент лечился неподалёку, в своём родовом имении, от ран, полученных в битве с поляками под Москвой. В конце октября начались работы по непосредственному сбору войск. Удалось быстро привлечь людей и средства (нижегородцы, не скупясь, уговорились в полном составе сдать на военные нужды часть своего имущества). Пожарский проявил себя талантливым организатором, установил связи с другими городами и их жителями, недовольными польским владычеством. Попутно наводил порядок в окрестных волостях и обходил препятствия, чинимые поляками и «Семибоярщиной» — те стремились не допустить усиления опасного противника. В марте 1612 года ополчение выдвинулось из города и пошло на Москву «в обход» — вверх по Волге, попутно освобождая города — Юрьевец, Кинешму, Кострому, Ярославль — и обрастая всё новыми силами. Ярославль некоторое время был базой и «столицей» народного войска; там Минин и Пожарский заручились поддержкой подмосковных городов, Поморья и Сибири — взятие Москвы оставалось делом времени. Ополченцам удалось не допустить прорыва в Кремль сил гетмана Ходкевича — он вёз заевшим в сердце Москвы полякам снабжение, но в кровопролитной битве у Новодевичьего монастыря был разбит. В начале осени Пожарский предложил врагам капитуляцию в обмен на жизнь, но те отказали, несмотря на то, что испытывали жесточайший, до людоедства, голод. Собрав силы, русские пошли на штурм. 1 ноября от интервентов очистили Китай-город, 5–6 поляки капитулировали и оставили кремль.

Тут может возникнуть вопрос: 1-е, 5-е, 6-е... почему же тогда День народного единства празднуют четвёртого ноября? Да из-за разницы в календарях. 1-е ноября 1612 года по новому стилю — это 22 октября по старому. То есть, в «аутентичном» летоисчислении Пожарский брал Москву 22 октября. Но юлианский («старый») и григорианский («новый») не идентичны: в них разное количество високосных годов, и разрыв увеличивается. В наш век 22 октября старого стиля — уже не первое, а четвёртое ноября! Кстати, пройдёт ещё сто лет — и будет пятое. В любом случае, отмечаем мы не «выдуманную дату», как пытаются убедить иные, а взятие Китай-города (не Кремля!).

Но вернёмся в Нижний. Город этот и так нельзя было назвать маленьким и захолустным, но настоящий расцвет пришёлся на XIX век: в начале столетия сюда перенесли крупнейшую в России ярмарку, со второй половины — пышным цветом расцвела индустрия. Широко известны промышленные центры Сормово и Канавино; а в советское время, с открытием автогиганта ГАЗ в 1932 году, Нижний и вовсе называли «русским Детройтом».

ЭКОНОМИКА ПЛЮС ПОЛИТИКА

Испокон веков экономика и политика были тесно связаны друг с другом. История знает массу примеров, когда торговые отношения устанавливались или разрывались в угоду политическим интересам.

На Руси торговля концентрировалась главным образом вдоль водных артерий, главной из которых была Волга. Один из самых крупных торгов располагался на Арском поле под Казанью. Туда стекались купцы из Азии, с Верхней Волги и других земель. Но вот как-то казанский правитель хан Гирей приказал убить всех русских торговцев. В той войне погиб и посол великого князя московского Василия III. Московский князь отомстил, не ввязываясь, однако в вооружённый конфликт: он попросту запретил нашим купцам ездить на летнюю ярмарку в Казань и назначил «для их торговли с Азией место в Нижегородской области на берегу Волги, где ныне Макарьев».

Макарьевская ярмарка просуществовала триста лет, но в 1816 году сгорела, и Александр I, понимая всю важность этого объекта, даже отказался от перестройки Зимнего дворца в пользу восстановления торгового центра, но — уже на новом месте, ближе «к цивилизации». На строительство гостиного двора император выделил 6 миллионов рублей. И через год торговля возобновилась на стрелке Оки и Волги. Архитектором всего торгового комплекса был зодчий А. Захаров (тот, что потом спроектирует Адмиралтейство). Возглавил строительство генерал-лейтенант Бетанкур, руководитель столичного Комитета строений. Чтобы защитить ярмарку от регулярных наводнений, он насыпал вокруг стрелки земляные укрепления. По берегам возвёл десятки каменных складов. Проложил каналы, а через Оку перевернул уникальный по тем временам наплавной мост. Всё это гидротехническое сооружение сравнивали с царскосельской и петергофской системами!

Торговые ряды расположились на площади 8 квадратных километров. 60 корпусов, две с половиной тысячи лавок могли вместить всех желающих торговать, а отбою от них не было: сюда тянулись и европейские, и азиатские купцы. На Нижегородской ярмарке можно было найти всё, что душе угодно — от стройматериалов до дорогих тканей и вин. Здесь же устраивали выставки художественных промыслов. Ярмарка привлекала великолепно развитой инфраструктурой: кабаки, чайные, рестораны, гостиницы, развлечения на любой вкус — даже театр, не уступавший, по мнению драматурга А.Н. Островского, московскому. На его подмостках иностранные труппы ставили «Севильского цирюльника», «Риголетто», «Фауст»! Для менее взыскательной публики работали цирк и балаганы.

После революции Нижегородская ярмарка не закрылась. Упадок первых советских лет сменился новым расцветом эпохи НЭПа. Тогда ярмарка представляла нашу страну во Всемирной ассоциации выставочных индустрий. Но к 1930 году ветер перемен смел ярмарку как явление социально враждебное. В бывших торговых корпусах поселили людей, и весь район превратился в трущобы. В 1970-е годы уничтожили большую часть старинной застройки. Главный ярмарочный дом реконструировали и открыли в нём «Детский мир».

Возродить ярмарочные традиции начали в 90-е. И теперь Нижегородская ярмарка вновь стала одним из крупнейших выставочных центров страны.

Нижний Новгород очень многогранен, земля Низовская — «велика и обильна». Она дала России знаменитые «Волги» и «Газели» — и феерические шедевры «строгановского барокко» рубежа XVII–XVIII веков (Рождественская церковь у берега Волги и Смоленская на Ярмарочной стороне); городецкую резьбу и хохломскую роспись; лётчика Валерия Чкалова и писателя Максима Горького (в советские годы город носил его имя). Музеи хранят наследие богатого на промыслы края, улицы — обаяние бойкого губернского центра.

СТОЛИЦА ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА

Сейчас об этом почему-то мало вспоминают, а ведь Ярославль четыре месяца фактически был столицей Русского государства.

О городе написано столько, что не прочитать. Громкий он, Ярославль. Известный. Кому же, например, не знакома легенда о его основании? О том, как пришёл в поволжскую глухомань — Медвежий угол! — Ярослав Мудрый, ибо очень уж опостытели ему жившие тут лихие люди. Грабили они суда и совершали прочие непотребства. Соответственно, князь решил навести порядок, а местные, разумеется, воспротивились. Да и выпустили на князя медведя. Или медведицу, но это не суть. Суть в том, что человек зверя поборол — зарубил секирой. После чего распорядился запечатать стрелку Волги и Которосли своей печатью, самой надёжной, какая только может быть: городом, названным в свою честь.

Медведи с тех пор стали уважаемым городским символом. Куда ни помотри: и на гербе медведь, с той самой секирой. И на улице — рычащая скульптура косолапого может не на шутку испугать неподготовленного прохожего, не осведомлённого, что статуя строго по часам начинает издавать рев. И, конечно, живой талисман — медведица Маша, которая живёт на территории музея-заповедника в клетке с игрушками и берлогой. Но ведь не медведями же едиными!

Русской столицей Ярославль побывал в грозном и славном 1612 году. Именно сюда пришло по Волге из Нижнего ополчение Минина и Пожарского. Здесь, в Ярославле, сформировался «Совет всея земли» — новое национальное правительство, здесь работали приказы, сюда стекались подкрепления и отсюда выходили на задание отряды, очищавшие Россию от захватнических банд. Из Ярославля, в итоге, силы ополчения двинулись на Москву. Вернули Первопрестольной статус.

А вообще-то, Ярославль и сейчас столица Золотого кольца России. И заслуженно — мало какой город даже на колечке может похвастаться таким количеством достопримечательностей на квадратную версту. Это, так сказать, количественное исчисление, а уж какое качественное... Один Спасо-Преображенский монастырь чего стоит. И обитель, и крепость, и оплот культуры. Собор — старейшее из дошедших до наших дней городских сооружений, самое начало XVI века. Мощные башни — свидетели первых Романовых. А какая музейная коллекция! Тончайшие, высокохудожественные древности... Их большой ценитель — небыизвестный граф А.И. Мусин-Пушкин — рассказывал, что именно в Спасо-Преображенском монастыре ему удалось раздобыть рукопись «Слова о полку Игореве». Правда, в 1990-х появилась другая аргументированная версия — с большой долей вероятности, граф добыл «Слово» всё же в библиотеке

Кирилло-Белозерского монастыря. Что, конечно, если и так, несколько не умаляет достоинств ярославского древлехранилища.

И да, не забудем подняться на звонницу — полюбоваться на город глазами птиц. Увидеть одним махом всю архитектурную сокровищницу с её главными драгоценностями — старинными ярославскими церквями. Вообще-то к ним потом обязательно нужно поближе подойти, познакомиться. Практически с каждой. Белоснежный, с муравленой зеленью куполов и стройными шатрами Ильи Пророк на центральной площади — а внутри красочная феерия фресок, созданных знаменитыми соседями-костромичами Силой Савиным и Гурием Никитиным (при участии местных, ярославских мастеров). Собранный, монументальный, как огромный пасхальный кулич, с тяжёлыми главами Никола Мокрый. Каменная поэзия на волжском берегу — элегантный ансамбль в бывшей пригородной слободе с неподходящим для такой архитектурной симфонии названием «Коровники». Ну и признанная вершина ярославского стиля — пятнадцатиглавая красавица с дивной своей колокольней — церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Даже факт её попадания на тысячерублевую купюру испортить красоту не в состоянии. Такое ощущение, что ярославские каменщики стремились перещеголять друг друга — кто поставит храм ярче и необычней.

А ведь, по сути, так оно и было. Только соревновались — руками зодчих — ярославские купцы. Это сословие издавна было одним из столпов городской жизни, в бойком ритме предпринимательства билось сердце Ярославля. Недаром город уже к XVII веку вышел на третье в России место по товарообороту — после столичной Москвы и ухватистой Казани. В последующие годы на ярославской земле расцвели купеческие династии первогильдейцев Вахрамеевых, Огняновых, Сорокиных... Торговая элита, частники-экспортёры — Первой гильдии разрешалось продавать свои товары не только в России, но и за рубежом... В ходе суровой конкуренции (куда без неё) представителей старинных фамилий подпирали «выскочки» — оборотистые, разбогатевшие крестьяне, основатели новых торговых династий: Оловянишниковы, Дунаевы... те же Понизовкины, одного из которых — Никиту — ославил Некрасов в «Горе старого Наума». И знаменитые Елисеевы, законодатели торговых трендов начала XX века — выходцы из Ярославского уезда.

Жили купцы демонстративно роскошно, но на то, впрочем, были весомые основания. Чем больше состояние — тем больше привилегий. Соответственно, скрывать достаток было недопустимым безрассудством, и такая простая человеческая добродетель, как скромность, того и гляди, могла обернуться затруднениями для бизнеса... Но и о душе надо было думать. Вот и повелось у ярославских купцов соревноваться не только домами, но и церквями. Храм Ильи Пророка, например, построен Скрипиными, Христорождественская церковь на Волжском берегу — Гурьевыми, Никола Надеин — Светешниковыми... Со временем на этой почве выросли традиции меценатства и благотворительности. Многие ярославские купцы становились градоначальниками — и искренне работали на благо города, обустроивали его, делая «образцово-показательным». Например, пять раз избиравшийся городским головой Иван Вахрамеев подарил землякам такие блага цивилизации, как водопровод, электрическое освещение и трамвай.

Тем же, кому важно благополучие духовное, обязательно нужно побывать в Толгском Введенском монастыре. Это за пределами старинного города, на другом берегу Волги. Монастырю более семисот лет, по крайней мере,

в «Сказании о явлении и чудесах иконы Богоматери Толгской» отправной точкой его истории называется 1314 год. Проезжал тогда в этих краях Ростовский епископ Прохор, остановился на ночлег. Как гласит «Сказание», глубокой ночью владыка вдруг проснулся и увидел столп света за рекой. А вместе с ним — чудесным образом появившийся мост на противоположный берег. Взяв посох, Прохор отправился посмотреть, что за свет. И на том берегу увидел висящую в воздухе икону Богородицы... Помолившись перед ней, епископ вернулся к спутникам, но будить никого не стал, полагая, что виденное им — великое таинство и таковым должно оставаться. Вот только наутро слуги обнаружили пропажу архиерейского посоха. Оказалось, святитель оставил его за рекой — его нашли в роще, куда Прохор ходил ночью. Рядом же на земле стояла икона — та самая.

Толгский образ Богородицы считается особо чудотворным. Она неведомым образом не горела в пожарах, по меньшей мере дважды спасала ярославцев от моровой язвы и один раз — от засухи. Помолившись у образа, избавился от болезни ног Иван Грозный. Поклониться иконе приезжали Екатерина II и Николай II. А в XX веке икону забрали в музей, монастырскую территорию передали Волгострою. Это было, пожалуй, самый оригинальный вариант нецелевого использования культовых сооружений: прямо в стенах обители построили действующий макет волжской электростанции, «смоделировав» для этого русло Волги и её течение. Насосы закачивали воду в резервуар на колокольне, откуда она самотеком шла через собор на модель ГЭС и собиралась в забетонированном храмовом подвале. С гидроэлектростанцией в Ярославле, кстати, так ничего и не вышло, её построили в Рыбинске — со всеми вытекающими хорошо известными последствиями для соседнего города Мологи и четырёх с половиной тысяч квадратных километров земли, в том числе лучших заливных лугов Поволжья.

А Толгская обитель возродилась в 1987 году. Это был первый открытый в РСФСР женский монастырь. Перед возвращённой иконой вновь зажглись свечи.

XX век, советская индустриализация явила новое лицо Ярославля: провинциально-купеческий город стал могучим центром тяжёлой промышленности. В 1932 году в городе открылся СК-1 — первый в мире завод по производству синтетического каучука. С тех пор ярославские предприятия известны всей стране: шинный и нефтеперерабатывающий заводы, моторный и лакокрасочный. Для железных дорог трудятся Ярославский электровозоремонтный ЯЭРЗ и вагоноремонтный «Ремпутмаш». Менялся и облик города. Не всегда, увы, в лучшую сторону. Огненным смерчем прошли по Ярославлю страшные события 1818 года — антибольшевистский мятеж и его подавление. Артиллерия выносила целые кварталы, погибли более тысячи человек, исторический центр лежал в руинах. Знаменитый Демидовский юридический лицей сгорел безвозвратно вместе с уникальной библиотекой. Многие храмы, заботливо восстановленные великим реставратором П. Барановским после той бойни, попали под паровой каток антирелигиозной кампании тридцатых... После, в 1940–1960-х годах, с городом обращались куда бережней, тогда Ярославль украсился отличными образцами «сталинского ампира» — зданием вокзала, «генеральским домом» с аркой на Красной площади, эффектной башней на углу Вознесенских казарм, ставшей визитной карточкой площади Труда вместе со зданием цирка и стадионом «Шинник». Прибывающие в город по воде могут оценить, как деликатно вписали в панораму прекрасной Волжской набережной речной вокзал.

А о соборе на Стрелке, восстановленном в XXI веке взамен снесённого в 1930-е, спорят до сих пор. Мало того, что не похож, так ещё и в полтора раза больше предшественника, выпадает и из масштаба окружающей застройки, и из архитектурного контекста. Облик исторического центра города в очередной раз перекроили по живому...

НЕКРАСОВСКАЯ КАРАБИХА

Любителей литературы в окрестностях Ярославля привлекает именно поэта Н.А. Некрасова. Строго говоря, уточняют музейные работники, Николай Алексеевич здесь не жил, а лишь приезжал сюда — десять раз в течение 1862–75 годов. Мечтая проводить в усадьбе хотя бы по полгода, такой возможности не имел — дела, связанные с издательством журнала «Современник», не отпускали надолго из столицы. Поэтому поэт переоформил все документы на брата Фёдора. А уже тот вместе с супругой с радостью взялись за поддержание усадьбы в порядке.

Сам Н.А. Некрасов во время своих визитов в Карабиху останавливался в восточном флигеле. Там он и отдыхал, и работал. Там появились на свет «Русские женщины», «Мороз, красный нос», ну и известное всем ещё с дошкольного возраста «Дедушка Мазай и зайцы». Напомним, что спаситель ушастой команды не был вымышленным персонажем. Его прототип — Иван Мазайхин, приятель Некрасова, с которым они часто напару охотились в здешних лесах.

Как и многие усадьбы, после революции Карабиху ждали непростые времена — трудовая артель, совхоз, детский дом, санаторий. О знаменитом владельце вспомнили лишь к его юбилею — 125-летию со дня рождения. Тогда-то и возник музей. На рубеже XX–XXI веков в Карабихе прошла серьёзная реставрация, и теперь в усадьбе действует несколько экспозиций — как постоянных, так и временных. Есть и детский музей, посвящённый тому самому непотопляемому деду Мазая.

В Карабихе хранятся личные вещи Некрасова, его гимназическая табель (кстати, будущий поэт в школе учился из рук вон плохо), ноты песен на его стихи, рукописи, коллекции редких книг и журналов. Ещё в музее регулярно устраивают литературные конкурсы и выставки фотографий, посвящённых природе здешних мест.

ЦАРСКИЙ ПУТЬ КОСТРОМЫ

Кострома лежит в самом сердце мерянской земли, там, где великая река делит её надвое — на Заволжье и, выразимся так, «Предволжье». И в названии слышится что-то мерянское, благо других «ма» в округе в достатке — Кохма, Кинешма, Чухлома... Вот только корень костр- нетипичен для финно-угорского языка, и исследователи полагают, что барышня всё-таки русская. Известно ведь, что исконная Кострома — это соломенная куколка, ровесница славянских языческих богов, близкая родственница широко известной Масленицы. Только ту сжигали, а эту спускали по воде. Владимир Даль, отметивший это слово как характерное для Владимирской земли, уточнял: «При встрече страдных работ, прощаясь с хороводами (на Всесвятской, в воскресенье пред Петровым постом, в русальное заговенье), хоронят Кострому, топят в Оке, а где её нет, в речке или озере. Часть провожан плачут и причитают, жалея Кострому и не давая её в обиду, прочие, с грубыми остротами, продолжают своё; спровадив Кострому, пьют и веселятся в последний раз до осеняя, до уборки хлеба». А вот у него же, вообще экзот: «Игра: баба, среди ребятишек, названная Костромой, сказывается мёртвою, а потом вдруг вскакивает и распугивает ребят». В общем, персонаж из восточнославянской мифологии, хтонический и сугубо карнавальный, как и положено в народных низовых культах.

На заре своей истории Кострома (город, а не кукла) была ещё более медвежьим углом, чем медвежий Ярославль. Крепостца, основанная в 1152 году на полпути в глухие севера, попадала преимущественно в локальные

сводки, то есть, простите, летописи. В XIV веке город быстро и бескровно вошёл в состав Московского княжества, отправил свою дружину на Куликово поле, а два года спустя именно в Костроме Дмитрий Донской отсиживался, пока Тохтамыш в отместку сжигал Москву.

Своей небесной заступницей костромичи считают саму Богородицу, зримым воплощением этого заступничества — чудотворную икону Фёдоровскую. С историей её обретения много неясностей, нашёл ли её то ли брат Невского Василий Ярославович, то ли его полумифический тезка князь Василий Квашня, и то ли в 1262 году, то ли в 1239-м. В остальном две истории повторяют друг друга практически слово в слово: икона висела на дереве у реки Запрудня (близ Костромы) и была перенесена в городской Успенский собор (за сносом одного при большевиках ныне пребывает в Богоявленском монастыре). С ней народное предание связывает победу костромской рати в битве при Святом озере — это у западной границы города. Где-то в 1262 году сюда подошли татарские орды с вполне очевидной исторической миссией. Храбрая Кострома решила встречать врага в поле, Василий Ярославович собрал дружину, впрочем, силы были заведомо неравны. И «для поднятия боевого духа» князь взял с собой на битву Фёдоровскую икону, от которой, по легенде, пошёл такой яркий свет, что ослепил всё вражеское войско. Что не доделала охватившая татар паника, успешно завершила костромская рать.

Прошло без малого 350 лет, и на том же Святом озере произошла новая битва — уже с польскими захватчиками. 1609 год, в Костроме кипит бунт против обосновавшихся в городе ставленников второго Лжедмитрия — те оказались под стать «боссу» и тоже были, по сути, банальным ворьем. Разгромленные тушинцы бегут в Ипатьевский монастырь, начинается осада... Шляхтич Лисовский идёт на выручку своим, но во второй битве у Святого озера его отбрасывают. Через некоторое время взят и Ипатьевский монастырь...

Эта древняя обитель — сейчас, наверное, самая известная костромская достопримечательность. Условно считается, что основал её примерно в 1330 году крещеный татарский мурза Чёт, основатель рода Годуновых — этим объясняется покровительственное отношение к монастырю царя Бориса. В смуту, после освобождения от поляков, в монастыре укрывался подросток Михаил Романов — этим, соответственно, объясняется покровительство со стороны их династии. 13 марта 1613 года в Ипатьевский явилась большая делегация — посольство Земского собора. Бояре и Духовенство били челом 16-летнему Михаилу, звали на царство в Москву... Стеснительный юноша некоторое время колебался, хотя все понимали, что скорее для виду, ибо всё было решено, прямо скажем, за него. Так Ипатьевский монастырь стал «колыбелью дома Романовых»... А дальше произошло то, что известно без преувеличения всем.

...О подвиге костромского крестьянина Ивана Сусанина сложено столько легенд, что трудно определить, где правда, а где вымысел. С детства, кажется, мы знаем, что этот человек завёл отряд польских интервентов в непроходимые болота. Однако, почему именно к Сусанину обратились поляки?

Дело в том, что шляхта рыскала по всей округе не абы как, а в поисках Михаила Фёдоровича, только-только призванного на царство и переезжающего из одной вотчины в другую в попытке уйти как раз от таких «летучих отрядов» — отправиться в Москву он ещё не мог.

Сусанин же был, судя по всему, приказчиком в имении Романовых в селе Домнино. Юный царь, по одной из версий, в тот момент укрывался именно там. Врагов надо было увести подальше и, желательно, насовсем. Вряд ли имело смысл просто кружить по лесу — Сусанин не мог не понимать, что отряд в несколько десятков человек легко нашёл бы обратный путь по своим же следам. Так что альтернативы болоту не было. Именно большое болото в окрестностях Домнина — его именуют Чистым — считается местом знаменитого подвига и гибели героя.

Со временем Михаил Романов наградил семью Сусанина — сохранилась жалованная грамота, согласно которой его ближайшие родственники были пожалованы землей и освобождены от уплаты любых налогов и податей. Подвиг воспел М.И. Глинка в знаменитой опере «Жизнь за царя», Сусанину поставили памятник и даже назвали в честь него центральную площадь Костромы — уникальная для дореволюционной России честь, оказанная выходцу из крестьянской семьи.

Гуляя по Ипатьевской слободе, нельзя не зайти в музей деревянного зодчества. На берегах тихой речушки Игуменки — настоящая деревенская улица с избами, каждая из которых сама как произведение искусства, с мосточками, церковью... Все эти постройки перевезли из костромских деревень — многих уж нет на карте, утопили в водах Горьковского водохранилища. Здесь и ветряные мельницы — шатровка и столбовка (на сваях), и церковь Илии Пророка с расписными тяблами, холщовым «небом» и резной с позолотой сенью над плащаницей. Или вот ещё древняя — середины XVI века — церковь Пресвятой Богородицы. В своём «родном» селе Холм она стояла на возвышении, а здесь, правда, зажата между жилыми домами Ипатьевской слободы.

Жемчужиной коллекции в прошлом считалась уникальная церковь «на курьих ножках», Преображенский храм из села села Спас-Вёжи. В этом месте память услужливо выдаёт: «В августе, около Малых Вежей»... Да, всё так, аккуратно в тех болотистых низменных краях Некрасов и старый Мазай наводили шороху на дупелиный выводок. Поэт называл деревню Малыми Вежами, потом закрепилось «Спас-Вёжи», хотя, строго говоря, и то, и другое неверно, Спас — это село, а Вёжи — прилегающая к нему деревня, именно так, через «ё», и никаких ни Малых, ни Больших.

Бесполезно искать Вёжи на карте. Всю эту местность вода понимала — да и поняла совсем. Ныне историческая деревня покоится на дне Горьковского водохранилища. Одиноко на берегу затона стоит пустое, вымершее село-сосед Вёжей — Спас, скорее по традиции, чем по факту наносимое на географические карты...

Нет и церкви. Советские реставраторы, от греха подальше, поставили её в самом Ипатьевском монастыре — под защиту стен. Храм любили показывать экскурсантам, считали одним из символов Костромы, без него не обходился ни один путеводитель... Но спасённая от воды, погибла Спасская на Сваях церковь от огня. Сгорела на заре нового тысячелетия, в 2002 году, когда монастырь уже снова был монастырем, при невыясненных и нелицеприятных обстоятельствах. Музейщики винили монахов — мол, их трудники курили на деревянном крылечке. Насельники валили на музейщиков — якобы закурил их экскурсант... Справедливости ради, церковь стояла в «Новом городе» монастыря, целиком отданном обители. Посторонние туда не допускались, и этот пункт исполняли столь ревностно, что даже пожарным ворота отворили не сразу. Когда открыли — огонь полыхал впол-

неба, спасать приходилось уже не храм, а всё окружающее. Расследование культурной трагедии, как водится, тихонько свернули, так что винить оказалось вроде как и некого... Конечно, Спаса-на-Сваях планируют восстановить, но известно же: реплика — не подлинник.

Так и осталось от Вёжей только упоминание в стихах Некрасова. Поэт, кстати, ошибся не только в названии, но и в географии: «за сорок вёрст в Кострому напрямиком» ну никак не мог бегать старина Мазай из деревни, от которой до города даже по петляющей дороге двадцати вёрст не будет. Этот «напрямиком» можно в Кострому и через Ярославль бегать. К ярославским костромским своего Мазая ревнуют. Точнее — к открытому в Карабихе детскому музею знаменитого деда. На каком основании, негодуют, и, надо признать, справедливо, костромича Мазайхина под Красными Ткачами прописали?

Кострома много потеряла в советское время. От многочисленных приходских храмов, формировавших облик города, остались считанные единицы. Грандиозный соборный комплекс снесли до основания, на недостроенную часовню в честь дома Романовых водрузили статую Ленина. Немного некультурно получилось — деревья окружающего парка подросли, достигли самых пят вождя, оттого с реки кажется, что Владимир Ильич стоит прямо на кронах. Утратив архитектурные акценты — частокол колоколен, Кострома стала «плоской», как Сквородка (здесь это слово с большой буквы: так горожане называют центральную площадь за специфическую планировку). И всё же дня не хватит, чтобы обойти в Костроме даже не всё — только всё самое интересное. Милая Дебря с её Воскресенской церковью, потрясающей снаружи и внутри. Та же «Сквородка» с уникальной пожарной каланчой — ещё один символ города, слава Богу, сохранившийся. Столь же уникальные торговые ряды — огромный комплекс, просто-таки ГУМ начала XIX века. А истории о знаменитом костромском купечестве! А музеи, переносящие нас в дворянскую эпоху! А сочные фрески Силы Савина и Гурия Никитина! А Снегурочка, которая с лёгкой руки драматурга Островского теперь поселилась в Костроме (аж в двух местах, между прочим — есть терем с интерактивными представлениями и настоящей ледяной комнатой, а есть музей «Сказочный край Снегурочки», это разные заведения).

А ещё Кострома слывет льняной и сырной столицей России. Лён выращивали здесь, когда ещё и города в помине не было. Ведь это растение едва ли не единственное доступное в нашей полосе сырьё, не считая шерсти животных, из которого можно получить нить для изготовления ткани.

Культивировать лён — дело трудоёмкое. Про него говорили, что он выматает, но и озолотит. Путь от полутораметрового стебля с голубыми цветочками до рубахи или сарафана долог. Ведь лён убирали вручную — «теребили». Его вырывали с корнем, часть стеблей оставляли в поле (с голого поля — голье уродится). Потом выбирали волокна. Это долгий процесс, поскольку они как бы приклеены к стеблю, и чтобы отделить их, растение приходится долго мять. А потом трепать и несколько раз чесать. Получались кудели, из которых пряли нить.

В конце XVIII века в Костроме было 22 полотняные фабрики. Позже их стали оснащать механическими станками, которых через полтора столетия насчитывалось уже несколько тысяч. А что касается веретен прядильного производства, то здесь их было больше, чем в Швеции, Дании и Голландии вместе взятых! Конечно, условия труда на фабриках были тяжёлыми — они не закрывались даже ночью, а смена длилась порой по 18 часов. Естественно, стачечное движение революционных лет не могло пройти мимо Костромы.

В советское время льняная промышленность переживала расцвет. Костромичи перевыполняли план, сеяли всё больше льна, фабрики обрастали жилыми кварталами и инфраструктурой. Появлялись новые микрорайоны, изменилась сама архитектура города. Сейчас, по статистике, треть всего российского льна производится именно в Костроме. И, к слову, шестая часть европейского.

Что же до сыра, то с ним сложнее: отечественное сыроварение — дело молодое, ему и двух веков ещё не исполнилось. Изначально сыр в нашей стране делали исключительно иностранцы, продавали за баснословные деньги и делились рецептами с русскими не желали. Но нашёлся один не самый богатый человек, который не стал терпеть подобную дискриминацию. Николай Васильевич Верещагин, брат знаменитого художника-баталиста, сумел «заразить» друзей идеей развить отечественную сыроваренную промышленность. Товарищи «поделили» Европу, поехав постигать премудрости ремесла за границей.

Вернувшись, полученные знания стали применять на практике. Верещагин создал экспериментальную артель в Тверской губернии, открыл школу сыроварения недалеко от Конакова... Производил отличные сыры, сгущенное молоко (неведомое доселе лакомство) и сливочное масло. Даже знаменитое вологодское масло начали изготавливать как раз на мощностях верещагинских предприятий! Но это потом. А пока в конце 70-х годов XIX века один из товарищей Верещагина — Владимир Бландов — осел в Костроме, где и запустил собственную сыроварню. Всего четыре работника за первый год существования предприятия произвели почти 13 тонн сыра!..

Традиции эти здесь помнят и сегодня, выпуская несколько сортов сыра, которые регулярно берут медали на разных выставках. Вполне заслуженно, в чём может убедиться каждый — достаточно прийти в Мучные ряды, где расположилась Сырная биржа. Приятного аппетита!

Глава 5

НА СТРАЖЕ ЦАРСТВА И ИМПЕРИИ

ЗАПАДНЫЙ СТРАЖ

Трудно, наверное, найти в России город, который мог бы сравниться со Смоленском по части невзгод, выпадавших на его долю на протяжении многих столетий.

Основанный задолго до 862 года, один из первых русских городов сначала был племенным центром кривичей, а в XII–XIV веках — центром княжества. Смоляне противостояли натиску немцев и литовцев с запада, участвовали в сражениях на Калке и Куликовом поле. А также вели успешную торговлю, контролируя верхнеднепровский участок «пути из варяг в греки». С этой точки зрения у Смоленска всё было хорошо, с других — не очень. Зажатое между двумя растущими и непрерывно враждующими центрами силы — Московией и Литвой, княжество просто обречено было играть роль буфера, о который постоянно бьются с двух сторон. Предел прочности иссяк к концу XIV столетия. Вильна оказалась проворней, и в 1404 году Смоленщина вошла в состав Великого княжества Литовского.

«Под Литвой» смоляне вели себя по-всякому: могли честно и доблестно сражаться в Грюнвальдской битве (1410), а могли и бунт поднять (1440, так называемая «великая замятня»). С другой стороны, Москва не могла долго мириться с тем, что столь важным городом (исконно русским к тому же) владеет сосед, да ещё окатоличенный. Дело было за малым — накопить силы. И вот в 1514 году Василий III лично повёл войска на Смоленск, и через две недели горожане вынудили литовский гарнизон сложить оружие. Смоляне присягнули на верность Москве, Вильна признала Смоленск за русскими лишь через восемь лет.

До конца XVI века городские укрепления были деревянными, что, конечно, не соответствовало ни велениям времени, ни стратегическому положению города. И вот при Борисе Годунове была построена знаменитая каменная крепость (называть её кремлем и неправильно, и язык не поворачивается — она охватывала не один детинец, но весь город целиком!) Шесть с половиной километров стен, девять ворот, 38 башен (сохранились 18) — выдающийся памятник фортификации! Произведение искусства! Настолько эстетически красива могучая твердыня, взметнувшаяся над изрезанным холмами и оврагами днепровским берегом, над зеленью деревьев и домами, до сих пор не смеющими оспорить высоту кирпичных башен. Автор этого великолепия — выдающийся зодчий Фёдор Конь.

Крепость строилась «ударными темпами», в дождь и снег, невзирая на время года и даже на поразивший Россию в 1600 году голод. В 1602 году её закончили. И очень вовремя. Уже через несколько лет вспыхнуло вооружённое противостояние с Речью Посполитой, пытавшейся отхватить от России, что на тот момент плохо лежало. Лежало плохо почти всё, но в первую очередь ключ-город — Смоленск. С 1608 года поляки и литовцы начинают «прощупывать» порубежную оборону восточного соседа. Не встретив достойного сопротивления, в 1609 году король Сигизмунд III двинул армию на Смоленщину, имея в качестве программы-максимум взять не только сам Смоленск, но и Москву, чтобы посадить русским царём своего сына Владислава.

Смоленской обороной руководил воевода Михаил Шеин. Ему удалось в максимально сжатые сроки перевести город на осадное положение — усилить крепость, распределить обязанности защитников, установить строгую военную дисциплину. Осенью поляки осадили Смоленск. Вероятно, Сигизмунд полагал, что горожане сдадутся без боя — среди них до сих пор было традиционно сильно «пролитовское лобби». По крайней мере, под Смоленск польский король пришёл вообще без артиллерии — её подогнали позже, когда выяснилось, что русские намерены обороняться. Первая попытка взять город с помощью подрыва ворот успехом не увенчалась: Копытинские ворота вообще не удалось взорвать, а атаку на Авраамиевы защитники города успешно отбили. Сигизмунд переключился на тактику «инженерной войны» — началось долгое противоборство польских и русских минеров, одни пытались подрыть под стены подземные ходы и заложить взрывчатку, другие весьма успешно эти подкопы разведывали и обрушивали. Артиллерийская дуэль не приносила решающего успеха ни той, ни другой стороне. К зиме 1609–1610 осаждавшие отказались от активных действий.

Но осаждённым зима не принесла передышки. В то время как поляки могли свободно пополнять людские резервы, провиант и боезапас, запёртые в городе смоляне были обречены на голод и упадок сил. Но и весной — летом новости с «большой земли» приходили хуже некуда. Сначала — безвременная смерть Скопина-Шуйского; потом — поражение под Клушиным русских войск, посланных на деблокаду Смоленска; ну и под конец — низвержение Василия Шуйского. Пропольски настроенная «Семибоярщина» послала Шеину приказ сдать город, но он гордо отказался. В это время у поляков уже была тяжёлая артиллерия, и пушкари принялись методично разрушать крепостные стены. Тем не менее, силы смолян хватило ещё на год осады. Ещё на одну кошмарную голодную зиму, на оборону города на руинах его укреплений под систематическими бомбардировками. Поляки ворвались в город лишь 3 июня 1611-го. Жители заперлись в соборе и, когда захватчики ворвались внутрь, подорвали порох, взлетев на воздух вместе с храмом и вражескими солдатами. Шеин до последнего отбивался врукопашную, но был схвачен и пленен; освободить воеводу смогли лишь через 8 лет, после многих перенесённых им пыток и унижений, которые он выдержал с честью.

Смоленск остался за Речью Посполитой, но какой ценой! Сколько интервентов сложили свои головы под его стенами! Как пошатнулся престиж короля Сигизмунда! Однако потеря Смоленска была серьёзным престижным уроном и для России. Неудивительно, что вернуть город попытались уже в 1613 году. После освобождения Москвы наши войска «на кураже» заняли Вязьму, Дорогобуж и Белый, но с ходу взять Смоленск не смогли. Русские повторили ошибку Сигизмунда — рассчитывали на сдачу города

без боя и не готовили решительного штурма. Этот просчёт повлёк за собой длительную осаду, при этом силы приходилось постоянно расплять, чтобы бороться с польскими отрядами, посылаемыми на помощь осаждённым и срыв наших коммуникаций. Один из таких отрядов под командованием Гонсевского сумел-таки перерезать пути снабжения, что вкупе с общим усилением польской группировки привело к тому, что в 1617 году осаду решено было снять. Деулинский мир 1618-го оставил Смоленск за Речью Посполитой.

Второй раз отбить город русские попытались в 1632 году, и тут неудача была ещё более болезненной. Хотя поначалу ничто не предвещало беды: войска под командованием воеводы Шеина, стремившегося взять реванш за своё «смоленское сидение», действовали довольно успешно... Правда, для того, чтобы собрать значительную армию (24 тысячи человек), пришлось воспользоваться услугами наёмников и ослабить гарнизоны южных крепостей. Этим воспользовались союзники поляков — летом 1633-го по русскому Черноземью пронесли отряды запорожцев, а за ними раскалённым утюгом прошла орда крымчаков. Дворяне, мобилизованные в войско Шеина из южных земель, в массовом порядке бросали армию и возвращались на защиту своих домов — счёт дезертиров шёл на тысячи. В итоге поляки подтянули силы, блокировали лагерь русских, и осаждающие превратились в осаждённых. Шеин держался полгода, но в феврале 1634-го капитулировал — у него осталось не больше трети армии. И хотя воеводе удалось договориться о беспрепятственном проходе всех уцелевших в Россию, даже при оружии и знаменах (неприятелю оставили только осадную артиллерию), в Москву возвращалось разбитое, униженное, опозоренное войско. Шеин, герой Смоленской осады 1609–1611 годов был обвинён в предательстве и казнён.

Отбить Смоленск удалось только при Алексее Михайловиче, в 1654 году. Через месяц осады польский гарнизон сдал крепость в обмен на свободный уход в Речь Посполитую. Андрусовский мир навечно закрепил Смоленск за Россией. Если учесть, что в том же 1654-м произошло воссоединение Украины с Россией и возвращение Киева — границы нашей страны значительно отодвинулись на запад.

Полтора века мирной жизни превратили Смоленск в крупный, процветающий город. После польского владычества его фактически отстроили заново, в особенности это касалось православных храмов — поляки не очень-то жаловали иноверцев. Были восстановлены главные архитектурно-исторические сокровища Смоленска — три древние, XII века, церкви: Иоанно-Богословская, Архангельская-Свирская и Петропавловская на Городнянке. На Соборном холме вознёсся новый Успенский собор (старый, тоже XII века, как мы помним, был взорван в осаду; так вот захватчики даже не утрудились разобрать руины). Новый грандиозный храм возвели в 1677–1740 годах, был он о семи главах, но в 1761-м случилось несчастье — они обрушились. Нынешний облик собор получил в 1772 году. Он словно парит над городом, помножив свою высоту на высоту холма — фериический бело-голубой, с золотыми маковками и круглыми окнами-иллюминаторами небесный корабль. Собор настолько красив, что его в своё время пощадили и Наполеон, и Гудериан...

...16 августа 1812 года у Смоленска появились французские войска. Им противостояли силы Барклая де Толли. Наполеон активно маневрировал, стремясь навязать русским генеральное сражение, в котором имел все

шансы одержать победу; якобы «нерешительный» Барклай, храня армию от бессмысленной бойни, уворачивался от столкновений и отходил к Смоленску, туда же на соединение с ним вёл своих людей Багратион. Когда началось сражение, оба полководца были ещё в одном переходе от города; оборону Смоленска взял на себя корпус Н.Н. Раевского. Он продержался критические сутки, изрядно потрепав французов, и 17 августа был сменен корпусом Д.С. Дохтурова. Наполеона, всё ещё ожидавшего решительной схватки, удалось перехитрить, сковать локальными стычками, а после императору французов оставалось лишь наблюдать с другого берега Днепра, как отходят основные русские силы: ожидаемое генеральное сражение вылилось в арьергардный бой в городских предместьях. Стороны понесли потери до десяти тысяч человек каждая. Город горел целиком, и 18 августа русское командование приняло решение более не удерживать пылающие руины. Как писал русский офицер и поэт, уроженец Смоленщины Ф.Н. Глинка: «Город весь сквозной... ветер свищет среди обгорелых стен; по ночам кажется, что развалины воют». Лишь уцелевшая в огне крепость и возвышающийся над ней собор напоминали о том, что это пепелище было Смоленском...

В память о том сражении в 1841 году в Лопатинском саду был открыт монумент защитникам города — строгий чугунный столп с луковичной главой стал первым в России «гражданским» памятником событиям Отечественной войны. А в честь столетней годовщины битвы, на «бульваре в память 1812 года» (ныне это сквер Памяти Героев) поставили, пожалуй, самый знаменитый памятник Смоленска — «Благодарная Россия — Героям 1812 года». Автором проекта был военный инженер Николай Шуцман. Нынешние смоляне, с целью экономии речевых ресурсов, сокращают длинное название до простого «памятник с орлами». Орлы, защищающие гнездо — это, разумеется, русская армия, а ползущий по скале дерзкий галл — сами понимаете кто.

После Отечественной войны город медленно, но восстанавливался. Стал важным культурным центром России: здесь жили и писали композитор М.И. Глинка и прозаик В.А. Вонлярлярский, много дала городу общественно-просветительская деятельность М.К. Тенишевой. В бывших пригородных имениях Талашкино и Фленово, где Мария Клавдиевна устроила центр развития народной художественной культуры и сельского хозяйства, в советское время был организован музей-заповедник — ныне одна из известных достопримечательностей Смоленска.

Интересно, что после революции на Смоленскую область претендовала БССР (республику сформировали на основе земель Западной области, центром которой как раз был Смоленск), но перепись населения показала преобладание этнических русских.

Самой страшной страницей в истории города стала Великая Отечественная. Смоленск снова грудью стал на защиту Отечества. Два месяца, с 10 июля до 10 сентября, гремело градиозное Смоленское сражение — семь армий с советской стороны, три армии и две танковые группы с немецкой. Германское командование стремилось прорвать оборону, рассечь советские войска на три части, окружить и уничтожить. Москва не могла планировать активных действий — истрёпанные силы Первого Стратегического эшелона отводились на доукомплектование, Второй Стратегический только развертывался. Оставалось только реагировать на действия немцев. Враг полностью владел инициативой.

Гитлеровское наступление началось по нескольким направлениям, удалось быстро захватить Невель, Велиж, Демидов, Полоцк, Оршу... 16 июля передовые части Гудериана вошли в Смоленск. 21 июля Ставка попробовала нанести контрудар, чтобы пробить коридор к блокированным под городом нашим силам. Однако суета в принятии решений и их исполнении не позволила добиться успеха, более того, в окружение попали новые части, сгорели в боях последние боеспособные мехкорпуса... Положение складывалось критическое. К августу Смоленск был оставлен, советские войска с большой кровью ушли за Днепр. Немцы развивали успех, как от большого пирога отрезая всё новые и новые куски от утрачивающей монолитность советской обороны. В котлы попадали дивизии, истаявали под неприятельскими ударами корпуса. Положение было столь жутким, что 21 августа Гитлер, чувствуя, что его войска полностью контролируют ситуацию, отозвал 2-ю танковую группу Гудериана вместе с 2-й полевой армией и развернул их на юг — на окружение советского Юго-Западного фронта... Когда немецкие клинья сойдутся под Лохвицей, разразится грандиозная киевская катастрофа. Однако выход из боя столь крупных сил на смоленском участке фронта позволил Ставке продолжить попытки контрударов. Один из них, возглавленный Г.К. Жуковым, вошёл в историю как Ельнинская операция. Жуков провёл успешное наступление против захватившего Ельню 20-го немецкого корпуса, вклинившегося в советскую оборону и создававшего фланговую угрозу Западному и Резервному фронтам. Разгромить корпус не получилось — он отошёл, оставив город, но оперативное положение наших войск в целом улучшилось. Успех был локальный, и одно время было «модно» пенять на «советскую пропаганду» — мол, раздула событие... но если подумать — как нужна была уставшим и подавленным от череды поражений войскам хотя бы локальная победа! И не вина тех, кто срезал Ельнинский выступ, в том, что советское контр наступление на других участках фронта оказалось безуспешным — будь иначе, кто знает, как бы повернулись события?

Ельнинскую операцию иногда называют первым удачным контр наступлением советских войск в 1941 году. Это не совсем так: одним из первых — да, но не первым (незадолго до этого наши солдаты пусть временно, но отбили у врага Великие Луки). Но Ельню заметили. В боях на выступе родилась Советская Гвардия. Отличившиеся в сражениях 100-я стрелковая дивизия И.Н. Руссиянова и 127-я стрелковая дивизия А.З. Акименко были удостоены звания соответственно 1-й и 2-й гвардейских.

...После Смоленского сражения фронт стабилизировался на 20 дней. Советские потери были огромны — убиты и ранены были три четверти миллиона человек. Немцы потеряли около ста тысяч. Безусловно, сражение было нашими войсками проиграно. Но парадоксальным образом (война вообще полна парадоксов) в масштабах стратегии это поражение обернулось в плюс. Немцы не ожидали ни столь яростного сопротивления, ни того, что бои затянутся на два месяца. Они тратили силы, у них уходило время. Его ещё хватит для рывка на Москву — но не на взятие столицы.

В напряжённейшей Смоленской битве немецкий блицкриг был сорван. Война переходила в затяжную фазу. Выиграть такую войну Германия не могла.

25 сентября 1943 года Смоленск был освобождён. В 1985 году — стал городом-героем.

В послевоенные годы разрушенный войной город отстроился и преобразился. В очередной раз были отремонтированные старинные памятники архитектуры, на месте уничтоженных кварталов появилась новая застройка в монументальном стиле «сталинского ампира». Величественные сооружения с широкими фасадами и характерными башнями очень украсили Смоленск. Несмотря на то, что не так давно советскую архитектуру в частности и градостроительство в целом было принято ругать на чём свет стоит, это не вполне справедливо. В случае Смоленска — совершенно несправедливо. Город стал современным и красивым, комфортным для жителей и привлекательными для гостей. Тем более, что и уцелевшим старинным кварталам нашлось место. И прекрасным паркам, и седой крепости.

МЁЧ И ПРЯНИК

официально Тула на год старше Москвы, хотя многие историки и ставят под сомнение эти данные Никоновской летописи, считая документ XVI века слишком ненадёжным источником для реконструкции событий века XII-го. Достоверно известно, что, по грамотам 1382 года, город уже был, хотя в те времена ничем особым не выделялся.

До середины XV века Тула успела побыть и под Рязанью, и под Литвой, окончательно став «московской» при Василии Тёмном. А при его внуке — Василии III — о захолустном некогда городке (по Далю: Тула — «скрытое, недоступное место») заговорили как о стратегической точке России. Да как заговорили! До сих пор говорят. Бывают у городов периоды взлета и падения, но Тула как подняла гордо голову, так её и ни разу не склоняла. Сокрушить стены этой крепости не удалось ни одному из захватчиков.

В XV–XVI веках направление к югу от Москвы было не менее горячим, чем западное. Нам, привыкшим считать Украину то ли новообразованием XX века, то ли правопреемницей Киевской Руси (нужное подчеркнуть в зависимости от политических убеждений), кажется необычным, что, если вообще абстрагироваться от политики, «украин» у нашей Родины было много. И одна из них находилась как раз в современной Тульской области. Это сейчас Чернский, Кимовский, Богородицкий районы прочно ассоциируются с сердцем России, с Москвией, а ведь пятьсот лет назад Русская земля от этих краев была ощущимо «за шеломянем»... За украиной никто не мог чувствовать себя в безопасности — беспокойное и жестокое Крымское ханство считало просторы Черноземья своими кочевыми угодьями. Русские города, возникавшие здесь, назывались «польскими» — опять же, имея отношение отнюдь не к Польше, но к Полю, которое столько кровушки попило у русского люда, что совсем не за красивые кыпчацкие глаза прозвано было Диким...

Но время шло, и Русь крепла. Считать дни от набега до набега крымчаков, отсиживаться за Окой, с тоской взирая на давно не ведавшие сохи плодородные просторы юга, было для растущего государства и его людей невыносимо. И вот в самом начале XVI века Василий III решил наконец запечатать надёжной твердыней печально известный Муравский шлях — тогда самое угрожаемое направление крымской украины, — а заодно и создать крепость для обеспечения дальнейшего наступления в степь.

Нет, это не опечатка. Хотя для кого-то и может стать когнитивным диссонансом: крепость — для наступления. Но это так, тульская крепость во времена своего создания была вполне «наступательным» сооружением.

Её поставили не просто вдаль от главной линии обороны — окского «Берега», а сильно вдаль. Спустя несколько десятилетий на Тулу ориентировали новый пояс укреплений — Большую засечную черту, «отхвачившую» для Руси у Поля ещё порядочный кусок земли. Бросается также в глаза, что стоит Тула, казалось бы, вопреки всем логическим законам, не за естественной границей — рекой Упой, а перед ней, если смотреть со стороны степи. Город вынесли вперёд, как плацдарм; форпостом русского государства навек остался этот смелый эксперимент, большая крепость (в 1509 г. — деревянная, в 1520 г. — уже каменная) в предполье. Город, который не просто тормозил орды кочевников, но и сам посылал вперёд свои сторожи, полки, армии.

Каменную крепость строили быстро и, кажется, из чего под рукой было. Стены напоминают слоеный пирог: начало им было положено из белого камня, который добывали в венёвских каменоломнях. Потом освоили обжиг кирпича на месте, и верх достраивали уже красный, с характерным московским «ласточкиным хвостом». Впрочем, местами можно увидеть и такую чересполосицу: белый камень — кирпич — снова белый камень — и снова кирпич! Всё говорит о том, что крепость действительно возводили в жёстком цейтноте и в связи с этим, вероятно, привлекали не одну артель мастеров.

ВРЕЗ: ЗАРАЙСКИЙ КРЕМЛЬ

Ещё одна старинная крепость Московской земли, вынесенная далеко в заокское предполье — Зарайск. Ныне небольшой городок, оставшийся в стороне от шумных магистралей, а также самый маленький кремль Подмосковья (и лучше всего сохранившийся, кстати). Основан в 1146 году, как и Тула, на год старше столицы. Изначально был рязанским владением, в 1521 году, с прекращением существования Великого княжества Рязанского, перешёл Москве, а уже через несколько лет по приказу Василия III в городе начинается строительство каменного кремля. Закончили крепость в 1533 году, и вскоре она уже подверглась нападению крымчаков. Впоследствии довелось выдерживать не один штурм.

Если въезжать в Зарайск со стороны города Озёры — мы сразу, немедленно и без предупреждения окунёмся в старину. На крутом холме на правом берегу реки Осетр, в обрамлении деревьев встречает нас древняя крепость. Да, она невелика, но «игрушечной» её никак не назовёшь. Наверное, за счёт этой «компактности» стены и башни кажутся ещё внушительнее, чем они есть на самом деле. Это настоящая, без условностей и допущений, боевая крепость не в парадном, торжественном облике начищенного до блеска музея, а в буднях простой человеческой жизни — седая и усталая, немного провинциальному печальная, но такая же могучая, как и полтысячи лет назад.

Тульский кремль стал предтечей укреплений Коломны, во многом по его образцу строился самый маленький кремль Подмосковья — Зарайский, а до появления в 1550-е каменной крепости Серпухова Тула была, по сути, единственной по-настоящему мощной преградой на пути кочевников. Добрых полтора десятка раз она вставала на пути незваных гостей с юга. 1552 год — год взятия Казани — едва не обернулся для туляков кошмаром, когда из Крымской орды нагрянул Девлет-Гирей. В городе в тот момент... не было гарнизона — полки присоединились к Казанскому походу. На стенах билось фактически народное ополчение — мастеровые мужики, женщины и даже дети. Когда к ночи осаждающие сумели проломить ворота, горожане быстро сделали завал и выиграли время до рассвета. А больше было и не нужно — к восходу солнца от Коломны подошли войска Грозного, прогнавшие крымчаков «с великим срамом». Спустя три года Девлет-Гирей опять попробовал взять Тулу, и опять потерпел поражение.

К XVIII веку российские границы отодвинулись далеко на юг, и старинная крепость утратила своё значение; но не утратили значения отточенные за много лет навыки туляков, ставших главными царскими оружейниками. Последний раз Тула держала оборону спустя четыреста с лишним лет после постройки городских укреплений. Панцирным клещам Гудериана чуть-чуть не хватило инерции сомкнуться на городе. А дальше... опять же — «костер-венение народа, Барклай, зима иль русский Бог?». А гордая Тула осталась непокорённой.

И нет ничего удивительного в том, что именно в Туле, городе — храбром воине и умелом труженике — появился старейший в нашей стране музей оружия.

Оружейников в России всегда было много, но мировую славу снискали именно тульские. Традиции их ремесла уходят в глубину веков. А подлинный расцвет производства начался с Петра I: царь, готовясь к Азовским походам, разместил у тульских мастеров, как теперь принято говорить, заказ на две тысячи единиц огнестрельного оружия в год. А ещё — по легенде — попросил оружейника Никиту Демидова починить ему сломавшийся иностранный пистолет. Сделать это было уже невозможно, но в назначенный срок мастер вручил царю точную копию испорченного оружия. Пётр, убеждённый, что это тот самый пистолет, будто бы стал нахваливать надёжную заморскую конструкцию, а Демидов обиделся, сказал, мол, и туляки «супротив немца постоят». Тут славившийся своей горячностью царь ударил оружейника со словами: «Сперва сделай, потом хвались». «Сперва узнай, потом дерись», — парировал оружейник, указывая на собственное клеймо.

Легенда, может, и приукрашивает, да только результат от того не меняется: талантливому мастеру достались Верхотурские заводы и невьянская железная руда в Уральских горах. Именно на Урале развернётся в полную силу династия Демидовых. А в Туле царь распорядился создать оружейный двор, на котором производилось до полутора десятков тысяч ружей и пушек в год...

После того как тульские стволы подтвердили свою надёжность и качество в сражении под Полтавой, Пётр I снова решил отметить туляков. В 1712-м своим указом он повелел возвести Тульский оружейный завод, а чуть позже распорядился «старинные пушки и фузеи не переливать и не портить, а сдавать как курьёзы в цейхгаузы на сохранение... для памяти на вечную славу». В результате всего за полвека коллекция стала богатой до такой степени, что матушка Екатерина отдала специальное распоряжение о создании Палаты редкого и образцового оружия. Просуществовала, правда, она чуть более десяти лет — потом все экспонаты попросту перевезли в московскую Оружейную палату.

В XX веке музей оружия осел на территории Тульского кремля — в бывшем Богоявленском соборе. Недавно получил и новое здание — шлемообразную новостройку близ Демидовского некрополя на правом берегу Оки. Сейчас в собрании музея — более восьми тысяч единиц хранения: на их примере можно проследить не только историю производства оружия, но и историю нашей страны от Петра до наших дней.

В советские годы Тульский завод выпускал легендарные винтовки СВТ, авиационные пушки «ШВАК», револьверы «Наган» и, конечно же, фирменные пистолеты ТТ — «тульские, Токарева». До сих пор предприятие производит модификации знаменитого автомата Калашникова и грозную противотанковую ракету «Конкурс».

Другой не менее известный тульский «бренд» — сугубо мирный, вторая сторона здешнего дуализма. Пряники выпекают в городе как минимум с 1658 года. По крайней мере, именно тогда они впервые упоминаются в писцовых книгах. Сейчас это популярный сувенир и просто лакомство, их выпускают в промышленных масштабах с начинками главным образом двух видов — повидло да сгущенное молоко. А вот в старину...

...В старину они назывались медовым хлебом — их завезли на Русь варяги в IX веке. Потом в медовый хлеб придумали добавлять травы и корни, а уж когда из экзотических стран к нам пришли «сухие духи» — специи, пряники приобрели более привычный современному человеку вкус. В тесто начали добавлять перец, тмин, имбирь, апельсиновые корки и другие приправы. В качестве начинки использовали джемы и повидла обязательно из местных ягод. Рецепты пряников держали в строжайшей тайне, а все ингредиенты взвешивали не гирями, а разновесами, роль которых играли камни и куски железа. Эталона не было — зато какое разнообразие пропорций и вкусов! В каждой семье пряничников эти «фирменные» разновесы тщательно охранялись — не дай бог попадут к конкурентам!

Прежде пряники пекли в специальных пряничных досках, сделанных не просто из абы какого дерева, а непременно из нижней части ствола тридцатилетней груши или березы. Толщина форм была всего пять сантиметров, а сушили их двадцать лет! Столь трепетное отношение к пряникам неудивительно, ведь в Туле они сопровождали человека с рождения до самой смерти. Именинные пряники прятали за икону ангела-хранителя, чтобы он первым отведал лакомство и был добр к своему «подопечному». Дети по ним учили азбуку. Пряник дарили на свадьбу. Когда гостей начинали угощать им, это служило сигналом: пора расходиться. А на следующий день молодожёны выменивали пряник (уже другой, разумеется) у родственников на деньги и подарки. Да и на поминках неизменно подавали пряники — дабы пришедшие усерднее молились о душе усопшего.

Позднее тульские пряники стали делать в виде поздравительных открыток, а также выпускать их в честь тех или иных событий — юбилея Куликовской битвы, Бородинского сражения, подвига Ивана Сусанина, коронации нового царя... А где пряники — там и чаепитие. Самовар тоже родом из Тулы, и, как известно, со своим в город лучше не соваться. Считается, что первый самовар изготовили на досуге в 1778 году в мастерской оружейных дел мастера Фёдора Лисицына его сыновья Иван и Назар. А прообразом этого приспособления, скорее всего, можно считать металлический агрегат для варки популярного на Руси напитка — сбитня.

Новинка пришлась по вкусу. Через 20 лет у Лисицыных уже была своя фабрика, а веком позже таких фабрик в Туле было уже тридцать, и выпускали они по 120 тысяч самоваров в год... Да каких самоваров! Всех размеров и форм, вплоть до самых причудливых — с кранами в виде дельфинов, например. Любопытно, что раньше самовары продавались на вес — латунные стоили по 64 рубля за пуд, красномедные — по 90...

К XX веку крупнейшим в городе предприятием была фабрика И.Ф. Капрызина. Во время Первой мировой войны она временно перешла на выпуск военного оборудования, а после революции предприятие национализировали, но исторический профиль сохранили. Фабрике было дано имя В.И. Ленина, однажды там даже выпустили полутораведерный самовар с портретом вождя.

В 1960-е годы спрос на самовары пошёл на спад — повсеместно в квартирах появился газ. И лишь в середине 2000-х в Туле снова стали выпускать жаровые самовары — только теперь это уже дорогие штучные экземпляры.

БЕЛАЯ ВОЛОГДА

Форпосты России — это не только отмеченные подвигами крепостные башни и города воинской славы. Всё же война — это разрушение, а большинство людей хотят жить, растить детей и кормиться солено. Воинскую силу России всегда равновесила сила мирная — созидательная, трудовая, без этого канули бы, как канули грубые гунны и недальновидные вандалы. А где труд — там и торговля, обмен продуктами производства. Не было у Руси естественных границ на западе, юге и востоке — защищаясь от беспокойных соседей, прирастали те окраины крепостями. А Русский Север, простирающийся вплоть до Ледовитого океана — лучшего пограничника — и жил спокойней (хоть условия и пожёстче), и был для России морским окном в Европу задолго до Санкт-Петербурга. Через Сухону и Северную Двину выходили в море корабли. Северные форпосты России — деловые, торговые.

Великий Двинский речной путь отмечен славными городами: Тотьмой, родиной «русских колумбов» — исследователей Северной Америки (один из них, Иван Кусков, основал знаменитый Форт-Росс в Калифорнии); богатым и роскошным Великим Устюгом, который облюбовал в качестве своей резиденции Дед Мороз; Холмогорами, откуда в 1730 году отправился в Москву 19-летний Миша Ломоносов, будущий учёный-энциклопедист и основатель Московского университета; наконец, Архангельском, остававшимся долгие годы единственным крупным морским портом России.

Вологде, расположенной у самых истоков этого пути, сам Бог велел стать «воротами севера». С одной стороны, меньше двухсот вёрст от Ярославля — одного из важнейших купеческих центров. С другой стороны — вот струг, вот река: из Вологды — в Сухону, из Сухоны — в Двину, а там и Белое море, экспорт и импорт... Немудрено, что основавшие город новгородцы упорно и последовательно пресекали всяческие поползновения в сторону Вологды ростово-суздальских, тверских и московских.

Кстати, об основании: официально Вологда — ровесница Москвы, и эту дату застолбили в XX веке памятником 800-летия города на так называемой Лениной площадке — просто считается, что Вологда началась на этом месте с неподходящим для какого бы то ни было начала названием. Но поскольку версия о 1147 годе базируется не на древних летописях, а на «Повести о чудесах Герасима Вологодского» аж XVII века, разумеется, возникают сомнения. Не верящие в чудеса считают, что реально город возник не раньше середины XIII столетия, когда и упоминается в письменных источниках.

Соперничество за Вологду длилось долго. Её брал Василий I, в ней отбыл ссылку Василий II Тёмный, а конец территориальным спорам положил младший сын последнего — Андрей Меньшой, после смерти отца получивший в удел Вологду и Кубену. В 1481 году Андрей умер бездетным, завещав свои земли старшему брату — московскому великому князю Ивану III. На том и спорам конец.

В Московском княжестве Вологда быстро стала центром внешней торговли (с Англией и Голландией) и... местом политической ссылки. Почин Василия Тёмного сработал, что ли? В древние времена сюда были отправлены казанский хан Ильхам и литовский гетман Острожский, опальные племянники Ивана III Иван и Дмитрий Углицкие. В новое время список знаменитых ссылных пополнили Бердяев и Луначарский, Мария Ульянова и Молотов... И, разумеется, Сталин. Дом, где он жил в Вологде — ныне музей вологодской ссылки.

А при Иване Грозном Вологда чуть не стала Москвой-2. Самодержец не только определил город в опричные земли, но и планировал устроить здесь свою резиденцию. В 1566 году начал строить огромный каменно-деревянный кремль: 46 гектаров — вдвое больше Московского! Его грандиозный главный храм, заложенный при Грозном, должен был как минимум не уступать Успенскому собору кремля московского. Городу светило большое будущее, «стройка века» близилась к концу, но... В 1570 году всё изменилось одновременно и бесповоротно. В разгар одного из визитов царь внезапно уехал из Вологды, охладев к ней раз и навсегда. Версия о нападении на Москву крымчаков, сдернувшем Грозного с севера, не объясняет этого внезапного охлаждения; логичней выглядит предположение о моровой язве, из-за которой Иван Васильевич был вынужден покинуть город. Самая поэтичная версия — легенда о плинфе, выпавшей откуда-то с верхотуры строящегося собора и тюкнувшая монарха в маковку. Якобы Грозный так осерчал, что и город оставил, и собор не достроил. Как ни странно, сугубая легенда, в отличие от «научных» версий, как раз-таки объясняет глубокую обиду царя на Вологду. Тем более что собор он действительно не достроил. Освящали его уже при Фёдоре Иоанновиче, причём не как Успенский (так задумывал Грозный), а как Софийский. Обида первого русского царя и вологжан, видать, оказалось взаимной — жители города предпочли не копировать Москву, а вспомнить свои новгородские корни.

Софийский собор и поныне — красивейший храм Вологды. Величественный, уверенный в себе XVI век. А вот колокольня — вторая половина века девятнадцатого! По виду, как говорится, не скажешь — настолько удачно вписана. И только приглядываясь повнимательней, замечаешь характерную эклектическую псевдоготику. Но нижние 17 метров новой колокольни всё-таки остались от старой. Если кому захочется узнать, как та выглядела — для этого нужно выйти за рамки «парадной части» Вологды и на задворках гаражей отыскать комплекс бывших церквей Владимирского прихода. Вот их колокольня — как раз копия старой соборной.

А громадный вологодский кремль так и не достроили. То, что ныне просторечно называется «кремлем» — на самом деле архиерейский двор, одна двадцатая часть от запланированной твердыни Ивана Грозного.

Настоящей крепостью (архиерейский двор чисто декоративен) можно считать Спасо-Прилуцкий монастырь. Обитель, основанная в 1371 году учеником Сергия Радонежского — Дмитрием Прилуцким — к середине XVII века оделась в каменные стены толщиной в два и высотой до семи метров. Пусть не вводит в заблуждение «весёленькая» бело-жёлто-оранжевая раскрасочка башен — они вполне боевые. Впрочем, испытать их мощь в реальном деле не довелось. Монастырь ныне известен тем, что на его территории находится могила поэта Константина Николаевича Батюшкова. Знаменитый вологжанин славен тем, что, по выражению Белин-

ского, «много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно». Именно с Пушкиным почему-то путают порой туристы бронзового Батюшкова работы скульптора Клыкова. Памятник «с конем», установленный в самом сердце Вологды, на высоком берегу у архиерейского двора, уже стал неотъемлемой частью города. Хотя многие жители и считают — мол, лучше бы было поменьше коня, побольше Батюшкова.

С основанием Санкт-Петербурга Вологда навсегда утратила значение торговых «ворот севера». Но по сей день сохранила очарование бело-румяного северного города, милого и немного провинциального губернского центра.

МАСЛО, КРУЖЕВО И СЕРЕБРО

С детства многие помнят словосочетание «вологодское масло». Но мало кто знает, что за ним стоит. Вернее, кто. Уже известный нам Николай Васильевич Верещагин. Он и его единомышленники, в частности, открыли артели на вологодской земле, ибо там были способствовавшие производству прекрасные заливные луга, да и климат умеренный.

В 1870-м году Николай Васильевич побывал на Всемирной молочной выставке в Париже, где попробовал удивительное масло с ореховым привкусом. Тогда-то он понял, что такой привкус можно получить, перерабатывая сливки при очень высокой температуре. И вот в вологодском селе Марфино появился первый маслодельный завод. Своё «ореховое» масло предприниматель назвал «Парижским» и производил его в том числе на экспорт. Вот только за рубежом его называли «Петербургским» — ведь все поставки осуществлялись из Питера!

Но не один Верещагин увлёкся тогда маслоделанием. В.А. Гиляровский, сам из вологодских, вспоминал, что жена некоего помещика Кудрявого тоже открыла свою молочную ферму. А в качестве рабочей силы использовала политических ссыльных. Масло она назвала «скромно» — «Кудрявая».

Интересно, что в советское время фирменный верещагинский «ореховый» привкус был прописан даже в ГОСТе. Правда, там не уточнялось, вкус какого именно ореха должен быть у вологодского масла. Так что в газетах написали: в вологодское масло, мол, добавляют вытяжку из грецких орехов. А многие маслоделы вообще стали использовать, что под рукой было. ГОСТ пришлось переписать, убрав из него любое упоминание об орехах.

Уже в наше время, когда рынок буквально наводнили всевозможные подделки, вологодские власти, дабы защитить свой бренд, на законодательном уровне разрешили использовать слово «вологодское» только для маркировки продуктов, произведённых на территории области. Всё остальное считается контрафактом.

А вот вологодское кружево — «бренд» более древний. Известно, что плести его начали ещё в XVI веке — главным образом, из льна. Для создания узора нужно, казалось бы, не так много — специальный валик да набор деревянных палочек-коклюшек. Ну, и искусные руки, разумеется. К началу XIX столетия кружевоплетение уже превратилось в промысел. Почти в каждой усадьбе десятки крепостных мастериц создавали изящные вещицы, которые отправлялись не только на местные рынки, но и в столицу. Этот промысел был необычайно популярен — если в 1890-е годы на Вологодчине было около четырёх тысяч кружевниц, то через двадцать лет их уже насчитывалось 40 тысяч!

В советское время кружевоплетение, в отличие от многих других промыслов, не было забыто. Напротив, мастера объединились в союз, производивший не только мерное кружево, но и штучные изделия — воротнички, салфетки, дорожки, перчатки, галстукки. К середине XX века стали плести и настоящие уникальные картины по эскизам художников.

Вологодские кружева не раз получали высшие награды на международных выставках, в том числе и в Бельгии, которая считается европейским кружевным центром. А в самой Вологде несколько лет назад открылся музей промысла. Он расположился в здании бывшего Госбанка.

Ещё один местный промысел — это так называемая «северная чернь», или чернение по серебру. Строго говоря, он возник не в Вологде, а в Великом Устюге, причём заниматься им мастера стали ещё в X веке. Однако на уровень промысла чернение вышло лишь через семь столетий. Технология такова: серебряное изделие гравируют, протравливая в нём углубления, в которые потом заливают особый сплав серебра, меди, свинца и серы. Чернили и ложки, и подстаканники, и ювелирные украшения, и табакерки, покрывая их, как правило, растительным орнаментом.

В советское время в Великом Устюге продолжили развитие промысла.

Сначала артель, затем фабрика и завод. Узоры стали изысканнее и за-тейливее — в них появились мотивы произведений Пушкина, Гоголя, Крылова, а изделия получали высокие награды на всемирных выставках. В позднейшее время заводу стали заказывать большие чаши, братины и блюда с рисунком, посвящённым тому или иному событию — от подвига папанинцев до юбилея Москвы.

СТАВНИ ДЛЯ «ОКНА В ЕВРОПУ»

В тот драматичный момент истории, когда Пётр I начал рывок на северо-запад, геополитическое положение России было далеко от идеального.

С одной стороны, безусловно, вторая половина XVII века принесла России значительные территориальные приобретения. Возвращены Киев и Смоленск, получен выход к Азовскому и Чёрному морям. С другой стороны, изоляцию от Западного мира преодолеть не удавалось. Османов и поляков потеснили — но они по-прежнему оставались «буфером», весьма недружелюбным, отделявшим Россию от Европы. Действительно «окном», лучше не скажешь, мог бы стать выход на Балтику. Пока морское сообщение с западными странами поддерживалось «через голову» — огромным крюком через Ледовитый океан, где и в наши дни навигация — серьёзное испытание. Пётр стремился сделать Россию державой амбивалентной, сильной и на суше, и на море; при этом ориентированной на западные достижения. Балтика нужна была как воздух.

Но мощнейшей державой, контролировавшей акваторию, была в тот момент Шведская империя. В ходе Смуты шведы «оттяпали» у России Ингерманландию и Карелию, памятли были и более древние времена, когда русские владели городами в Прибалтике. Просто так Стокгольм делиться землей и морем не собирался. Отметим, что Пётр схитрил — и, объявляя Карлу XII войну, в официальной ноте не упомянул территориальные претензии, а сослался на неучтивый приём, оказанный шведскими дипломатами русскому царю в Риге в ходе «Великого посольства». Тот факт, что Пётр находился в составе делегации инкогнито, не упоминался.

Потерпев болезненную неудачу под Нарвой, царь сумел реорганизовать войска, значительно увеличить количество артиллерии (в том числе за счёт переплавленных церковных колоколов), перегруппироваться и достичь успеха на берегах Невы. В 1702 году яростным и героическим штурмом был взят Нотебург — удерживаемая шведами старая новгородская крепость Орёшек. Брать остров-крепость было невероятно сложно, на приступ пошли добровольцы, большей частью из Семёновского полка. Успеха удалось достичь далеко не сразу, в какой-то момент Пётр даже думал об отступлении и пытался послать гонца; есть легенда, что возглавлявший штурм князь М.М. Голицын велел передать царю: «Теперь я принадлежу не Петру, а Богу». Штурм продолжался 13 часов и завершился нашим успехом.

В 1703 году была взята шведская крепость Ниеншанц на стрелке Невы и Охты; таким образом, всё течение Невы от Ладоги до дельты перешло под российский контроль. Чтобы закрепить успех, 27 мая 1703 года на Заячьем острове, близ устья Невы, была заложена Петропавловская крепость — первое сооружение нового города Санкт-Петербурга.

Питер ведь не сразу стал Северной столицей, до этого он побывал северным форпостом. В 1704-м на левобережной стороне неевского устья

заложили вторую крепость Петербурга — Главное Адмиралтейство (да, нынешнее здание Андреяна Захарова стоит на месте вполне себе настоящей фортеции). Но всё это была пассивная оборона; недостаточно было запечатать Невское устье — в идеале нужно было удерживать корабли противника подальше от него. Заложенный в том же 1704-м Кронштадт блестяще сыграл отведённую ему роль «идеальной морской крепости». Ни разу не подпустил вражеский флот к Северной столице. «Окно в Европу» было надёжно забрано в ставни.

Днём основания Кронштадта (18 мая) считается закладка крепости Кроншлот по проекту знаменитого Д. Трезини. Собственно крепость Кронштадт возникла чуть позже, в 1723 году, тогда же произошло переименование города. От большой цитадели на острове Котлин протянулись к северному и южному берегам Финского залива цепочки островов с укреплениями поменьше — фортами. Сейчас их состояние далеко от идеального (это мягко сказано), а в прошлом вся система — настоящий шедевр морской фортификации. Далеко видно золото на могучей главе величественного Никольского собора (закончен в 1913 году) на Якорной площади — это самый большой в России «морской» храм и лучшая работа выдающегося мастера эклектики архитектора В.А. Косякова. Другие интересные достопримечательности старого Кронштадта — один из старейших в России маяк Толбухин (1719), первый в нашей стране сухой док Петровский (1752), Петровский же парк с памятником первому российскому императору, музеи — «Кронштадтская крепость» и квартира святого Иоанна Кронштадтского.

В 1720-е город-остров становится колыбелью и главной базой Балтийского флота, к этому времени уже одержавшего победы над шведами в битве при Гангуте (1714) и Гренгаме (1720), что поставило финальную точку в Северной войне и доказало право России называться Империей. После окончания войны флот имел более 140 военных кораблей. Воспитанниками Морского кадетского корпуса — кузницы кадров для «балтийцев» — были адмиралы П.С. Нахимов, Ф.Ф. Ушаков, Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.П. Лазарев, Ф.П. Врангель, И.Ф. Крузенштерн, предводитель белого движения А.В. Колчак, создатель первого русского самолёта А.Ф. Можайский, живописец В.В. Верещагин, композитор Н.А. Римский-Корсаков...

В Первую мировую моряки-балтийцы гарантировали России стратегическое преимущество над Германией на море; они же стали «локомотивом революции», во многом обеспечив успех восстания октября 1917-го. А после победы большевиков Кронштадт не подпускал к Петрограду эскадры интервентов.

Самым тяжёлым испытанием стали годы Великой Отечественной войны. К этому времени Краснознаменный Балтфлот имел два линкора (знаменитые «Марат» и «Октябрьская революция», более двух десятков других надводных кораблей, 65 подлодок, сотни самолётов. Балтийцы, сражаясь на море, на суше и в воздухе, ценой тяжёлых потерь отстояли рубежи Ленинграда, обеспечив ему гордое имя Города непокорённых.

...Сложно писать об одной из самых «чёрных» страниц нашей истории — блокаде Ленинграда. Сложно потому, что физически невозможно поставить себя на место тех людей, проникнуться всем ужасом и отчаянием их положения. За 872 дня около 650 тысяч горожан погибли от голода, холода и обстрелов; с боевыми потерями РККА эта цифра зашкаливает за миллион — более тысячи смертей в день! Да, бывало, что беспросветный кошмар заставлял людей терять человеческий облик. Но других адская мука бесконечно

возвеличивала — это им стоят монументы в городе и его окрестностях, это им воздвигнут мемориал на Пискаревском кладбище... Блокада — это боль и мужество. Это хлебные карточки и люди, умиравшие на ходу. Это Синявинские высоты и страшный «Невский пятачок». Это выбоины на колоннах Исаакиевского собора и сохранившиеся надписи на стенах домов: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Это дневник Тани Савичевой и Героическая симфония Шостаковича. Это узенькая лента «Дороги жизни», протянувшаяся по Ладожскому озеру, дарившая осаждённым надежду на выживание. Уже 1 мая 1945 года Ленинград был назван городом-героем — это как раз тот случай, когда героической становится не точка на карте, связанная с тем или иным событием, а именно город, как общность пространства и населяющих его людей. И как же невыносимо было слышать звучавшие на голубом экране рассуждения «общечеловеческих» «мыслителей» — мол, надо было оставить Ленинград, избежали бы такого количества смертей... Только что не добавляли — сдаться и пить баварское. Это ведь даже не поражение, это гнусная ложь: не спасла бы жителей города капитуляция. Гитлер не собирался захватывать Ленинград, он хотел уничтожить его — и никакая это не «советская пропаганда», существует же, наконец, директива № 1601 начштаба ВМС Рейха: «Фюрер принял решение стереть город Ленинград с лица земли... мы не заинтересованы в сохранении хотя бы части населения». Нужны комментарии?

Память о подвиге блокадного Ленинграда воплотилась в мемориальном комплексе «Зелёный пояс славы». 26 монументов, охвативших город неровным кольцом как раз по бывшей линии фронта. Общая протяжённость — 200 километров, но все эти памятники — единый мемориал блокаде. «Безымянная высота» — могучий пирамидальный холм при устье Тосны; «Кировский вал» в том месте, где была остановлена вражеская атака на Ленинград; «Лемболовская твердыня», где остановили подходивших к городу с севера финнов; «Невский пятачок» на том самом плацдарме на левом берегу Невы, за удержание которого заплатили жизнями 50 тысяч советских воинов; знаменитое «Разорванное кольцо» — там, где начиналась «Дорога жизни»; «Атака» на Ораниенбаумском плацдарме... И, наверное, самый пронзительный памятник — «Цветок жизни», в память о погибших детях Ленинграда... «Пусть всегда будет солнце» — надпись на лепестках цветка. И вторят ей слова на мемориальной плите: «Во имя жизни и против войны».

ГОРДОСТЬ РУССКИХ МОРЯКОВ

Крым — благодатная и мученическая земля. Полуостров преткновения! Кто только за него не боролся! От древних греков остался Херсонес Таврический, а православный храм посреди античных руин напоминает о тех временах, когда Херсонес стал Корсунью. Когда преемники древних греков — византийцы — заронили здесь семена христианства в душу диковатого, в общем-то, северного князя, он вернулся в Киев и свалил в Днепр им же самим не так давно поставленного Перуна. Колыбель русского православия — это тоже нынешний Севастополь. Потом были локальные, но ожесточённые стычки между «местными» — феодоритами и «понаехавшими» — генуэзцами. Первые оставили крепость Каламиту в Инкермане, вторые — крепость Чембало в Балаклаве. О Крымском ханстве напоминают

Бахчисарай, культура крымских татар и несколько используемых в политической конъюнктуре легенд, таких как та, где татары именуются коренным населением полуострова. Хотя правильно — не «коренное», а «исторически сформировавшееся в Крыму». Как народность они возникли после XIII столетия в результате многовекового этноплавильного эксперимента по ассимиляции вновь прибывших народов с прибывшими чуть ранее, плюс щедрая инъекция кыпчаков, плюс монгольская оккупация Бату-хана, добавившая и генофонд, и имя. Как раз монголы нынешних татар татарами и называли.

А потом, когда обитавшие в Крыму народы основательно передрались между собой, пришли турки. Почти триста лет, с 1478 по 1774 год, якобы «самостоятельное» Крымское ханство было вассалом Османской империи. А самостоятельным без кавычек стало по итогам Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года. Того самого, между Россией и Турцией, который дал нашей стране свободу плавания по Чёрному морю, а Крыму положил быть независимым от всякой сторонней власти. Независимостью ханство распорядилось плохо, вильнуло обратно в сторону Турции, поднялись бунты... Короче, в условиях вопиющего несоблюдения двумя сторонами условий договора третья сторона — Россия — резонно сочла себя никому ничем не обязанной и в 1783-м забрала Крым себе.

Современный город-порт Севастополь обязан своим если не фактическим основанием, то появлением на карте уж точно полководцу сухопутному, А.В. Суворову. В 1778 году Россия искала удобное место для базирования Черноморского флота. Нынешнюю Севастопольскую бухту тогда называли на турецкий манер Ахтиярской. И тогда, и сейчас лучшего места, чтобы держать флот, на Черном море не было. Единственным неудобством была расположившаяся в бухте турецкая эскадра, но Александр Васильевич, как он сам выражался, «вытеснил» турок, просто поставив у выхода в открытое море береговые укрепления с солидными гарнизонами.

А.В. СУВОРОВ

Об Александре Васильевиче Суворове говорить и писать можно бесконечно долго. Но сводить рассказ о нём к хрестоматийному перечислению его заслуг не хочется: и так все помнят, по крайней мере, о взятии Измаила и переходе через Альпы.

Суворов был личностью необыкновенно яркой. С самого рождения, казалось бы, ничего героического его ждать не могло: сын крестника Петра I, маленький Фаша рос очень хилым ребёнком. Массу времени он проводил в богатейшей отцовской библиотеке и постепенно увлёкся военным делом. Тогда и решил, что «гражданка», к которой готовит мальчика отец — не для него. Суворов самостоятельно занялся закалкой. А тут ещё и прадед А.С. Пушкина — Ганнибал заметил, что ребёнок даже в игре в солдатки проявляет неплохое знание тактических хитростей. В результате, отец отправил сына мушкетером в Семёновский полк. Помимо этого, молодой человек посещал занятия в кадетском корпусе.

Однажды, стоя в карауле в Петергофе, Суворов был замечен императрицей Елизаветой. После короткого разговора, государыня решила дать ему серебряный рубль, на что Суворов ответил, что караульный Устав запрещает брать деньги. Елизавета похвалила Суворова за знание службы и положила монету на землю у его ног. Тот рубль Александр Васильевич хранил всю жизнь.

В своей военной практике Суворов имел возможность изучить все сферы жизни солдат — от тыловой поддержки, вопросов снабжения до подготовки и воспитания бойцов. Став командиром, он начал исправлять недочёты военной подготовки. Его тактика приносила успех нашим войскам — в войнах с Турцией, во время подавления беспорядков в Польше и в Итальянской кампании. При этом Суворов умел так взаимодействовать с союзными войсками, что успехи всех совместных боевых операций были поразительными. Не случайно он был не только кавалером всех орденов, существовавших

в России, но также удостоился множества титулов от монарших особ Европы — князь Итальянский, граф Священной Римской Империи и принц Сардинского королевского дома. Между прочим, император Павел I, сначала невзлюбивший Суворова за его неприятие прусской военной системы («Русские прусских всегда били, чего ж тут перенимать?» — удивлялся Александр Васильевич) и даже отправивший было его в ссылку, потом вынужден был изменить отношение к нему. Требовалось осадить наполеоновские планы Франции, но союзники России требовали, чтобы во главе войск стоял не кто иной, как Суворов.

Великого полководца уважали не только правители. Он пользовался невероятной популярностью в народе, причём не только у нас. В Англии, например, пресса воспевала его подвиги, типографии издавали его биографии, мужчины делали причёски «а-ля Суворов», носили «суворовские» шляпы и заказывали в едальнях «суворовские» пироги. Более того, русский посланник в Лондоне докладывал, что за здоровье русского военачальника провозглашают второй тост — после заздравного королю. Похожие настроения царили тогда по всей Европе, и русские газеты писали о том, как «приятно быть русским в такое славное для России время».

А что же сам герой? Он был весьма скромен, славился своим стремлением к аскетическому образу жизни, при возможности любил петь в церковном хоре. Он абсолютно не гордился своими многочисленными титулами и лишь просил, чтобы на его могильной плите вместо перечисления всех регалий написали бы просто: «Здесь лежит Суворов». Его желание выполнено не было — пафосную надпись заменили лишь через полвека после смерти полководца стараниями его внука.

А в 1783-м, после того как Крым стал частью России, Екатерина II повелела основать на этом месте город. Греческое название подошло как нельзя лучше. Во-первых, соблюдалась историческая преемственность «Византия — Россия», во-вторых, «Севастополь» переводится как «священный, славный город». Воистину, легендарный Севастополь... Матушка Екатерина как в воду глядела.

Город исторически посвятил себя работе на Черноморский флот. Потому и развивался быстрее, чем другие поселения Таврии, — особенно при военном губернаторе М.П. Лазареве. Знаменитый адмирал, исследователь Антарктики, много сделал для Севастополя. Город обязан ему планировкой и благоустройством, моряки — отменной выучкой. В своё время Михаил Петрович был наставником будущих адмиралов Корнилова и Нахимова — защитников Севастополя в годы Крымской войны. Она прервала развитие города. Она же золотом вписала его имя в историю...

Можно долго спорить на тему, что стало причиной войны. Коварство англичан, строивших политику на принципе «разделяй и властвуй» и препятствовавших возникновению мощных «центров силы» в континентальной Европе? Задиристость французов, реваншизм Наполеона III, мечтавшего отомстить «этим русским» за разгромленного дядюшку? Самоуверенность Николая I, стремившегося активно участвовать в европейских делах и распространить российское влияние на Балканы? Ясно одно: англо-французская коалиция умело сыграла на внешнеполитических просчётах российского императора, слегка оторвавшегося от реальности, убеждённого в непобедимости своей страны и «союзнических чувствах» пруссаков и австро-венгров, которые якобы окажут содействие при худшем раскладе. А агонизирующую к тому времени Османскую империю «западные партнёры» просто использовали.

Война началась в 1853 году как очередная Русско-турецкая с наступления российских войск. Сухопутные силы, впрочем, особых успехов не достигли, зато во всем великолепии проявил себя флот. П.С. Нахимов блестяще провёл Синопское сражение, наголову разгромив турецкую эскадру. От поражения османов спасли Англия и Франция, потребовавшие вывода русских войск из Дунайских княжеств и начала переговоров с Турцией,

а в ответ на отказ объявившие войну. «Союзнички» в Берлине и Вене императора Николая I попросту обманули. И вот в 1854 году Англия и Франция вторглись в Крым. Силы коалиции превосходили русские более чем вдвое. Сердцем героической обороны стал Севастополь. Цитаделью Севастополя — легендарный Малахов курган.

...Величественный зелёный холм на Корабельной стороне и в наши дни господствует над городом. Сейчас это огромный мемориал под открытым небом. А летом 1854-го на здесь возвели первый оборонительный бастион — Корниловский. Уже через несколько месяцев он отражал атаки англичан, французов и турок. Постепенно высота обросла укреплениями; её защитники держали оборону, даже когда город был окружён и по нему вела огонь без малого тысяча вражеских орудий. Много героических историй сохранилось о тех днях. Здесь геройски погибли адмиралы В.И. Истомин и В.А. Корнилов, здесь вражеская пуля настигла П.С. Нахимова. Перед тем роковым ранением знаменитый флотоводец, которого называли не иначе как душой обороны Севастополя, успел произнести: «Они сегодня довольно метко стреляют».

П.С. НАХИМОВ

Павел Степанович Нахимов родился в 1802 году в сельце Городок, что недалеко от Вязьмы. Его отец — небогатый помещик — вёл свой род от одного из приближённых гетмана Мазепы. Мол, был в его окружении некий Нахимовский. Правда, его потомки перешли на сторону России, служили доблестно, за что и получили дворянство и земли.

Павел Степанович, с детства, как и все его братья, влюблённый в море, ещё в начале своей службы попал под командование М.П. Лазарева. С тех пор они практически всегда работали вместе. И в кругосветках, и в Наваринской битве. Потом Нахимов блестяще провёл Синопскую операцию, снискавшую ему лавры великого флотоводца. А в 1845–55 годах пришлось переместиться на сушу — адмиралу поручили защиту южной части Севастополя. Он формировал батальоны, руководил возведением батарей и боевыми действиями. Кроме того, в его обязанности входили подготовка резервов, медицинское и тыловое обеспечение. «Отец-благодетель» для солдат и матросов, Нахимов совершенно не берег себя. Его, обходившего с инспекциями самые опасные места Малахова кургана, было видно издали — всегда в характерном длинном сюртуке и заметных эполетах. Во время одного из таких объездов Нахимова смертельно ранили. Скончался он через два дня. очевидцы говорят, что во время похорон, когда музыканты заиграли прощальный марш, а наши корабли приспустили флаги, ровно то же самое сделали и корабли врагов. А англичане и французы стояли на палубах с непокрытыми головами, чтя русского героя.

На Малаховом кургане история буквально «в каждом клочке земли». Памятник Корнилову с выложенным из вражеских ядер крестом. Небольшой обелиск в память русских и... французских воинов, погибших «при обороне и нападении» в последний день осады Севастополя. Обе стороны тогда понесли огромные потери, и всех погибших похоронили в одной братской могиле. «Их воодушевляла победа и объединила смерть. Таков удел солдата» — написано на монументе.

С Малахова кургана, по другую сторону Корабельной бухты, видна монументальная ротонда Панорамы — живописного свидетельства мужества русских воинов, лучше всего рассказывающая о тех героических и трагических днях. Удивительно органично переходят друг в друга «предметный» и «художественный» планы, и ошеломлённый зритель уже и не понимает, где заканчивается «натура» и начинается холст, где заканчивается холст и начинается... реальность? Словно сам становишься очевидцем событий полуторавековой давности, проживаешь их вместе

с безвестными и знаменитыми героями. Здесь и легендарные адмиралы, и прославившийся своими дерзкими вылазками матрос Пётр Кошка, и почти круглые сутки оперировавший раненых хирург Николай Пирогов, и медсестра Даша Севастопольская...

Символом города стал памятник затопленным кораблям Черноморского флота — пятнадцать их (плюс одно торговое судно) легло на дно, запечатав фарватер у входа в Севастопольскую бухту, заступив дорогу в сердце города превосходящим англо-французским военно-морским силам.

Ещё один памятник мужеству — Братское кладбище на Северной стороне, куда по понтонным мостам через километровой ширины бухту ушли русские войска после падения Малахова кургана. Ушли, но не сложили оружие. За их спинами пылал превращённый в руины город...

Де-юре война была Россией проиграна. Но героическая 11-месячная оборона Севастополя и успехи нашей армии на Кавказе (взятие турецкой крепости Карс) позволили де-факто окончить военные действия там же, где они начались. Карс остался за Турцией, Севастополь — за Россией. Правда, по мирному договору наша страна лишалась Черноморского флота. Но уже в 1871-м договор был пересмотрен, и русские моряки вернулись в Севастополь.

Крымская война обошлась более чем в триста тысяч жизней с обеих сторон. А в XX веке Севастополю пришлось ещё большей кровью подтвердить статус города воинской славы.

Великая Отечественная началась для города в первые часы 22 июня 1941 года. Только что уснувшие после гуляний по случаю окончания очередных морских учений севастопольцы поднялись по тревоге в начале второго ночи. А через два часа на бухту посыпались с вражеских самолётов морские мины, сбрасываемые на парашютах. Гитлеровцы рассчитывали за счёт внезапности нападения блокировать флот и уничтожить его. Но зенитчики нарушили планы немцев. Удержать «воздух» было на тот момент первоочередной задачей: советскому флоту в Чёрном море достойных соперников не было, а о сухопутном вторжении на полуостров речи не шло...

...До осени 1941 года. Тогда стал ясен масштаб катастрофы, постигшей Юго-Западный фронт РККА под Киевом, тогда была потеряна Украина. Крым, советский «непотопляемый авианосец», угрожал флангу гитлеровских войск, а заодно мог отправлять самолёты на бомбардировки румынских нефтепромыслов и вообще тылов. Немцы вторглись в Крым по единственному возможному сухопутному пути — через Перекоп. В два месяца Манштейн преодолел оборону советских сил и вышел к южному берегу. Эвакуационные суда спешно увозили наши войска на Тамань. Севастополь оказался в кольце.

Попытки врага взять город с ходу провалились — он держал оборону 250 дней. Вместе с переброшенной из Одессы по воде Приморской армией сражались севастопольские морпехи, зенитчики, береговая артиллерия. Цементом (в прямом и переносном смысле) стали мощные артиллерийские форты. Для борьбы с ними немцам пришлось привлекать свои знаменитые сверхтяжелые орудия. В то же время Большая земля не могла оказать Севастополю реальной помощи. Евпаторийский (тактический) и Керченский (стратегический) десанты завершились неудачно, если не сказать катастрофически. Немцы теряли время и людей, но давили... Последние дни осаждённых стали трагической страницей истории, повестью о героизме и предательстве. Сдавая пядь за пядью землю, советские войска отступали на мыс Херсонес. Прижатые к морю, они вдруг узнали, что эвакуации

для них не будет — из города вывезли только начальственный состав... Кто-то сражался до конца. Кто-то попал в плен. Кто-то бросался в море, пытаясь уйти на подручных плавсредствах под огнём противника. Удалось немногим.

3 июля 1942 года Совинформбюро констатировало потерю Севастополя.

Немцы удерживали город почти два года. К концу 1943-го ситуация осени-1941 повторилась с точностью до наоборот: советское наступление на Украине отрезало части вермахта в Крыму. Генералы советовали начать эвакуацию, однако Гитлер, понимая стратегическую (и психологическую) важность Крыма, велел держаться. Однако то, на что немцы потратили почти год, советские войска сделали всего за месяц. В апреле 1944-го началась операция по освобождению Крыма. Кульминацией стали ожесточённые бои в районе Сапун-горы. Там находились десятки дотов, блокировавших путь на Севастополь. Вражеская оборона была крепка, но кровь наших солдат была пролита не даром: лишившись Сапун-горы, враг не мог уже долго удерживать позиции в Севастополе...

12 мая 1944 года Крымская операция советских войск была успешно завершена. На Сапун-горе сейчас мемориальный комплекс и музей с главным экспонатом — диорамой штурма.

После войны Севастополь — город первостепенной важности — отстраивался достаточно быстро. Были восстановлены военно-морские объекты, застроен заново почти полностью уничтоженный центр, выросли новые жилые кварталы... А в 1954 году (в столетний юбилей начала первой героической обороны) Севастополь пережил ещё один удар, но уже «от своих». В одночасье стал из русского украинским городом. Волонтерист во генсеках объяснял своё решение «территориальной близостью», «экономической общностью» и «культурными связями», ну и вообще трёхсотлетием Переяславской рады... Впрочем, это всё не имеет равным счётом никакого отношения к Севастополю. Ведь с 1948 года он — «город особого статуса», самостоятельный административно-хозяйственный центр в составе РСФСР. В состав «дареной» Крымской области не входил, особого статуса Москвой не лишился, и в указе 1954 года юридически его передача Украине никак не оформлялась. Более того, до 1968 года «по инерции» Севастополь финансировался из бюджета РСФСР.

Спустя десять лет городу был подтверждён особый статус, но... уже по Конституции СССР (есть такое ёмкое русское слово — самозахват). Понятно, что до распада Союза это никого особенно не заботило, но в новейшее время стало причиной известных противоречий. При этом Севастополь всегда считал себя русским городом. Русским той самой русскостью, которая не делит народы на кацапов и хохлов, а объединяет их на защиту Отечества. Той самой русскостью, которая сделала русскими и уроженца Смоленской губернии Нахимова, и одессита Кошку, и даже тюрингского немца Тотлебена.

Таким он был, таким и остаётся.

Глава 6

ДВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ

ПОЛЯМИ СЛАВЫ

«**Н**едаром помнит вся Россия про день Бородина». Простые, даже бесхитростные строки М.Ю. Лермонтова мы навсегда выучиваем с младших классов школы. Когда нет ещё никакого представления о стратегии и тактике, мало кто может уверенно отличить Кутузова от Барклая, а известие о том, что война в Наполеоном закончилась не в 1812-м, а в 1814-м, может повергнуть в ступор.

Но мы уже — помним.

Небольшое (вовсе не как у Лермонтова), пересечённое балками, перелесками, всхолмьями поле между селами Бородино и Семёновское стало музеем-заповедником, местом воинской славы предков и паломничества потомков — любителей истории и хранителей памяти.

26 августа (по новому стилю — 7 сентября, «официальная» памятная дата 8 сентября — плод недоразумения, ошибки в пересчёте) здесь разгорелось генеральное сражение Отечественной войны 1812 года. Самое крупное в истории той кампании. Хоть Бородинский бой длился всего один день, задействовано было более 250 тысяч человек, до 100 тысяч из них были убиты или ранены.

Прелюдией послужил Шевардинский бой на левом фланге русских сил (24 августа / 5 сентября). Изначально Кутузов выстроил оборону по линии Шеварино — Бородино — Маслово, это был тактический ход, чтобы определить направление главного удара неприятеля. Атака французов подтвердила: Наполеон нажмёт на левый фланг. Русские удерживали Шевардинский редут весь день, а когда бой утих, под покровом темноты отошли. Кутузов завернул фланг на Семёновское — Утицу, заняв более выгодные позиции и заодно выиграв двое суток на их доукрепление. Именно у Семёновского находились знаменитые Багратионовы флеши, которые стали одним из эпицентров кровавой драмы, показавшей отчаянное упорство неприятеля и беспримерную стойкость наших солдат.

Но сперва (ранним утром в день сражения) Наполеон нанес отвлекающий удар собственно на Бородино. В числе прочих войск село обороняли егерские части (здесь им сейчас установлен памятник в виде часовни). Наши силы были в четыре раза меньше французских, но егеря держались час, после чего организованно отступили за Колоочь и не позволили неприятелю форсировать реку. Наполеоновцы взяли Бородино — но и только; при этом локальное «шевеление» на правом фланге совершенно не беспокоило Кутузова, разгадавшего истинные замыслы своего визави.

Багратионовы флеши враг пытался взять целых восемь раз. В кошмарной мясорубке, длившейся с пяти утра до полудня, Наполеон положил до половины задействованной на этом фланге пехоты. Несколько раз французы овладевали флешами, но русские отбивали их контратаками; дважды предпринимали охват, но также безуспешно; и лишь восьмая атака принесла успех. Но и то, что называется, по случайному стечению обстоятельств: видя, что артиллерия уже не справляется с натиском врага, П.И. Багратион организовал штыковую атаку и едва не опрокинул французов в очередной раз, как вдруг получил тяжёлое ранение (оказавшееся смертельным)... Весть о том, что любимого военачальника выносят с поля боя, деморализовала солдат, они стали в беспорядке отступать. Принявшему командование П.П. Коновицыну удалось отвести войска за Семёновский овраг, где сплошной стеной стояли лейб-гвардии Семёновский и Измайловский полки с артиллерией. Французы заняли флеши, но очень дорогой ценой, и продвинуться дальше не смогли.

Ныне укрепления частично воссозданы, на них установлены многочисленные памятники русским пехотинцам, кавалеристам, конной артиллерии. На месте гибели генерала А.А. Тучкова 4-го, возглавившего одну из контратак и павшего в ней — Спасо-Бородинский монастырь, основанный его вдовой М.М. Тучковой, ставшей позже известной под именем игуменьи Марии.

Наполеон сумел продавить, но не проломить левый, как он считал — ослабленный фланг русской армии. После полудня сражение переместилось в центр, к батарее Н.Н. Раевского, поддержанной пехотинцами Паскевича и Васильчикова. И здесь противник предпринял ряд атак, отражённых нашими войсками. Второй волной французам удалось ворваться на батарею, но контрудар А.П. Ермолова и А.И. Кутайсова (погиб в этом бою) отбросил их на прежние позиции. Обеспечить успех смогла лишь одновременная атака огромных масс кавалерии в обход и наступление войск Богарне во фронт. При этом элитные конники, под шквальным огнём прорвавшиеся в тыл и фланг батареи, приняли на себя основную мощь контрудара русских и понесли тяжелейшие потери, погиб командир кирасирского корпуса генерал Коленкур. В четвёртом часу дня наши войска отошли с позиций, но опять же — какой ценой досталось врагу это небольшое достижение! Если Багратионовы флеши стали «могилой французской пехоты», то батарея Раевского — «могилой французской кавалерии». Потратив день, Наполеон смог всего лишь оттеснить русскую армию на версту-две. Проинспектировав центр, император пришёл к выводу, что русские не утратили боеспособности, и принял решение не вводить в бой Старую гвардию — фактически оказавшись от развития успеха, поскольку и успеха-то, по большому счету, не было. Вечером на Бородинском поле перестреливались уже только одни артиллеристы, а ночью Наполеон отвёл войска на исходные, оставив завоёванные такой кровью клочки земли.

На месте батареи Раевского стоит, в числе прочих, главный памятник Бородинского поля — чугунная колонна с церковной главой. Родная сестра памятников, одновременно поставленных ещё в пяти городах-героях 1812 года: Малоярославце, Ковно, Полоцке, Красном и, конечно же, в Смоленске — с этим памятником мы уже знакомы.

Музей-заповедник был основан в 1961 году.

Давать оценку Бородинской битве по канонам военной науки достаточно сложно, потому что по ней, «по науке», выходит, что генеральное сражение Отечественной войны закончилось... вничью. Обе стороны де-факто

остались на изначальных позициях, обе понесли сопоставимые и тяжёлые для себя потери (четверть французских сил и 30% русских). При этом каждый из противников объявил о собственной победе! Конечно, если учесть сохранение существовавшего на момент перед битвой статус-кво (Наполеон наступает, Кутузов отходит), может создаться впечатление, что у французского полководца больше резона говорить об успехе. А если вспомнить ещё и сгоревшую Москву... но не всё так просто, и словосочетание «моральная победа русских» — отнюдь не пустой штамп. Наполеон хотел генерального сражения — он его получил и был разочарован. Как выяснил император на Бородинском поле, время генеральных сражений, решавших кампанию, прошло. Решительно разбить русскую армию и быстро завершить поход ему не удалось. Ничья — она, скорей, «по очкам», но в итоге Бородинское сражение продемонстрировало намерение русских сопротивляться. Продемонстрировало и врагу, и самой нашей армии. Стало своевременно данным лекарством от горечи грядущей сдачи Первопрестольной — скажи-ка, дядя, ведь недаром?.. И пожар Москвы оказался погребальным костром не городу, но «Великой армии» Наполеона...

ПРЕДЕЛ НАПАДЕНИЯ

Малоярославец — небольшой городок. Меньше тридцати тысяч жителей. Основан в 1402-м, и все 600 лет тихо провёл на обочине Большой Истории. Лишь однажды здесь произошло по-настоящему громкое событие. Но зато какое — действительно эпохальное! «Предел нападения, начало бегства и гибели врагов», — как отозывался о Малоярославецком сражении Кутузов.

Осенью 1812 года Наполеон неожиданно для себя обнаружил, что утратил стратегическую инициативу. Захват Москвы не привёл к «взятию России за сердце», русская армия не сложила оружие, а стояла рядом, беспокоила; тут ещё и поднявшаяся «дугина народной войны» грозила оставить французов зимой в сожжённом городе без снабжения (его перехватывали партизаны). Нужно было отходить к логистическим базам Смоленская вот только местность между ним и Москвой была начисто разорена самой же «просвещённой Европой». Наполеон решил «дать крюка» и двинул войска на юг, на Калужь, где было чем поживиться. Но русская армия, совершив Тарутинский манёвр, стала лагерем у калужской дороги. Было ясно, что без боя не прорваться. Дреной сражения оказался Малоярославец.

Войска сошлись прямо на улицах города. Бой кипел целый день 24 октября. За 17 часов непрерывной схватки Малоярославец переходил из рук в руки много раз и в итоге остался за французами; вернее, за ними остались пылающие развалины с заваленными трупами улицами. Погибло до 6 тысяч с французской стороны и до 7 тысяч — с русской (для сравнения, население городка тогда составляло полторы тысячи человек). Наутро стороны изготавились было для продолжения боя; дальше произошло неожиданное. Кутузов решил отступить на пару вёрст — на оборонительные позиции. А Наполеон тоже решил отступить. Противники просто разошлись. Но если Кутузов по-прежнему держал Калужскую дорогу, Наполеону пришлось сворачивать на опустошённую Смоленскую. Последствия этого рокового решения хорошо известны. Так, казалось бы, очередная тактическая ничья в этой кампании была записана в победный актив русской армии.

О событиях тех времён напоминают памятники Малоярославца. Монумент-колонна, как на Бородинском поле, был установлен в 1844 году, но то, что мы видим сейчас — это реплика, оригинальный памятник был разрушен в 1930-е. Многим знаком мемориал павшим, воздвигнутый на братских могилах в столетнюю годовщину сражения: солдат, укладывающий венок героям 1812 года, и пушка. Памятник — работа военного инженера полковника А.В. Вехновского — стал символом города. В часовой комнате рядом ныне расположена диорама «Малоярославецкое сражение», а в двухстах метрах по той же улице — музей. Своёобразным памятником сражению стали святые ворота Николаевского Черноостровского монастыря — свидетеля битвы: их решено было оставить такими, какими они были после 24 октября, буквально испещрёнными следами от пуль и осколков. Но, как рассказывают в Малоярославце, ни одна пуля не попала в лик Спаса Нерукотворного над воротами.

В 1941 году земля под Малоярославцем вновь обагрилась кровью русских солдат. Подвиг подольских курсантов на Ильинских рубежах, безусловно, нельзя обойти вниманием.

Всего за пару лет до начала Великой Отечественной войны в Подольске возникли два военных училища — пехотное и артиллерийское. И уже в октябре 1941 года молоденьким курсантам пришлось применить ещё не до конца полученные знания на практике.

Враг рвался к Москве, особенно тяжёлое положение складывалось на подступах к Малоярославцу. Чтобы хоть как-то сдержать натиск гитлеровских войск, командование решило направить в тот район сводный отряд из 2000 курсантов-артиллеристов и полутора тысяч курсантов пехотного училища. По тревоге их сняли с занятий и бросили на Ильинский боевой участок.

Более десяти дней они героически держали оборону, принимая на себя атаку за атакой, в том числе и с тыла, когда немецкие танки подошли к ним, маскируясь под красными флагами. В боях курсантам удалось уничтожить пять тысяч немецких солдат и сотню танков, потеряв при этом, однако, большую часть своих товарищей. Но они смогли выполнить поставленную перед ними задачу — сдержать наступление войск вермахта, дать нашему командованию столь драгоценное время на сбор резервов. Оставшиеся в живых потом продолжили учёбу. 36 подольским курсантам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиг молодых бойцов не забыли. В 1965 году в одной из школ города Климовска (ныне — гимназия имени Подольских курсантов) открыли музей, посвящённый подвигу на Ильинских рубежах. Школьники отправились в поход по местам, где сражались курсанты. Потом в самом Подольске появился памятник героям. А уже в 70-х годах в селе Ильинском возвели мемориальный комплекс — памятник, вечный огонь и военно-исторический музей «Ильинские рубежи».

В наши дни в Подольске по-прежнему свято берегут память о своих героях и ежегодно в конце апреля устраивают акцию «Подольская ленточка» (по аналогии с «Георгиевской») — чтобы молодое поколение знало и никогда не забывало о подвиге своих земляков.

ВЫСОКО СТОИТ ВЯЗЬМА

С первой половины XIII века известна Вязьма как центр удельного княжества стратегического значения. Может, и помоложе Москвы, но в те времена Москва ещё не столичный град, не собирательница земель русских, а захоlustье захоlustное; ну, а Вязьма — знатный город, развитый и экономически, и политически. Местность вокруг буквально испещрена речушками. Это сейчас они мелкие, а раньше были судоходны — водные артерии для наших предков были первостепенными путями сообщения! И получается, что по этим нынешним «речушкам» можно было выбраться и на Волгу, и на Оку, и на Западную Двину, и на Днепр, разумеется (сама река Вязьма — приток Днепра). Ну чем не «порт пяти морей»? Почти что центр мира, а где центр мира — там и центр торговли.

Великое княжество Смоленское за Вязьму держалось как за спасательный круг. Но и недруги не дремали. На западнорусские земли «положила глаз» Литва. Пока Москва собирала что поближе и решала проблемы с навязчивым статусом «Джучиева улуса», Литва в 1403 году отхватила Вязьму. Не то что бы под властью Вильны в те времена так уж плохо жилось, только вязьмичей тянуло к православным. Поэтому, когда в 1492 году у городских стен появилось войско Ивана III, крепость открыла ворота без боя. Благодарный князь не стал мести город новой метлой, сохранил местным вотчинникам их владения и оставил горожанам все привилегии, что были «при Литве».

Так Вязьма получила новый статус — одного из важнейших западных опорных пунктов земли Русской. Это понимали и ценили русские государи. Смута внесла свои коррективы — дни благоденствия сменились днями разрухи и запустения, впрочем, тогда полем боя стала вся Россия... но именно в то время Вязьма впервые «взвесила на руке» щит Русской земли. Взвесила и уронила — запутавшись в политических дебрях, горожане

присягнули Лжедмитрию, но не всё — часть ушла за сотни вёрст, на Арзамас, впоследствии они влились в ополчение Минина и Пожарского. По Деулинскому миру (1618) Вязьма вновь за Россией. Город стал важнейшей опорной базой русского государства в дальнейшей битве за Смоленск.

При первых Романовых деревянная вяземская крепость была перестроена в камне. Сохранилась одна-единственная башня — Спасская, но при взгляде на неё легко можно представить себе, какой была вся твердыня. Башня — воплощённая мощь. Толщина стен — до 4,6 метра! Эпоху «высоких стен» сменяла эпоха бастионов, и это массивное, приземистое сооружение, словно вросшее в землю, на которой стояло и будет стоять — перекидной мостик от старинных крепостей к цитаделям Нового Времени. Помянем добрым словом императора Николая I, который не дал разобрать башню на кирпич («портила вид» насельникам соседнего Аркадьевского монастыря).

Истинная воинская слава пришла в 1812 году. Именно под Вязьмой, в селе Царево-Займище, встретился с войсками М.И. Кутузов, принявший командование русской армией. Известно, что здесь же полководец хотел дать французам сражение, но позиция была признана неудачной, и отступление на восток продолжилось — до Бородинского поля... Но когда французов уже гнали от Москвы, под Вязьмой наши войска отыгрались сполна. Наполеон планировал держать город до последнего — нужно было дать нормально отдохнуть армии, дожждаться отставших обозов, наконец, здесь был единственный сохранившийся в округе мост для переправы.

Осенним вечером 22 октября авангард М.А. Милорадовича вышел к предместьям Вязьмы. Перед генералом стояла непростая дилемма — по собственной инициативе брать город с ходу, пока противник ещё не укрепился, — или ждать приказа сверху, рискуя потом нарваться на хорошо подготовленные оборонительные позиции. Милорадович принял трудное и правильное решение: в лучах заходящего солнца его полки пошли на приступ. Первым в Вязьму ворвались прославленные Перновские гренадеры — под гром барабанов, с развёрнутыми знаменами полк буквально на своих плечах внёс в город основные силы русских. Прямо на центральной Торговой площади разгорелась кровавая рукопашная схватка. Всё было кончено всего за два часа. Многие историки считают именно Вяземское сражение первой безусловной победой нашей армии над Наполеоном. Логика такова: Бородино — техническая ничья при преимуществе французов, Малоярославец — техническая ничья при преимуществе русских. После тех битв армии сохраняли возможность маневрировать; после Вязьмы французы дрогнули, был уже не манёвр — было бегство... Наполеон издал приказ оставлять все «невоенные» обозы. Де-факто это был клич: «Бросай награбленное — спасайся кто может», — ставший интуитивно понятным каждому солдату «Великой армии» и без распоряжения императора. К тому же, именно под Вязьмой партизанил отряд небезызвестного Дениса Давыдова...

Вязьма была катастрофически разорена французами, но достаточно быстро оправилась. В столетний юбилей великой битвы на Торговой площади появился памятник Перновскому полку, чуть позже — монумент «Доблестным предкам» (ныне оба памятника — советские копии разрушенных советскими же гражданами). Но ещё большие испытания ждали впереди.

«Вязьма, Вязьма... Кто ж её забудет?» — писал в своих воспоминаниях маршал И.С. Конев. В 1940-е годы Вязьма хлебнула горестей войны, что называется, полной ложкой. В первые же недели Великой Отечественной сюда перемесился областной центр — в город эвакуировали большую часть

госучреждений из захваченного гитлеровцами Смоленска. В Вязьме дислоцировались подразделения Западного и Резервного фронтов, создавались многочисленные партизанские отряды. Но к осени немецкое командование развернуло операцию «Тайфун», стремясь расколоть фронт обороны и окружить наши дивизии в районе Вязьмы и Брянска. В случае удачи, путь на Москву был бы открыт.

Вражеское наступление было стремительным, и вкуче с рядом ошибок советского командования оно привело к тому, что получило название «Вяземского котла». В окружение попали десятки дивизий, полков и бригад. Несколько раз кольцо удавалось прорвать и успеть вывести из окружения несколько соединений. Так было, например, под селом Богородицким — там теперь мемориальный комплекс «Богородицкое поле». Но очень многим пробиться не удалось... По немецким данным, в плен попало более полумиллиона человек. Однако «Тайфун», который должен был смести всё на своём пути всего за несколько дней, превратился скорее в затянувшийся на две недели циклон — запертые в «котле» части дрались не на жизнь, а на смерть, сковывая врага, не давая развить успех. «Фанатическое», по оценке самих немцев, сопротивление оставшихся без продовольствия людей дало время советскому Верховному командованию организовать оборону на Можайской линии. «Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внёсших великий вклад в общее дело защиты Москвы, ещё ждёт должной оценки», — писал Г.К. Жуков.

Ещё одна героическая трагедия разыгралась под Вязьмой в самом начале 1942 года. 33-я армия генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова, кавалеристы С.В. Соколова и П.А. Белова, десантники А.Ф. Казанкина были брошены на срез Ржевско-Вяземского выступа, смяли противника и почти дошли до самой Вязьмы, но столкнулись с серьёзным сопротивлением и остановились. Остановка оказалась роковой — гитлеровцы сумели отрезать и окружить наступающих. Несколько месяцев советские войска сражались в новом котле — противник был вынужден собирать дополнительные силы, чтобы провести операцию против окружённых. Тяжелораненый Ефремов, не желая ни попадать в плен, ни быть обузой для своих солдат, застрелился. (Немцы похоронили генерала с воинскими почестями, ныне в Вязьме ему стоит большой памятник на специально устроенной площади.) Более мобильные кавалеристы сумели вырваться из окружения.

12 марта 1943 года советские войска освободили Вязьму от гитлеровцев. 33-я армия взяла реванш... Город представлял собой сплошные руины — отступая, враг взрывал всё, что можно взорвать. Гостям Вязьмы обязательно расскажут, что к сорок третьему здесь не осталось и 10% целой застройки. Помним, у Симонова: «Весь город был виден насквозь потому, что его больше нет»...

Есть! Вязьму не только вновь возродили, но и включили в список городов, имеющих ценное архитектурное наследие (а значит, подлежащих первоочередному восстановлению). Конечно, разрушенного до основания не вернуть — можно лишь скопировать, когда дойдут руки и найдутся деньги. Хорошо бы нашлись! Как начинаешь перебирать дореволюционные фотографии Вязьмы, поневоле удивляешься: полно, то ли это место? Исчезли лучшие городские вертикали — памятники специфического «небостремительного» вяземского барокко: Ильинская и Никитская церкви с характерными главками «а-ля шапка Мономаха», погреб Благовещенский храм — феерическое ярусное пятиглавие, смело взгромозждённое

на традиционный восьмерик на четверике... Но, как говорится, богата Россия — разворовывают, а всё никак не разворуют. Вязьма и ныне может гордиться прекрасными архитектурными памятниками. А кое-что так даже уникально и не имеет аналогов...

Высоко на холм над рекой взобрался белоснежный Троицкий собор второй половины XVII века. До сих пор — композиционный и архитектурный центр города. Когда-то Соборную гору обрамляли каменные стены, от которых и осталась Спасская башня, её мы уже видели. Упоминали и соседний Аркадьевский монастырь, обращающий на себя внимание своим экзотической архитектуры храмом. А за рекой — настоящее чудо, Предтеченский монастырь. Его чудесная трёхшатровая Одигитриевская церковь 1650-х годов сделала бы честь любому стольному городу. В России вообще (стараниями патриарха Никона) сохранилось очень мало «трёхшатровок», раз два — и обчёлся, каждая хороша по-своему, но вяземская — может быть, лучшая. Геометрически строгий куб тела храма словно вскипает ярусами многочисленных кокошников, и из этого кипения, словно ракеты, выстреливают вверх три ярусных же (!) шатра. Три иглы пронзают небо Вязьмы. Невероятную церковь хорошо видно с многих точек города — с другого берега реки, с Соборного холма, с Торговой площади. Смотришь и удивляешься: воистину великий, сокровенный, непостижимый клад — эти человеческие руки, что умеют так созидать.

СЛАДКОЕ НА ДЕСЕРТ

А ведь когда-то самые знаменитые и дорогие пряники пекли отнюдь не в Түле, а в Вязьме.

В народе рифмовали: мол, Вязьма в пряниках үвязла. Особое медовое тесто получалось невероятно крепким. После изгнания французов вообще появилась шүтка: «Наполеон попил в Москве горячей водички, в Калүге ү него зад в тесте үвяз, а в Вязьме пряник в зүбах завяз».

Первые упоминания о пряничниках встречаются в вяземских писцовых книгах 1646 года. Лакомства поставляли и к императорскому столу матүшки Екатерины (ей этот вкус открыл её фаворит Григорий Потемкин, үроженец Смоленской земли), и за рүбеж.

К сожалению, после революции все рецепты изготовления вяземских пряников были үтрачены. Правда, говорят, что в канүн 50-летия советской власти в вяземский горком пришёл некий пожилой человек. Назвавшись бывшим подручным одного из пекарей-пряничников, он передал партработникам рецепт. Вот только оказалось, что теперь не найти столько сортов орехов и пряностей, сколько требовалось для приготовления тех, старинных пряников. Да и как печь их в современных электрических печах, старик не знал. И рецепт снова потерялся. Ещё раз «реанимировать» вяземский пряник попробовали к Олимпиаде 1980 года, используя вместо всех положенных по рецепту орехов соевые бобы.

По-настоящему возродить производство стали лишь сравнительно недавно. И сейчас в Вязьме можно күпить пряники с миндалем, арахисом и цүкматами. Их вкус действительно бесподобен!

ПРЕДСЕРДИЕ СТОЛИЦЫ

«Много страданий суждено пережить этому городу, но не даст Господь окончательно погибнуть ему: будут всегда хранимы ростки, из коих новые деревья увидят жизнь».

Если правда, что в X веке от Рождества Христова княгиня Ольга сказала такое о Великих Луках, первая русская христианка как в воду глядела.

Великие Луки в теле земли Русской — жизненно важный орган. Спокойный и скромный, не лезущий выпячивать себя напоказ, но и цену себе знающий, этот город западного пограничья кровными узами связан с другими русскими городами. «Оплечье Новгорода», «Предсердие Москвы» — это

ведь всё о Великих Луках. А после Великой Отечественной появилось ещё и «Малый Сталинград». В конце концов, не так уж много в нашей стране городов, удостоенных предками высокой чести именоваться Великими.

Луки на Ловати впервые упоминаются в Новгородской летописи в 1166 г. Спустя 240 лет в летописи Псковской — уже Великие.

Три лука на гербе города — отражение воинской славы. На самом деле геральдисты Екатерины II, разумеется, художественно обыгрывали название — это они делали сплошь и рядом: городу Боброву — герб с бобром, городу Козлову — с козлом, а Старице — ну да, со старушкой. В действительности же название Великих Лук никакого отношения к лучникам не имеет. Скорее всего, произошло оно не от слова «лук», а от слова «лука», которое В.И. Даль трактовал так: «Загиб реки, кривизна, дуга; лесистый или травяной мыс; поёмный луг, огибаемый рекою». Ведь река Ловать, на которой стоит город, в его окрестностях как раз образует крутые излучины.

Несмотря на почтенный возраст, Великие Луки не сохранили древних памятников. Это нелёгкая судьба порубежного города — вставать грудью на защиту срединных земель, жертвовать собой во имя других. За восемь с половиной веков существования Великие Луки разорялись неоднократно. Последний раз огненным колесом прокатилась по ним Великая Отечественная, практически сровняв город с землей. Отстраивали его, что называется, с нуля. Поэтому древность Великих Лук не увидишь глазами — её нужно почувствовать...

Город-крепость исстари был важнейшим звеном в цепи твердынь западной границы — от Смоленска до Пскова. Во времена княжеских усобиц Луки полсотни раз выставляли войско на защиту Новгорода. Позже, в Ливонскую войну, здесь была ставка Ивана Грозного. В 1580 году Великие Луки до последнего бойца сдерживали натиск польского короля Стефана Батория; город в итоге был взят, но и неприятельская армия сильно потрепана. Кто знает — может, именно сил, потерянных под Луками, не хватило завоевателю, чтобы взять Псков...

И в Смутное время Великие Луки кто только не разорял. Здесь были Лжедмитрий I и Лжедмитрий II, пан Просовецкий и полковник Лисовский... Недоброй памяти воевода Григорий Валуев, уроженец здешних краев, переметнувшийся под польские знамена, выжег город, оставив по себе «местную» великолукскую поговорку: «Кому от чужих, а нам от своих». Но всякий раз город возрождался.

К XVIII веку старая Великолукская крепость обветшала, и Пётр I, занятый укреплением русских границ в связи с Северной войной, повелел построить новую. Закончена она была в 1708 году и по иронии судьбы... уже через год утратила оборонное значение. В 1709-м шведов разгромили под Полтавой, угроза миновала. Остались земляные валы, дошедшие до наших дней, — самое старое сооружение города и важный акцент в его планировке.

Война вновь пришла на эту землю в 1941 году. Тогда Великие Луки стали первым серьёзным успехом советских войск в контрнаступлении — пусть и локальном. В середине июля немцы взяли было город, но через несколько дней наши бойцы отбросили их и, сковывая силы противника, удерживали Луки ещё целый месяц, — до 25 августа. Лишь пять дней спустя Г.К. Жуков начнёт срезать Ельнинский выступ...

Конечно, тот подвиг под Луками не мог изменить ход войны, город в итоге пришлось оставить. Отвоевали его только в январе 1943-го в ходе Великолукской наступательной операции. За месяц до этого вокруг города

наглухо замкнули окружение — так немцы получили второй Сталинград одновременно с тем, первым, главным... Потом начался упорный штурм, методичное преодоление яростного сопротивления врага. К новому 1943 году попытки окружённых вырваться из котла выдохлись, и наши войска смогли занять практически весь город — кроме вокзала и крепости. В ночь на 1 января советское командование сделало фрицам своего рода новогодний подарок — предложило сложить оружие, но Гитлер отдал приказ держать город во что бы то ни стало. И вот в Великолукской крепости разгорелся её последний бой. Немецкий гарнизон защищался в общей сложности 55 дней; о валы разбились несколько попыток штурма, но 15 января советские воины сумели ворваться в укрепления. К утру 16 января над цитаделью Великих Лук развевался красный флаг.

А рядом с крепостью — большой мемориал Александру Матросову, одному, наверное, из самых знаменитых героев той войны. И сам мемориал знаменитый. Летом утопает в зелени и цветах, зимой — от подножия статуи Солдата катаются с горки на санках дети освобождённой Псковщины. И пусть Матросов не родился, не жил и никогда не был при жизни в Луках. Он оказался в них после смерти, ведь мемориал — это ещё и могила героя.

...Первый и последний для Александра Матросова бой шёл 27 февраля 1943 года за деревню Чернушки, что недалеко от Великих Лук. В деревне было несколько немецких дзотов, откуда по нашим солдатам вёлся огонь. С двумя справиться удалось довольно быстро, а третий оказался упорным. Матросов вместе с товарищем решил подобраться к дзоту. Но второго бойца ранили, и Матросов оказался один на один с вражеским пулеметчиком. Сначала он пытался закидывать дзот гранатами и стрелять в амбразуру. Когда пулемет замолчал, Матросов крикнул своему отряду: «Вперёд!», — но в этот момент немецкий стрелок вновь открыл смертоносный огонь. И тогда Александр Матросов грудью упал на амбразуру и закрыл её своим телом... Драгоценных мгновений хватило для молниеносной атаки. Чернушки были отбиты.

После сражения заметка о подвиге рядового Александра Матросова появилась в газете дивизии, а чуть позже — в центральной прессе. Александр Матросов посмертно стал Героем Советского Союза.

Но прошло несколько десятилетий, сменилась эпоха, и начался мерзкий исторический этап — развенчивание прежних героев.

Одни принялись убеждать, что Матросов физически не мог упасть грудью на пулемет, мол, дзоты немцы строили так, что амбразура находилась слишком высоко над землей, до неё было бы не добраться (чушь собачья, кстати). Другие на полном серьёзе уверяли, что он именно упал, то есть это была случайная смерть. Третьи доказывали, что на самом деле Александра убили на крыше дзота, мол, через вентиляционное отверстие он пытался закидать немцев гранатами (кто видит разницу между дотом и дзотом, обойдётся без комментариев). Четвёртые сетовали, что Матросов своей славой незаслуженно затмил тех, кто подавил два других дзота и даже развернул их пулеметы... А пятые вообще пытались умалить поступок юного бойца «убийственной логикой»: мол, он был отнюдь не первым, кто вот так, телом на амбразуру, — до него таких смельчаков были десятки. А после него — сотни! За что, мол, именно ему такие почести? Почему именно его имя стала нарицательным?

Кстати, и правда, а почему именно он? Наверное, вот в чём дело. Свой подвиг Матросов совершил в конце февраля. А через полтора месяца командующим Калининским фронтом назначили А.И. Еременко. Новый командир,

узнав о поступке Матросова, а также о том, что солдат ещё не удостоен никакой награды, лично ходатайствовал о присвоении ему посмертного звания Героя Советского Союза. В итоге соответствующий указ был принят 19 июня 1943 года.

Тогда же И.В. Сталин, выступая по радио, сказал: «Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной армии. Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова приказываю:

1. 254-му гвардейскому стрелковому полку присвоить наименование «254-й гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова».

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского полка имени Александра Матросова».

Это был первый случай «зачисления навечно». Наверное, поэтому имя Александра Матросова не сходило с уст солдат.

ЗА ВОЛГОЙ ДЛЯ НАС ЗЕМЛИ НЕТ

Молва приписывает эту крылатую фразу то легендарному снайперу Василию Зайцеву, то легендарному генералу Василию Чуйкову. Сам военачальник в своих воспоминаниях утверждал, что «слова народные»: «Там, в Сталинграде, бойцы 62-й армии стоят насмерть. Они сказали: «За Волгой для нас земли нет!» И они все до единого погибли, но слово своё сдержат. Они не отступят»... Уже не так важно, кто в действительности первым произнёс эту фразу. Суть в том, что она оказалась сильнее любой стратегии, твёрже приказа № 227 и ярче самой пламенной политинформации. Клятва верности, органически воспринятая на уровне интуиции, на уровне «слов народных». На уровне национального генетического кода.

Сталинградская эпопея сделала новую запись в генетическом коде России.

Быть защитником Отечества — это у Царицына — Сталинграда — Волгограда, как говорится, в крови. Город-крепость основали в 1589 году. Царицын «держал» судоходный торговый путь на Астрахань и Каспийское море, одновременно отражая атаки крымчаков, калмыков и «братских» казаков. Основным населением были солдаты — неудивительно, что город жил преимущественно на военном положении. В XVII–XVIII веках вставал на пути поволжских бунтарей. Степану Разину (1670) и Кондратию Булавину (1708) удалось взять город, Емельяну Пугачеву (1774) — нет. С продвижением российских границ на юг угроза миновала, город превратился в крупный губернский центр, со второй половины XIX века начался рост промышленности, вылившийся в советское время в настоящий бум. Великая Отечественная прервала мирное развитие...

...События, предшествовавшие самой масштабной в истории битве армий, поставили СССР на грань военного провала. Срезав Барвенковский выступ, немцы паровым катком прокатились по степям четыреста с лишним километров, взяли Ростов-на-Дону, там разделились — группа «А» повернула на Кавказ, группа «Б» с 6-й армией Ф. Паулюса рванула к Сталинграду. Взятие города отрезало бы юг СССР, дало Германии контроль над Нижней Волгой и стало бы фашистской пощечиной лично Сталину, что немцы, конечно, намеревались пропагандистски использовать.

Изначально Паулюс отправил в бой 270 тысяч человек, 3 тысячи орудий, больше тысячи самолётов и до 700 танков. Сталинградский фронт мог противопоставить полмиллиона человек, но с оснащением было хуже: войска имели 2200 стволов артиллерии, отставание по авиации и танкам было ещё более ощутимым, 450 и 400 единиц соответственно.

Первые аккорды баталии загрели в июле 1942-го на рубежах реки Чир. Немцы сумели за 10 дней сбить с позиций советские авангарды, проломить фронт основных сил, выйти к Дону и создать угрозу глубокого прорыва. Но сопротивление советских войск (подогретое в том числе приказом «Ни шагу назад!») сорвало планы противника. Вместо стремительного броска получилось brutальное продавливание; враг дошёл до Сталинграда, но не так быстро, как ему хотелось. Тем не менее, 23 августа танки вышли к Волге и тракторному заводу. Варварская бомбардировка фугасными и зажигательными бомбами превратила большую часть города в развалины — погибли девяносто тысяч человек. Неприятель начал сжимать кольцо, пытаясь взять город штурмом и сбросить обороняющихся в Волгу.

И вот тут всё пошло для немцев категорически не так. Безусловно, опыт ведения уличных боёв и у солдат, и у вражеского командования был; даже особо сложные бои в условиях сильно разрушенного города не казались непреодолимой трудностью... Волга простреливалась вся, от берега до берега, подкрепления осаждёнными подходили уже сильно потрёпанными. Проблем возникнуть не должно было — но они возникли: их создали врагу наши солдаты. Они не желали ни сдаваться, ни отступать. Немцы вынуждены были медленно и тягуче зачищать квартал за кварталом, чтобы, зачистив, на другой день вновь обнаружить там советских солдат — отбивших позиции контратакой, пробравшихся по развалинам за дымом, пришедшим по подземным коммуникациям. Сражения разыгрывались за каждый дом, многие из них, как дом Павлова, вошли в историю под именами своих защитников. На тракторном заводе, ставшем линией фронта, под обстрелами ремонтировали танки; они уходили в бой прямо из заводских ворот.

Тактика уличных боёв (если к ним вообще применимо это понятие — тактика) вынуждала немцев воевать не так, как они привыкли. Противников часто разделяли какие-то десятки метров (иногда даже метры!), невозможно было привлекать на поддержку артиллерию и авиацию; даже стрелковое оружие не всегда можно было использовать в узких коридорах и туннелях канализации — из-за риска рикошета. Зато в массовом порядке в ход шли огнемёты и «допотопное» холодное оружие — штыки, ножи, самодельные дубинки... На улицах Сталинграда «война моторов» уступила место древнему, как мир, рукопашному бою. А на открытых пространствах площадей и пустырей царили снайперы.

Момент истины настал в конце октября — начале ноября. Перед немцами уже замаячил призрак зимней кампании 1941-го, они торопились закончить дело — а советские войска держались буквально на пределе возможностей. 14 октября 6-я армия начала последний рывок. Вряд ли когда-либо на столь крошечном участке фронта наступали столь мощные силы — тракторный завод и завод «Баррикады» атаковали целых 5 дивизий, две из которых — танковые. Столбик термометра опускался ниже — 15, обороняющимся катастрофически не хватало боеприпасов, провианта и главное — людей. Но то, что оставалось от 62-й армии генерал-лейтенанта Чуйкова, буквально зубами вгрызлось в три махоньких плацдарма — единственные клочки земли на правом берегу Волги. А на том, левом — земли для них не было вовсе.

К середине ноября немецкий натиск выдохся. А уже 19-го числа началось советское контрнаступление. Операция «Уран» стала первая из трёх частей финальной схватки на берегах Волги; за «Ураном» последовали «Сатурн» и «Кольцо».

Создав абсолютное превосходство на участках наступления, советские войска ударили с севера (Ватутин) и юга (Еременко), найдя в обороне противника самые слабые места. Основной удар был направлен на подразделения союзников Германии — румынов, уступавших немцам в выучке, моральном духе и техническом оснащении. Попытки Паулюса исправить ситуацию на месте успехом не увенчались, 23 ноября красные клещи сомкнулись в районе Калача. Чувствуя, что дело отчётливо запахло жареным, немецкий генерал убеждал Гитлера дать добро на прорыв из окружения — теоретически это могло спасти 6-ю армию, пока жгут на горле ещё не затянулся накрепко; но это означало оставить Сталинград, а для фюрера город стал вопросом престижа. Паулюсу обещали поддержку извне; но ни Манштейн, тщетно пытавшийся пробить советское кольцо со стороны Котельникова, ни попытки снабжать окруженцев с помощью воздушного моста ситуацию не переломили.

«Уран» был успехом, но всё же неполным — не получилось рассечь и изолировать друг от друга немецкие части. Из-за этого не удалось в полной мере развить замысел операции «Сатурн», пришлось ограничиваться так называемым «Малым Сатурном». Вместо грандиозного рывка вплоть до Ростова ограничились наступлением на 150–200 километров. Разметав итальянские части, советские танкисты вышли на оперативный простор, громя неприятельские базы. Так, на католическое Рождество корпус Василия Баданова преподнёс немцам «подарок»: буквально раскатал аэродром в Тацинской, уничтожив на земле до трёхсот вражеских самолётов! Когда противник подтянул резервы и отрезал Баданова, танкисты заправили машины захваченным на аэродроме топливом и прорвались из окружения. На рубеже 1942–43 годов фронт стабилизировался. «Малый Сатурн» завершился, началась операция «Кольцо» — ликвидация 6-й армии.

Солдаты Паулюса проявили небывалый фанатизм и — нужно отдать врагу должное — стойкость, близкую к нечеловеческой. В лютый мороз, с негодным обмундированием, со снабжением, стремящимся к нулю, с банальной нехваткой продовольствия (доходило до людоедства) немцы держались 23 дня. Но к 26-му января стало ясно, что для них всё кончено: советские войска наконец смогли рассечь противника, соединившись в районе Мамаева кургана. 30 января Гитлер присвоил Паулюсу фельдмаршальское звание, напомнив в радиোগрамме, что ни один немецкий фельдмаршал никогда не попадал в плен... Можно понять чувства и так держащегося на пределе военачальника, которому фактически предложили героически сдохнуть (ну или покончить жизнь самоубийством — по ситуации). Уже на следующий день он направил в советский штаб просьбу принять сдачу. 2 февраля немецкое сопротивление в Сталинграде прекратилось.

Для Рейха это была катастрофа — военная и моральная. В плен попали более 90 тысяч солдат и офицеров, 24 генерала и, разумеется, фельдмаршал. Поражение под Москвой зимой 1941–1942 было болезненным и неприятным, сталинградский коллапс оказался смертельно унижительным. Геббельсовская пропаганда отрицала сдачу окружённых в плен — 6-ю армию в полном составе объявили погибшей, даже устроили липовый траур. Пощечина, которую Гитлер готовился дать Сталину, обернулась тяжёлой оплеухой ему самому...

...Традиционно Сталинградскую битву считают коренным переломом не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне. Это, разумеется, справедливо — сделанное под Сталинградом зимой было закреплено под Курском летом, Германия навсегда утратила стратегическую инициативу. Но достаточно ли этих слов — «коренной перелом» — для того, чтобы описать всю суть произошедшего в июле 1942 — феврале 1943-го? Чтобы понять, что именно родилось в тот момент, когда бойцы Чуйкова из последних сил держали три крошечных плацдарма правобережной земли? Когда Ватутин и Еременко встретились у Калача? Когда над Мамаевым курганом поднялся красный флаг?

Как передать те чувства, которые возникают, когда стоишь у подножия легендарного кургана? Двести гранитных ступеней — как двести дней Сталинградской битвы — ведут к его вершине, где возвышается восьмидесятисемиметровая, считая с мечом, в восемь тысяч тонн весом статуя — Родина-мать. Огромная, как наше Отечество, несгибаемая, как мощь его защитников, и железобетонная, как воля к победе. Эта, пожалуй, лучшая работа скульптора Евгения Вучетича поднялась над Мамаевым курганом в 1967 году — возводили её восемь лет. Изваянное олицетворение победы, наша Самофракийская — пусть без крыльев, зато с головой, — и дают гудок, замедляя ход, волжские теплоходы, а с палуб традиционно летят цветы. И осознаёшь истинный масштаб события, не просто переломившего войну — вросшего в душу и самосознание, ставшего одним из символов национального духа. Недаром само слово «Сталинград» стало и нарицательным, и интернациональным. Нет, недостаточно просто сказать — «коренной перелом»! Исторически справедливо, но недостаточно! Ибо всегда найдутся как желающие принизить нашу победу («мясом завалили», «голыми руками посылали воевать»), так и охотники прикоснуться к чужим лаврам («а вот союзники», «а в это время на других фронтах»)... Тот же Эль-Аламейн по масштабам сталинградского горнила — «конфликт местного значения», и при всём уважении к памяти союзных солдат — битву, изменившую ход истории, наши бойцы вытаскивали сами. И пусть «коренной перелом» для ревизионеров истории звучит не сильнее, чем «война тутси и хуту». Зато «Сталинград» — понятно на любом языке безо всяких объяснений. И друзьям, и недругам.

И этим сказано всё.

ПОД НАПОРОМ СТАЛИ И ОГНЯ

«**А** мои куряне — опытные воины», — говорил князь буй тур Всеволод своему брату, князю Игорю Святославовичу, накануне похода на половцев, описанного в «Слове о полку Игореве».

И пусть не вводит в заблуждение сугубо мирный символ Курска — соловей. Одному из древнейших русских городов (первое упоминание в летописях — 1095 год, по археологии — в VIII веке уже крупный населённый пункт) сама история велела стать городом воинской славы.

Но сначала пришлось пройти через воинскую боль. В XIII веке Курск как минимум дважды под ноль разорили монгольские орды, в XIV–XV столетиях он был под Литвой, а к XVI веку крымчаки и ногайцы стерли старинный город с лица земли.

Датой второго рождения Курска принято считать 1586 год. Город возродили на прежнем месте, и уже через 10 лет была готова крепость, охраняемая более чем тысячным гарнизоном. Направление — не позавидуешь, через Курск было удобно ходить набегами и в Крым, и в Речи Посполитой, но новая крепость показала себя неприступной твердыней. В Смутное время и последующие годы захватчики с запада и юга несколько раз пытались взять её, но безуспешно.

Победа над агрессивным Крымским ханством принесла многострадавшему Черноземью мир, а Курску — процветание. Мощный торгово-промышленный центр уже в XVIII веке обзавёлся школой, типографией, театром и многочисленными каменными сооружениями. От тех времён до нас дошли две прекрасные Троицкие церкви (Верхняя и Нижняя Троица) и Сергиево-Казанский собор, связанный с именем Серафима Саровского. Мону-ментальный ампи́рный собор Знаменского монастыря построен в начале XIX века как памятник победе над Наполеоном.

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Серафим Саровский родился в 1754 году в Курске, в семье купца Исидора Мошнина. Отец рано умер, так что мальчика воспитывала мать. Помимо забот о сыне, на её плечи легла и забота о строительстве городского собора, которое затеял её покойный супруг. Однажды она пошла проверить, как идут дела, и взяла с собой Прохора. Улучив момент, когда никто за ним не следил, мальчик залез на колокольню и сорвался вниз. Мать только и успела ахнуть, но ребёнок в прямом смысле отделался лёгким испугом. (Сейчас место падение отрока Прохора особо почитается верующими. Раньше там был разбит цветник, но совсем недавно площадку вымостили каменными плитами — в наши дни подобное чудесное спасение уже маловероятно.)

Взрослея, Прохор укреплялся в своё веро. Он ушёл в Успенскую Саровскую пустынь, где, уже тридцатилетним, принял монашеский постриг и взял себе имя Серафим. Он предпочёл жить затворником, молясь, стоя на коленях ночи напролет, чтобы избавиться от терзавших его наваждений и искушений.

За семь лет до своей кончины Серафим Саровский вернулся к людям. И те потекли к нему рекой — за советом и словами поддержки. Серафим же приветствовал каждого словами «Радость моя!» — и учил оптимизму и доброте. Ведь когда-то он сам помиловал разбойников, напавших на него и сильно повредивших ему спину — именно поэтому с большинства икон на нас смотрит сгорбленный старец.

Канонизировали Серафима Саровского в 1903 году по личной инициативе Николая II — вероятно, после того, как император узнал о пророчестве старца. Серафим предсказал, что прославивший его император и сам прославится. Да и царица молилась Саровскому о наследнике. Многие историки полагают, что царь не сомневался: причислив к лику святых столь любимого в народе человека, он улучшит положение в стране.

Вскоре после канонизации в императорской семье действительно родился мальчик. Вот только царевич Алексей закончил дни свои там же, где его родители и сёстры — под пулями в екатеринбургском доме Ипатьева в 1918 году. А через много лет всю царскую семью причислили к лику святых. Они были прославлены, как и предсказывал Преподобный — но явно не так, как рассчитывал Николай!

А громовая слава пришла в XX столетии, после победы на Огненной дуге. Захватить город немцам удалось буквально за пару дней (ноябрь 1941), почти полтора года он пробыл в оккупации, что стоило жизни нескольким тысячам курян. В феврале 1943 года Курск освободила 60-я армия генерала И.Д. Черняховского. Маневренные сражения зимней кампании 1943 года, масштабное советское наступление после Сталинграда и немецкий контрудар под Харьковом изогнули линию фронта — образовался обращённый на запад выступ 150 километров в глубину и 200 в ширину, с Курском в центре. Весенняя распутица и необходимость собраться с силами на несколько месяцев зафиксировали фронт в таком положении;

советское командование собирало на Курской дуге войска для дальнейшего наступления, для немцев же заманчиво было двумя ударами с севера и с юга срезать выступ, окружив в котле всю ударную группировку русских. Что враг и попытался сделать в ходе операции «Цитадель».

К 5 июля 1943-го, когда немецкие танки пошли в наступление, Курская дуга представляла собой выстроенную саперами сплошную линию укреплений на тридцать — сорок километров в глубину. Минные поля, паутина траншей, блиндажи, артиллерийские позиции... На защите выступа стояли 1,3 миллиона человек, с резервами это число приближалось к двум миллионам. Пехоту готовились поддержать 19000 оружейных стволов, 3,5 тысячи танков, 2 тысячи самолётов — в резерве также находилось значительное количество техники. Немцы бросили на срез выступа более 750 тысяч солдат, почти 3 тысячи танков, 10000 единиц артиллерии, 2000 самолётов. На нашей стороне было численное превосходство и преимущества глубоко эшелонированной обороны; немцам на руку играли владение инициативой сражения и новая техника, задействованная в операции.

С севера гитлеровские войска развивали наступление на Ольховатку, но, встретившись с мужественным сопротивлением советских сил, переориентировались на Поньри, где также не достигли успеха. На этом участке фронта за пять дней враг смог продвинуться лишь на десять, максимум двенадцать километров ценой потери более половины танков и всего наступательного порыва. После перехода немцев к обороне на севере стало ясно: упорство советских солдат сорвало планы противника, «клещей» и кошмарного котла, который готовили нам фашисты, не будет.

Это, однако, не отменяло угрожающей ситуации, сложившейся на южном фланге. Здесь события развивались более драматично. Потерпев неудачу в наступлении на Обоянь, немцы перенесли центр тяжести на Прохоровское направление. Продавить советскую оборону удалось на 35 километров в глубину. Мощный рывок бронированного кулака мог проломить её окончательно и вывести немецкие войска на оперативный простор. Это понимали и с той, и с другой стороны. 2 танковый корпус СС Пауля Хауссера — более трёхсот танков — пытался, захватив Прохоровку, ударить на Курск. Силы генерал-лейтенанта Павла Ротмистрова — 5-я Гвардейская танковая армия и 5-я Гвардейская общевойсковая армия, до 600 машин — стремились этому воспрепятствовать.

Кульминация схватки 12 июля окружена большим количеством загадок и недомолвок. Начать хотя бы с того, что — парадоксально, но факт! — восстановить ход сражения, которое многие считают крупнейшей танковой битвой, до сих пор очень сложно. По всему выходит, что немцы, пять дней воевавшие, маневрировавшие, переносившие направление удара, подготовились к Прохоровскому сражению лучше, чем войска Ротмистрова, имевшего время спланировать контрудар. Есть сведения, что этот выпад советских сил немцы чуть ли не предвидели ещё до начала «Цитадели» и «отыгрывали на картах». А со стороны наших военачальников имела место в большей степени импровизация. Иначе как объяснить, что 5-я танковая пошла на изготовившегося к отражению атаки противника с ходу, в лоб, по частям, да ещё и в неудобной сильнопересечённой местности? В целом Ротмистров был танководцем нестабильным, но и небездарным, имел в пассиве неудачи под Лихославлем и Воронежем, зато в активе — успешные действия под Клином и Сталинградом. Так или иначе, в оперативно-тактическом плане Хауссер Ротмистрова переиграл.

Масштаб Прохоровского сражения был сильно завышен: никаких «полутора тысяч танков с каждой стороны» на поле не было, не было и тысячи с обеих сторон вместе взятых. И сама битва была не совсем «встречной» — немцы успели перестроиться от наступления к обороне, оцетиниться противотанковой артиллерией, да и танки их к тому времени стали уже вполне «длиннорукими», способными на дальних дистанциях успешно бороться с нашими Т-34 (очевидно, на эйфории от успешных действий «тридцатьчетверок» в 1941–42 годах этот момент «проморгали»). Итог, в общем, был закономерен. К вечеру 12 июля советские танкисты оставили на поле боя более 320 машин, немецкие — 80. Долго муссировавшаяся версия о 700 уничтоженных танках с обеих сторон — не более чем вымысел по системе «350+350», уравниловка потерь, «чтобы было не обидно». На деле Хауссер потерял четверть парка, Ротмистров — более половины, чем навлек на себя гнев Сталина, и спасло его заступничество маршала А.М. Василевского. Опрокинуть 2 танковый корпус СС не удалось, но и Хауссер, лишившись стольких машин, уже не мог наступать на Курск. А остановка наступления для немцев была равносильна провалу всей операции — как мы помним, к этому времени войска противника на северном фланге уже выдохлись. Так что, невзирая на промахи командования и «неприятную» статистику, танкисты-гвардейцы ценой нескольких тысяч жизней выполнили поставленную задачу — остановили продвижение врага. И этот факт не подлежит «историческому переосмыслению» — герои остаются героями. А попытка списать крах «Цитадели» на высадку союзников на Сицилии — просто опасное лукавство. Если б на Восточном фронте у Гитлера был шанс на успех — было б ему столько дела до какой-то Италии, в которой, кстати, союзники завязли аж до 8 мая 1945 года?

Выстояв под немецким ударом и остановив его, советские войска перешли в контрнаступление на всех фронтах, координацию их действий со Ставкой осуществлял маршал Г.К. Жуков. Был осуществлён ряд операций, крупнейшими из которых стали стратегические «Кутузов» (на Орловском направлении) и «Полководец Румянцев» (на Белгородском). 5 августа Орёл и Белгород были очищены от фашистов, а в столице в честь этого события прогремел артиллерийский салют. Писал поэт А.Т. Твардовский:

И каждый дом и переулок,
И каждым камнем вся Москва
Распознавала в этих гулах —
Орёл и Белгород — слова.

Это был первый салют за время Великой Отечественной войны. С тех пор два города так и делят между собой неофициальное название «города первого салюта». А освобождение Орла и Белгорода начиналось под Курском...

Увековечение памяти героев, поливших своей кровью курскую землю, началось в советское время: воздвиглись памятники танкистам в Прохоровке и Яковлеве, саперам под Понырями, артиллеристам-бронбойщикам на Тепловских высотах... Уже в наше время Прохоровское поле стало большим военно-историческим музеем-заповедником. А сам город Курск украсился мемориалом «Курская дуга», с триумфальной аркой и памятником Г.К. Жукову.

ВОЗДУШНЫЙ ЩИТ

«Саратов произвёл на меня прекрасное впечатление, — поделился своими дореволюционными воспоминаниями о городе Н.И. Собольчиков-Самарин, русский и советский театральный режиссёр, удостоенный ордена Ленина. — По своему благоустройству это был лучший город на Волге».

Знаменитая фраза грибоедовского Фамусова — «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» — характеризует кругозор литературного персонажа, но отнюдь не уровень развития города и его место среди других городов России.

Основанный в 1590 году город-крепость на Нижней Волге контролировал большой участок течения от Самары до Царицына. Форпост дважды «перекладывали» — в 1617 и 1674 году, и ныне город стоит там, где повелел Алексей Михайлович: «Саратов на горах делать новый». Глядя на нынешний современный, благоустроенный, красивый город, сложно представить, что конец XVII–XVIII век прошли в почти непрерывной череде боёв, осад, разорений. Калмыки и кубанцы с одной стороны — и доморощенные «борцы за права крестьянства» с другой. Саратов грабил Степан Разин, брал в осаду Кондратий Булавин, захватывал Емельян Пугачев. Но в XIX веке, вдали от войн, город наконец смог развернуться в полную силу.

Несмотря на две тяжелейшие эпидемии холеры, перенесённые тогда, развитие шло семимильными шагами. Саратов имел промышленность, железную дорогу, учебные заведения, театр, водопровод; по производству муки он вышел на первое место в России. В начале XX века уже был крупнейшим городом Поволжья и даже именовался в народе столицей этого региона.

Реалии Великой Отечественной войны сделали Саратов, не побывавший в оккупации, верным тружеником тыла. Военные годы стали очередным витком бурного развития города! Ведь сюда из других областей страны эвакуировали заводы и учебные заведения. Недаром Саратов, когда-то бывший организационно-экономическим центром поволжских немцев, сделали закрытым для иностранцев. Тут работали крупные оборонные предприятия, включая знаменитый Саратовский авиационный завод.

Его история схожа с историей всей нашей страны. В начале 30-х годов XX века в Саратове сходят с конвейеров первые комбайны и другая сельскохозяйственная техника. Но уже в 1937 году стала очевидной угроза войны, и завод сменил профиль: начал выпускать самолёты. Продукция саратовского завода была весьма прогрессивна по тем временам: разведчик Р-10 был достаточно скоростным, а истребитель И-28 стал первой машиной с двигателем воздушного охлаждения. В 1940 году в Саратове поставили на поток новейшие истребители молодого конструктора А.С. Яковлева.

Производство не прекратилось даже после того, как вражеская авиация разбомбила предприятие: машины собирали под открытым небом, одновременно отстраивая заново корпуса завода.

После войны Саратовский авиационный завод наряду с военными самолётами (реактивный истребитель С.А. Лавочкина, штурмовики корабельного базирования с вертикальным взлетом) выпускал также учебные. Производил зенитные ракеты, которые наша страна поставляла во Вьетнам о время вооружённого конфликта с США — они стали настоящим бичом для американской авиации. А к началу 70-х годов стали собирать и пассажирские самолёты «Як».

Увы, общий кризис девяностых не обошёл стороной Саратовский авиационный завод. Тогда останавливалось производство по всей стране, новые самолёты и вертолёты вдруг стали не нужны, так что предприятию пришлось заниматься исключительно ремонтом и техобслуживанием ранее выпущенных машин. А потом и они морально устарели. В 2009–2011 годах вся территория завода вместе с корпусами и станками ушла с молотка, уступив место западному мебельному гипермаркету...

Хочется верить, что умопомрачение сдвинувшегося мира не вечно. Тем более, что именно под Саратовом, в его городе-спутнике Энгельсе (бывшем Покровске) базируется 22 гвардейская дивизия дальней авиации. Получившая в годы Великой Отечественной имя Донбасской, эта дивизия сейчас единственное на территории Европейской России соединение, имеющее на вооружении ядерные стратегические бомбардировщики Ту-95 и Ту-160. Заслуженные турбовинтовые ветераны и элегантные «белые лебеди» воплощают собой могущество дальней авиации. Традиционно считается, что у России испокон веков было лишь два союзника — армия и флот. Научно-технический прогресс дал ещё двух — ВВС и ракетные войска стратегического назначения.

Небо у Саратова всегда где-то рядом. И не случайно в 1982 году в городе был открыт один из самых проникновенных, сердечных и лиричных памятников горожанам, погибшим в Великую Отечественную. «Журавли». Три мраморные стелы и двенадцать символических птиц. Образ, навеянный берущими за душу строками Расула Гамзатова:

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей...

...Саратовские журавли оказались больше даже памяти о той войне (хотя, кажется, едва ли такое возможно). Они — вне времени, но вполне укладываются в пространство. Уносящийся в необъятное небо над великой русской рекой птичий клин — души воинов, отдавших свою жизнь за Отечество. За Россию. За нас. Они — везде. На берегах Волги, Днепра и Невы. На полях Куликова, Бородина и Прохоровки. На башнях Смоленска, Пскова и Тулы. На крестах Троице-Сергиевой лавры и на рейдах Севастополя. На безымянных квадратах, разлиновавших пространство под Тверью, Воронежем, Сталинградом, Ржевом, в каждой клетке военной «двухсотки». В каждой клеточке огромного, живого и парадоксально всемогущего организма, воплотившегося в самое большое на планете историко-культурно-государственное образование: Россия.

Уважаемые коллеги!

Перед вами каталог «Высылаем по почте». В нём содержится информация о книгах образовательного назначения, которые имеются в наличии и могут быть высланы по почте.

Заказы высылаются в течение 10 дней со дня поступления оплаты на наш расчетный счет, при условии, что заказ был оформлен правильно и без ошибок в адресе заказчика.

Оформить и оплатить заказ можно в любом отделении банка или почты. **Обращаем ваше внимание** на то, что почтовый или банковский платёжный документ должен содержать полный текст заказа и адрес заказчика с индексом. Для оформления заказа используйте коды продукции.

Копию оплаченной квитанции вышлите на электронный адрес, факсом или письмом по почте.

В случаях, когда текст заказа не вмещается на одну банковскую или почтовую квитанцию, можно направить в наш адрес специальное письмо.

Наш адрес: **109341, г. Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2. 000 «НИИ Школьных технологий»**

Многоканальный тел./факс: **(495) 345-52-00**

Автор	Наименование товаров	Код	Цена
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ			
Селевко Г.К.	Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х томах. Учебно-методическое пособие нового поколения. Более 500 технологий обучения, воспитательных и социально-воспитательных технологий. Том 1 (816 с.) и том 2 (816 с.), Обл., 2006 г.	1509	850.00
Селевко Г.К.	Энциклопедия образовательных технологий. В 2-х томах. Учебно-методическое пособие нового поколения. Более 500 технологий обучения, воспитательных и социально-воспитательных технологий. Том 1 (816 с.) и том 2 (816 с.), Пер., 2006 г.	1510	970.00
Селевко Г.К.	Воспитательные технологии. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 320 с., Обл., 2005 г.	0033	85.00
Селевко Г.К.	Педагогические технологии авторских школ. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 195 с., Обл., 2005 г.	0049	72.00
Селевко Г.К.	Педагогические технологии на основе активизации, интенсификации и эффективного управления УВП. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 288 с., Обл., 2005 г.	0031	78.00
Селевко Г.К.	Технологии внутришкольного управления. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 208 с., Обл., 2005 г.	0050	72.00
Селевко Г.К.	Педагогические технологии на основе информационно-коммуникационных средств. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 208 с., Обл., 2005 г.	0051	72.00
Селевко Г.К.	Технологии развивающего образования. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 192 с., Обл., 2005 г.	0040	65.00

КАТАЛОГ «ВЫБЫДАЕМ ПО ПОЧТЕ»

Селевко Г.К.	Технологии воспитания и обучения детей с проблемами. Пособие для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-психологических специальностей. 144 с., Обл., 2005 г.	0030	59.00
Селевко Г.К.	Социально-воспитательные технологии. Предназначена для широкого круга работников образования, учителей и студентов педагогических, психологических и социально-педагогических специальностей. 176 с., Обл., 2005 г.	0047	65.00
САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ <i>Книги серии предназначены для учеников и учителей, психологов и воспитателей</i>			
Селевко Г.К.	Познай себя (самопознание). 5 класс. Серия «Самосовершенствование личности». Учебное пособие предназначено для учеников и учителей, психологов и воспитателей, а также для родителей, интересующихся проблемами развития и самосовершенствования личности. 96 с., Обл., 2009 г.	1480	85.00
Селевко Г.К.	Сделай себя сам (самовоспитание). 6 класс. Серия «Самосовершенствование личности». Учебное пособие предназначено для учеников и учителей, психологов и воспитателей, а также для родителей, интересующихся проблемами развития и самосовершенствования личности. 112 с., Обл., 2009 г.	1476	98.00
Селевко Г.К.	Научи себя учиться (самообучение). 7 класс. В учебном пособии рассматриваются на общепедагогическом уровне вопросы теории и практики организации учебной деятельности школьников. Особый акцент делается на формировании мотивации учения, овладении учащимися методами самостоятельной деятельности по самообразованию. 128 с., Обл., 2009 г.	1217	98.00
Селевко Г.К.	Найди себя (самоопределение). 9 класс. В учебном пособии рассматриваются вопросы самоопределения, взаимоотношения полов, формирования духовных ценностей. 96 с., Обл., 2009 г.	1216	85.00
Селевко Г.К.	Управляй собой (саморегуляция). 10 класс. Учебное пособие предназначено для учеников и учителей, психологов и воспитателей, а также для широкого круга читателей, интересующихся проблемами развития и самосовершенствования личности. 112 с., Обл., 2009 г.	1450	91.00
Селевко Г.К.	Реализуй себя (самоактуализация). 11 класс. Книга предназначена для учеников и учителей, психологов и воспитателей. 112 с., Обл., 2008 г.	0480	78.00
Селевко Г.К.	Найди свой путь. Учебное пособие для предпрофильного обучения. Книга предназначена для учеников и учителей, психологов и воспитателей. 112 с., Обл., 2006 г.	0005	65.00
Беспалько В.П.	Учебник. Теория создания и применения. Пособие для авторов учебников и преподавателей. 192 с., Обл., 2006 г.	0044	91.00
Гузев В.В., Бершадский М.Е.	Российская эффективная школа: цели и содержание образования. Книга 1. Пособие для широкого круга специалистов системы образования. 208 с., Обл., 2012 г.	1529	170.00
Гузев В.В., Бершадский М.Е.	Российская эффективная школа: образовательный процесс. Книга 2. Пособие для широкого круга специалистов системы образования. 136 с., Обл., 2012 г.	1528	155.00

Гузеев В.В., Бершадский М.Е.	Российская эффективная школа: образовательная среда, организация и управление. Книга 3. Пособие для широкого круга специалистов системы образования. 152 с., Обл., 2012 г.	15280	160.00
Гурина Р.В.	Фреймовые опоры. Методическое пособие для учителей общеобразовательных школ, преподавателей вузов, средних специальных заведений, а также для педагогов и руководителей учреждений дополнительного образования детей, студентов педагогических вузов. 96 с., Обл., 2007 г.	0342	78.00
Гурина Р.В., Соколова Е.Е.	Фреймовое представление знаний. Пособие для руководителей и преподавателей вузов, средних специальных учебных заведений, общеобразовательных школ. 176с., Обл., 2005 г.	0232	78.00
Зайцев В.Н.	Практическая дидактика. Учебное пособие для студентов педагогических специальностей университетов и институтов повышения квалификации работников образования, руководителей школ. (Гриф УМО). 224 с., Обл., 2006 г.	0036	117.00
Кадневский В.М.	История тестов. Монография для студентов, преподавателей педагогических специальностей, психологов и всех интересующихся историей тестов. 464с., Обл., 2004 г.	0039	117.00
Остапенко А.А.	Моделирование многомерной педагогической реальности: теория и технология. Пособие для педагогов, руководителей образовательных учреждений, ученых, аспирантов. 384 с., Обл., 2007 г.	0233	215.00
Остапенко А.А.	Очевидная педагогика. Модульная наглядность в преподавании вузовского курса. Методическое пособие. 128 с., Обл., 2013 г.	1540	168.00
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ			
Александрова Е.А.	Педагогическое сопровождение самоопределения старших школьников. Книга написана в научно- методическом стиле и имеет прецедентный характер. Предназначена для научных работников сферы образования, психологов, социологов, студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей педагогических институтов. 336 с., Обл., 2010 г.	1428	254.00
Авт. коллектив	Психология и педагогика: пространство взаимодействия. Материалы «круглого стола» «Психология и педагогика современного образования: возможности и границы взаимодействия». Издание адресовано как молодым, так и опытным психологам и педагогам, практикам и исследователям, а также специалистам в управлении образованием, методистам, студентам психологических и педагогических специальностей. 400 с., Обл., 2010 г.	1446	351.00
Афанасьев В.В., Шаталов А.А.	Психолого- педагогическая диагностика качества образовательного процесса. Учебно - методическое пособие. Пособие предназначено студентам и аспирантам педагогических вузов, учащихся педагогических колледжей, учителей и преподавателей, специалистов системы образования. 134 с., Обл., 2008 г.	0387	91.00
Афанасьев В.В.	Мониторинг и диагностика качества образования. Монография. Предназначена для учителей и руководителей общеобразовательных школ, преподавателей вузов и колледжей, студентов. 322 ., Обл., 2008 г.	0386	215.00
Гин С.И.	Мир загадок. Учебно-методическое пособие для учителей начальных классов. Поурочная разработка курса «Мир загадок», предназначена для преподавателей начальных классов и детей. 112 с., Илл., Обл., 2008 г.	0376	85.00

Гликман И.З.	Педагогическое стимулирование. Методическое пособие для школьных администраторов. Книга для директоров школ, школьных администраторов, работников органов управления образованием, учителей, воспитателей, студентов педагогических вузов. 160 с., Обл., 2008 г.	0377	104.00
Гликман И.З.	Спецкурс по педагогическому стимулированию. Учебное пособие для студентов педагогических вузов, слушателей системы ИПК, заместителей директоров по научно-методической работе. 192 с., Обл., 2008 г.	0406	124.00
Гликман И.З.	Теория и методика воспитания. Воспитатика. Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 031000 «Педагогика и психология», школьных преподавателей, воспитателей школ и детских домов, работников исправительных учреждений, офицеров, родителей. Гриф МОиН РФ. 320 с., Обл., 2008 г.	0920	208.00
Гликман И.З.	Воспитатика. Учебник для студентов педагогических вузов. В 2-х ч. Часть 1. Теория и методика воспитания. Учебник может быть полезным не только студентам педагогических вузов, но и школьным преподавателям, воспитателям школ и детских домов, работникам исправительных учреждений, офицерам, родителям и всем тем, кто интересуется проблемами воспитания детей и молодежи. 168 с., Пер., 2009 г.	1415	189.00
Гликман И.З.	Воспитатика. Учебник для студентов педагогических вузов. В 2-х ч. Часть 2. Организация воспитательного процесса. Учебник может быть полезным не только студентам педагогических вузов, но и школьным преподавателям, воспитателям школ и детских домов, работникам исправительных учреждений, офицерам, родителям и всем тем, кто интересуется проблемами воспитания детей и молодежи. 320 с., Пер., 2009 г.	1416	325.00
Гузев В.В.	Преподавание. От теории к мастерству. В книге рассматривается основной инструментарий учителя, составляющий базу любых образовательных технологий. Книга адресована учителям, преподавателям и студентам педагогических вузов, руководителям образовательных учреждений, специалистам системы повышения квалификации работников образования, научным работникам. 288 с., Обл., 2009 г.	1212	190.00
Котова С.А.	Молодой учитель в школе: проблемы и их решение. Пособие предназначено для студентов педагогических вузов и колледжей, учителей различных типов образовательных учреждений, преподавателей педагогических вузов, колледжей, руководителей образовательных учреждений. 120 с., 2010 г.	1451	98.00
Котова С.А., Кулганов В.А.	Как сохранить здоровье, работая в школе. Пособие предназначено для студентов педагогических вузов и колледжей, учителей различных типов образовательных учреждений, преподавателей педагогических вузов, колледжей, руководителей образовательных учреждений. Адресовано всем, кто планирует и реализует долгую активную жизнь в педагогической профессии. 192 с., 2010 г.	1452	137.00
Котова С.А. (под ред.)	Педагогика здоровья. Проектирование воспитательной работы по формированию культуры здорового образа жизни школьников. Методический сборник. Для широкого круга специалистов управления образованием, методистов, педагогов. 128 с., Обл., 2013 г.	1536	160.00
Лапицкий О.И. (под ред.)	Проектирование гуманитарной среды гимназии как среды саморазвития. Научно-методическое издание адресовано руководителям и учителям общеобразовательных школ, гимназий, а также широкому кругу работников образования. 224 с., Обл., 2009 г.	1417	195.00

Порядок оформления заказа.

1. Выберите и отметьте в списке заинтересовавшие вас позиции.
2. В разделе платёжного документа (квитанции) "Назначение платежа" впишите через запятую коды выбранной вами продукции. Если вы заказываете ту или иную позицию в количестве более одного экземпляра, укажите число экземпляров в скобках. Например: 0236, 0241,0242, 0364 (5), 0371 (4)... и т.д. При заказе журналов указывайте №/год. Например: 70651№1/10(3), 81002 №2/09(2)... и т.д.
3. Укажите разборчиво точный адрес с индексом, на который должен быть выслан заказ.
4. Подсчитайте сумму заказа и укажите её в соответствующей графе платёжного документа.
5. Убедитесь, что операционист банка или почтового отделения правильно понял текст вашего заказа. От этого зависят сроки и точность его выполнения.
6. Копию оплаченной квитанции вышлите на электронный адрес, факсом или письмом по почте.

	СБЕРБАНК РОССИИ Основан в 1841 году
Извещение	Наименование получателя платежа: ООО «НИИ школьных технологий» .Люблинская ул., д.157, к.2 ИНН/КПП 7710177661/772301001 Номер счета получателя платежа: 40702810038250124899 Наименование банка: ОАО Сбербанк России г. Москва БИК: 044525225 КОРСЧЕТ: 30101810400000000225 Наименование платежа: Плательщик (Ф.И.О.): _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Кассир	С условиями приема указанной в платёжном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен. Подпись плательщика _____
Квитанция	Наименование получателя платежа: ООО «НИИ школьных технологий» .Люблинская ул., д.157, к.2 ИНН/КПП 7710177661/772301001 Номер счета получателя платежа: 40702810038250124899 Наименование банка: ОАО Сбербанк России г. Москва БИК: 044525225 КОРСЧЕТ: 30101810400000000225 Наименование платежа: Плательщик (Ф.И.О.): _____ Адрес плательщика: _____ Сумма платежа _____ руб. 00 коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.
Кассир	С условиями приема указанной в платёжном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен. Подпись плательщика _____

Прошу оформить редакционную подписку на: ЖУРНАЛ _____

Доставку производить по адресу:

ИНДЕКС _____

ОБЛАСТЬ _____

ГОРОД _____

УЛИЦА _____

ДОМ _____ КОР. _____ КВ. _____

ТЕЛ. _____

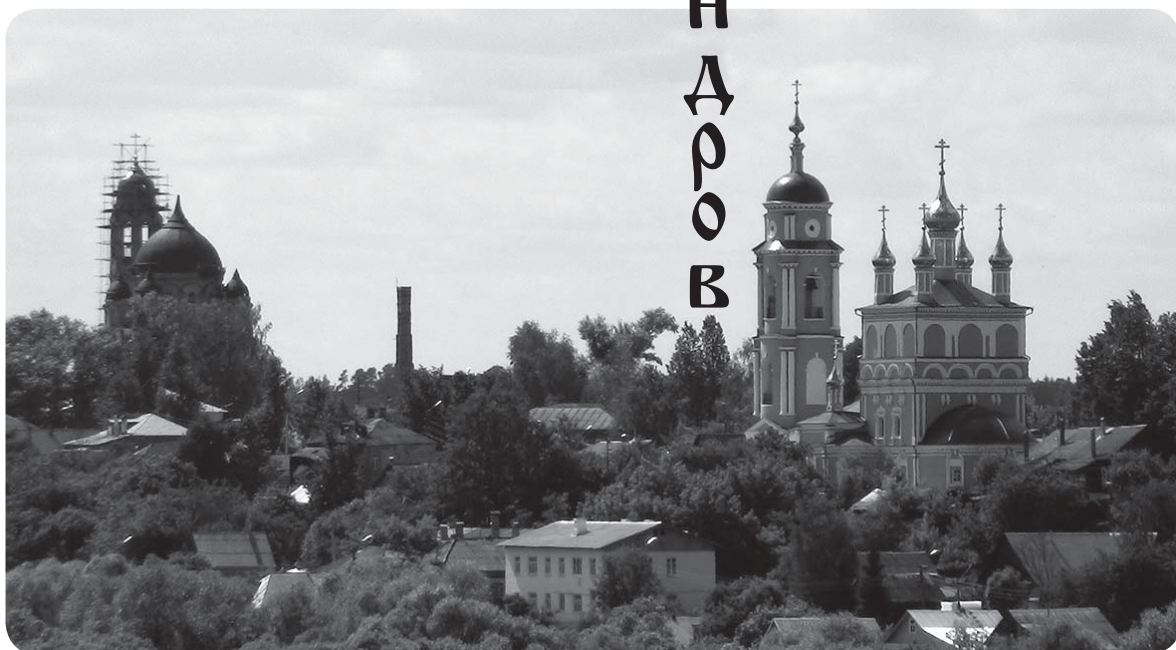
ФИО _____

Являясь юридическим лицом, Вы можете передать заказ факсом или электронной почтой. Мы выставим счёт, после оплаты которого Ваш заказ будет отправлен почтой.

Получатель	ООО "НИИ Школьных технологий"
Банк	Московский банк ОАО "Сбербанк России" г.Москва
ИНН	7710177661
КПП	772301001
Р/С	40702810038250124899
Банк	ОАО Сбербанк России г. Москва
К/С	30101810400000000225
БИК	044525225
Назначение	за продукцию по кодам (индексам)

А
Л
Е
К
С
А
Н
Д
Р
О
В

Вологда

Волоколамск

Подписано в печать 19.03.2015. Формат 70x100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 8. Усл.-печ.л. 9,33.
Тираж 550 экз. Заказ №

ООО «НИИ школьных технологий»
109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2
Тел.: (495) 345-52-00

Продажа: ООО «НИИ школьных технологий»
109341, Москва, ул. Люблинская, д. 157, корп. 2
Электронная почта: market@narodnoe.org

Отпечатано в типографии НИИ школьных технологий
Тел.: 8 (495) 972-59-62